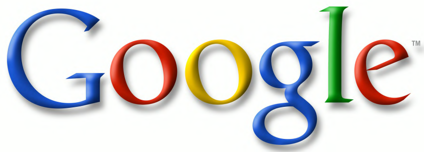

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ІЮНЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ IV.

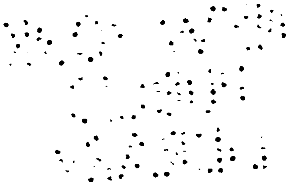
КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.

Дозволено цензурой. Кіевъ, августа 7, 1864 года.

Цензоръ **Малышевскій.**

—

№ 21-й

—

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Г. ВЕЛИЖА

Грамота Сигизмунда III-го отъ 16 марта 1597 года, на права и вольности городу Велижу.

(Переводъ съ польскаго).

Сигизмундъ третій, Божіею милостію, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмуйдскій, Мазовецкій, а Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдственный Король.

Объявляемъ симъ листомъ Нашимъ всѣмъ вообще и каждому въ особенности, какъ нынѣ живущимъ, такъ и потомкамъ ихъ, кому потребно будетъ вѣдать о томъ: билъ Намъ челомъ, подданный Нашъ, войтъ города Велижа, Богданъ Яковлевичъ, отъ себя лично и отъ имени всѣхъ мѣщанъ велижскихъ, представивъ Намъ привиллегію предка Нашего, блаженныя памяти, Его Величества Короля Стефана, тому городу Велижу данную, на право имѣть печать городскую и на иныя извѣстныя вольности, пользы и артикулы данную, прося Насъ, Государя, дабы Мы ту привиллегію и всѣ артикулы, въ оной заключающіеся, подтвердили листомъ Нашимъ. Мы приказали ее въ сей листъ

Нашъ вписать. которая слово въ слово гласить такъ: Стефанъ, Божіею милостію, Король польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмуйдскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Семиградскій и иныхъ, объявляемъ симъ листомъ Нашимъ, что Мы, Государь, взявши и возвративши, по милости Божіей, изъ рукъ непріятельскихъ, Великаго Князя Московскаго Іоанна Васильевича замокъ Велижскій, и желая, чтобы зарождающійся при томъ замкѣ городъ могъ расширится и прійти въ добрый бытъ, по Нашей королевской милости, склонясь на челобитье войта велижскаго Стефана Химeнко и всѣхъ мѣщанъ велижскихъ, дали и даемъ имъ симъ листомъ Нашимъ нѣкоторыя вольности, въ семъ листѣ Нашемъ нижеописанныя: во первыхъ, въ знакъ и увѣковѣченіе побѣды Нашей, которую надъ непріятелемъ Нашимъ, по милости и милосердію Всемогущаго Бога, съ помощію Его святою, одержали, даемъ тому городу Велижу гербъ–крестъ золотой, а подъ нимъ мечь голый, въ голубомъ полѣ, что и приказали Мы нарисовать въ семъ листѣ Нашемъ. Гербъ сей или печать, они сами и потомки ихъ имѣютъ право употреблять въ правахъ и нуждахъ городскихъ, на вѣчныя времена. Сверхъ того дали и даемъ симъ листомъ Нашимъ тому же городу Велижу, вмѣсто ста уволокъ такъ какъ по причинѣ болотъ и снѣговъ уволоки сіи нынѣ измѣрены быть не могли, грунты на пашню и на выгонъ въ границахъ нижеописанныхъ. Границы же сіи суть слѣдующія: во первыхъ, начиная отъ границы Суражской Дречихъ-Лукъ, ручьямъ Глубокимъ, по моховое болото Хорошово, которое болото прилегаетъ къ замку Валижскому и къ городу Велижу, рѣчку Сошицу, по моховое болото Вязьменское, по моховое болото Бояновъ, по рѣчку Кривку–верхнюю; а съ другой стороны Двины по ручей Быховъ и ручьемъ симъ до верховья, гдѣ начинается этотъ ручей; отъ верховья Быховскаго, суходоломъ, въ моховое болото Чернейское, съ того болота рѣчкою Полонейкою внизъ до виру большаго чрезъ дорогу Токмаково въ рѣчку Сотыню, рѣчкою Сотынею вверхъ до лугу; лугомъ, между Гривъ и Пушки–Каменя, въ верховье рѣчки Кривки нижней; рѣчкою Кривкою внизъ въ рѣку Двину, а Двиною внизъ до того же ручья Глубокаго, гдѣ начинается п я т а сихъ грунтовъ; грунты сіи, въ вышеописанныхъ границахъ, не передавая права на оные никому другому, имѣютъ право держать въ своемъ владѣніи и поль-

зоваться ими на вѣчныя времена, и Намъ, Государю, вносить въ казну Нашу, за означеный грунтъ чиншъ, какой будетъ назначенъ ревизорами Нашими, а обязаны будутъ платить такъ, какъ платилось въ верхнихъ городахъ Нашихъ пограничныхъ замковъ, за грунты самаго низшаго сорта. Для войта же Нашего велжскаго имѣютъ быть отведены изъ тѣхъ же вышеописанныхъ грунтовъ четыре уволоки земли, съ которой никакой оплаты и никакой повинности въ казну Нашу и для мѣстнаго управленія вносимо и исполняемо не будетъ, исключая податей земскихъ, назначаемыхъ Сеймовыми поставленіями; а войта города Велижа, Мы, государь, имѣемъ назначать или изъ среды ихъ же, мѣщанъ велижскихъ, или кого либо инаго по усмотрѣнію Нашему. Въ пользу того же войтовства отдаемъ повинности драгольную и подворную, въ городѣ Велижѣ собираемыя; ежегодно назначаемъ въ городѣ Велижѣ двѣ ярмарки, въ дни годовыхъ праздниковъ, а именно: первую въ день Рождества Сына Божія, а вторую въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, каковыя ярмарки имѣютъ продолжаться по двѣ недѣли цѣлыхъ, такъ что всѣмъ вообще и каждому въ особенности, купцамъ, и перекупщикамъ, и ремесленникамъ, мѣщанамъ и Волошанамъ, откуда бы они въ тотъ городъ Нашъ Велижъ ни пріѣзжали, со всякими товарами, вольно будетъ продавать, покупать и вести всенародную торговлю, по примѣру другихъ городовъ Нашихъ; а для лучшаго порядка и для безопасности пріѣзжихъ гостей, мѣщане велижскіе имѣютъ выстроить гостинный дворъ и устроить въ немъ общественные вѣсы; доходы же, съ оной получаемые, равно какъ и помѣрное. имѣютъ быть обращаемы на городскія потребности; мѣра для зерноваго хлѣба имѣетъ быть у нихъ ровная, вымѣренная, въ которой было бы четыре корца Краковскихъ и заклейменная городскимъ гербомъ. Мѣщане велижскіе не обязаны будутъ, въ пользу Нашихъ тамошнихъ старостъ велижскихъ и ихъ намѣстниковъ, никакою личною работою, ни давать подводъ, ни выѣзжать на ловы, исключая того только случая, когда сего будутъ требовать посланцы Наши, Государя, съ письмомъ Нашимъ; въ такомъ случаѣ отъ подобной повинности отказываться не имѣютъ; а замокъ Нашъ тамошній велижскій и выстроенный мостъ обязаны будутъ сохранять, по принятому обыкновенію. Сверхъ того старосты наши тамошніе и ихъ намѣстники имѣютъ судить

мѣщанъ велижскихъ, по примѣру города нашего Витебска, а пересуды и денкованья, на основаніи Права Посполитаго и Статута Вел. Кн. Литовскаго, имѣютъ быть взимаемы въ ихъ пользу; куницы мировыя и свадебныя, по примѣру Витебска, также имѣютъ быть взимаемы въ ихъ пользу ..... на старостъ Нашихъ велижскихъ и на ихъ намѣстниковъ, на слугъ и на посланцовъ московскихъ, мѣщане Велижскіе давать не обязаны будутъ. Купцы того города Велижа, какъ мѣстные, такъ и воложскіе, если въ торговлѣ будутъ употреблять свои собственные безмѣны, то обязаны заклеймить ихъ городскою печатью; если же кто нибудь на безмѣнъ наклейменный тайно товаръ свой станетъ продавать, то теряетъ таковой въ пользу тамошнихъ властей. Всякіе ремесленники, которые въ городѣ Велижѣ жить будутъ, старостами велижскими, ихъ намѣстниками и слугами, ничѣмъ обременяемы не будутъ и никакой работы даромъ и по принужденію работать не должны, а только за справедливую плату, какъ и для всѣхъ другихъ людей. Проѣздъ рѣкою Двинею, подъ замкомъ Нашимъ Сурарскимъ и подъ дворомъ Лузашевскимъ, будутъ имѣть свободный и безпрепятственный. Если бы кто-либо изъ мѣщанъ велижскихъ захотѣлъ ѣхать за границу съ какимъ нибудь товаромъ, съ таковаго взимать властямъ тамошнимъ по одному грошу, а отъ извощиковъ и тяглецовъ, которые по найму возятъ томаръ—не брать ни чего Вольно имъ будетъ также имѣть въ домахъ своихъ для собственнаго употребленія, а не на продажу: медъ, пиво и водку безпошлинно и склады сихъ продуктовъ, по принятому обычаю, что они называютъ богомольнымъ, и съ того ставить, во славу Божію, свѣчу въ тамошней велижской церкви и молить Бога за Насъ, Государя, и напитковъ сихъ распродавать не имѣютъ права ни явно, ни тайно; а если бы кто либо изъ нихъ, имѣя для собственнаго употребленія въ домѣ своемъ напитки, таковые явно или тайно продавать хотѣлъ и продавалъ, что и было бы доказано свидѣтелями, у таковаго весь напитокъ долженъ быть отобранъ на замокъ Нашъ, и сверхъ того взысканъ штрафъ, въ пользу Насъ, Государя, десять рублей, и въ пользу старосты велижскаго пять рублей, въ удостовѣреніе чего дали Мы войту и всѣмъ мѣщанамъ велижскимъ сей листъ Нашъ за подписомъ руки нашей, а для большей вѣрности приказали привѣсить къ оному и печать Нашу. Писанъ въ Краковѣ. Лѣта отъ Рожде-

ства Сына Божія тысяча пятьсотъ восемдесятъ пятаго, мѣсяца Марта двадцатаго дня, царствованія же Нашего девятаго года. Stephanus Rex. Такимъ образомъ, Мы, Сигизмундъ третій, Божіею милостію, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, вмѣстѣ съ совѣтниками Нашими, на теперешнемъ вольномъ Варшавскомъ сеймѣ, при Насъ находящимися, вышеозначенную привиллегію предка Нашего, Его величества Короля Стефана, въ настоящій листъ Нашъ слово въ слово вписанную, признавши справедливою и утвердивши всѣ права и вольности, тому городу Велижу дарованныя, всѣ артикулы и названія, въ оной выраженыя, подтверждаемъ сею Нашею привиллегію вѣчно и на вѣки нерушимо, и войтъ и всѣ мѣщане того города, согласно дарованнымъ правамъ и привиллегіи предка Нашего, Его Величества Короля Стефана, имѣютъ право пользоваться всѣми вольностями и артикулами, во всемъ, что къ нимъ относится, безъ ограниченія, какъ отъ Насъ Самихъ, Государя, такъ и отъ потомковъ Нашихъ, Королей и Великихъ Князей, а равно и отъ старостъ Нашихъ велижскихъ, на вѣчныя времена, въ удостовѣреніе чего дали Мы войту и всѣмъ мѣщанамъ Нашимъ велижскимъ сію нашу привиллегію, съ подписомъ руки Нашей королевской, для утвержденія чего приказали привѣсить и печать Нашу Велик. Княз. Литовскаго. Писано въ Варшавѣ, на сеймѣ вольномъ, лѣта отъ Рождества Сына Божія 1587, мѣсяца Марта 16 дня Sigismundus Rex.

Актъ этотъ переведенъ въ копіи, писанной польскими буквами и хранящейся въ архивѣ витебской палаты государственныхъ имуществъ въ числѣ документовъ, поступившихъ отъ Помонастырскихъ имѣній.

№ 22-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ *ЛИТВѢ*.

1.

Запись Литавора-Хрептовича на десятину для церкви св. Николая въ Трокахъ. 1528 г.

Я юрьи федорович хребтовичъ изъ жоною моею людмилою сознаваем сами на себе тым нашим листом нннним и на потом будучим кому будет потребъ того вѣдати абочтучи его слышати Змовили есмо спаном иваном андрѣевичом подскарбим дворным гдря короля его млти державцою веленским которую семъдесят грошеи давал я и свечу насукивал архимандриту троцкому рожества святое пречистое манастыря папа ивана подскарбего котори жо он мает зласки гдрьское занакладом и сорyженемъ предков его млти которую семъдесять грошеи записала вкождыи год давати бабка моя мачеха дядка моего пана ивана подскарбего пани андрѣевая олександровича подскарбея земъская пани анна которая первѣй была за паном иващенцомъ городничим троцким Иното пан иван подскарби его млть з мене зънял мает его млть давати на кождыи год на манастыр свой троцки архимандриту на црков прчтой бгоматери по семъдесят грошей зымѣнья своего звѣвъя скорчомныхъ пѣнязей а свечу маеть насукивати на трети годъ от сей придучое великое мясопустное суботы индикта второго тую свечу мает насукивати почати астого

мает поминати пана ивашенца городничого троцкого перного мужа ее и бабку мою паню андрѣевую олександровича нижли я юрьи напротивъку того даю и записую десятину на цркв҃ъ святого николы которая црков вымѣньи его млти впопортех зымѣньс моего скорейвишок в повете троцком которое имѣнье мнѣ записала бабка моя пани андрѣевая подскарбна земская пани анна а тое имѣнье немалую суму пѣнязей выложила якожта есть у привили бабки моее выображоно иж я маю поминат дшу пана андрѣя олександровича и дшу бабки мои жоны его даю и записую десятину на црков святого николы до попортеи со всеи пашни своей давати от жита от ячменю и от гречихи десятую копу нижли немаю давати от пшеницы и от овса одчакож маю давати накождыи год побочце пшеницы священнику на проскури на црковъ святого николы к попортем а то я юрьи даю записане то и з жоною моею и здетми нашими и спотомки нашими изближними нашими вѣчно на веки веком а немаем мывси тое десятины верхуписаное ничим забавляти ани уменщивати а чого бже вховай естлибы я юрьи або жона моя або дѣти наши або потомки наши або ближние наши комубыся тое имѣнье по близкости застало естлибы тое именье кому продали або променили тогды тот хто тое именье будеть держати тот маеть давати десятину выше писаную на црков святаго николы до попортей вѣчно на вѣки вѣкомъ подле запису моего и затую десятину священникъ пана ивана подскарбего его млти котори колвек втои церкви будеть мает род нашъ вписати всуботникъ и всих родителеи нашихъ мает поминати завжды на вѣч . . . . . и занас живых мает Бга просити а кого знае Бог исъ сего свѣта зберетъ мает дши наши поминати на веки веком поки тая цркв҃ъ будет стояти у вымѣни . . . . . . у попортехъ а притом были маршалок и писар гдрьски державца мѣдницки и перевалски . . . . . васи іевич а дворянин гдрьски кнзь александро иванович . . . и пуосил есми ихъ млти абы печати свои приложили к тому листу . . . . . . на наше чолом бите то вчинили и печати свои приложили ктому моему листу а для лепшой твердости и я юрьи верху писаны печат свою приложил ктому моему листу. Псан у вилни под лѣты Божего нароженя ҂афкн (1528). мца октября ⁎ (10). ден индикт к (2). (*Подлин. пергам. печати отпавшія*).

2.

Выпись изъ книгъ главныхъ трибунальныхъ трокскихъ грамоты в. кн. лит. Витовта, князя Ярославича и предскарбія Андреевича на земли и десятину, назначенную для трехъ православныхъ церквей: Рождество Пресв. Богородицы, св. Николая и Воскресенія Христова. 1585 г.

Видимус с книг головныхъ Трыбуналныхъ у трокахъ отправованых. [1]).

Лета от нароженя сына Божого Тисеча пять сотъ осмъдесятъ пятог Мца июля девятого дня.

Перед нами судями головными на трыбунал у великом Кнз: Лит. з воеводствъ и поветов на рок теперешни осмъдесят пяты обраными отправуючы намъ справы у воеводстве троцкомъ за апеляцями и за позвы тому Суду головному трыбуналному належачые часу слушного в трыбунале назначоного на местцу звыклом в трокахъ в замку постановивишсе обличне перед нами у суду Тивун его Кр. Мсти земли жомойтское тверски пан Андрей Илкговски, оповедал ижъ которое надане на церкви руские троцкие для выхованя попов прытых церквях мешкаючых от великог Кнзя Литовскаго витовта и от иншыхъ панов закону греческог наданы и писмом утвержаны мели быти спокойне и вечне держаны тая данина от Кнзя Витовта ест порушона и пустовщына на манастеръ тутошни троцки рожества пресветое богородицы за зверинцомъ над озером кголвем отнята а иншог наданя потомки пановъ змерлыхъ неполняти зачым тепер фала божя у церквяхъ устала, и ач тепер один попъ ест и тотъ выхованя и поживеня слушного немаеть и провелики недостаток свой мусить проч ити: А ижбы тое листовное надане яко от великого Кнзя литовскаго витовта, так теж и од иншых панов наданые листы не погинули перед нас принес, просечи абы тые листы вси до книг Трыбуналскихъ были уписаны што мы розумеючы реч быти слушную тое оповеданье пна илкговского выслухавшы, и тых листовных данин огладавшы казали есмо до

---

[1]) Находится и другая выпись того жъ акта на пергаментѣ изъ книгъ трибун. вилен. каденціи. 1634 г. мая 15-го.

книг трыбуналных уписать, межы которыми напрод показал копию зданины великог Кнзя витовта которы таксе в собе маеть: Мы велики кнзь витовт нареченны во светомъ крещени Александеръ дали мы на прозбу и на жоданье Кнгни нашое великое ульяны. к манастыру нашому троцкому рожеству светое пречистое озера троцкого луку ажъ до великое дороги, гдеж и камень на горе казали есмо перед собою положыть а други камень за озером противъ того каменя казали есмо положить, близко рогу што на горе положонъ маеть игуменъ по тую границу тую луку держать и вшиваты и его потомки на вечные часы а втот манастыръ и в тую луку, немаютсе вступоваты, ни митрополитъ ани владыка ани воевода троцки ани ихъ наместники, А игуменъ збожныхъ куницъ немаетъ здаваты ани которых подачок митрополиту А ижли игумену троцкому светое пречыстое того монастера и его потомкомъ которые будутъ игумены тот монастер нашъ держать, незнати ему никого одно нас Гдра а ктому еще придалиесмо ктомуж монастыру нашому троцкому пустовщизну найме медовщизну за зверинцом над озером кголвелом земли и сеножати з гаи и зовсим на все тая пустовщына сама у собе маетъ также вечными чсы а ненадобе никому тое данины нашое рушати Писан под лето божего нароженья Тисеча триста осмъдесят четвертого Мца Августа двадцать третего дня индыкта. За тою датою, менил панъ илкговски иж попъ тутошни троцки тую луку озера вжывает и тепер спокойне а пустовщизна дей отнята и вживаеть дей ее панъ славенъски неведати за яким правом, потом положил перед нами лист Кнзя Федора Ивановича Ерославича под печатю его которы таксе в собе маеть, Іа Кнзь Федор ивановичъ ярославичъ чыню знакомито сим нащимъ листом кому будетъ потреба того ведати або чтучы слышати штож купил отецъ нашъ Кнз иванъ василевичъ Ерославича двор у подскарбегo Гдрского в пна ивана Андреевича найме Сосновски, А ктому двору естъ ачъ купил у ясенского павловича и стого двора Сосновского и тое купли прыдалъ его млти небожчик отецъ нашъ Кнз его мсть десятину на церковъ божью нахрамъ Стого Николы у месте троцком з жита и з ярыны и казалми его млт гдр отец нашъ тое потвердити листомъ своимъ тую десятину прыдане небожчика отца нашого Кнзя ест их потвержаю симъ нашым листом маеt стого двора купли отца нашого небожчика Кнзя его мти десетина да-

вана быть з жита и з ярыны десятая копа на тую церковъ Светого Николы тепер принас и при нашомъ животе будучы, которые будуть тое держати мають тую десетину давати сполна з жита и з кождое яры и на то дали есмо ктой церкви божой верху писаной сесь наш лист потверженя з нашою печатю, Писан у Клецку, в лето по семой тысечы двадцати первого году индыкта первого, Мца Августа третего. Показал теж пан Андрей Илкговски два листы небожчыка пна ивана Андреевича подскарбего Короля его млти дворного державцы велонского, тые листы таксе в собе мають; Іа иванъ андреевич подскарби дворны Короля его млти державца велонски чыню явно и вызнавамъ, сим моим листом хто на него посмотрыть або чтучы его услышыть нинешним и на потом будучим которые семи десетины давалъ дожывота своего зыменя моего Микутян к церкви Стого воскрсеня втроцех спашни моее дворное зжита и зъярыны кромя овса, А такъ я тепер по животе моемъ тую десетину даю и записую на тую церковъ вечне стого двора моего микутян мають племенники мои по жывоте моем тую десетину в кожды год ктой церкви, воскресеня Хва сполна давати водле того моего листа записного ее полнити ничим незабавляючи так яко я сам до живота своего давал и полнил и на то есми дал церкви божой втроцех сесь мой лист под моею печатю, Писан у вилни лета Божого Нароженя Тисеча пяти сот петдесят четвертого мца Августа двадцать четвертого дня Подписъ волкъ други листъ, я иванъ андреевичъ подскарби дворны Гдря Короля его млти дзержавца велонски чыню явно и вызнавам симъ моим листомъ хто на него посмотрить або чтучы его услышить нинешним и на потомъ будучим которую есми десетину давал за живота своего зыменя моего отчызного вевя, к монастыру моему Троцкому на церков стое прчстое ржства тоест спашни моее дворное зжита и з яринъ кромя овса А так Ја тепер поживоте моемъ тую десетину даю и записую на тот монастыр мой троцки вечне; стого двора моего вевъя мають племенники мои по животе моем тую десетину в кожды год к манастыру моему сполна дават водле того моего листу записного и ее полнить и ничим не забавляти так яко я сам за жывота моего давал и полнил. И па то есми дал к той церкви рожества светое пречыстое в троцех сес мой листъ под моею печатю Писанъ у вилни Под лета Божего нарож: Тысеча пят

сот пятдесят четвертого Мца Августа двадцат четвертого дня Волкъ, По вписаню тых всих листовъ до книгъ судовъ головных трыбуналных взял выпис пан андрей илкговски под печатю земскою троцкою А потом и сес видимус за писарства мне олбрихта раецкого скорикгацыею подписка моего прокоповича всем року тисеча шестсот двадцат второмъ. На рокохъ троецких за позволенемъ и властною згодою колекгов моих, милостнику фалы Божое Велможному Его Мсти пну Јанушу Тышкевичу Скумину Писару вел. Кнз. Лит. есть выданъ Писанъ у Трокахъ. (подисано) Олбрихтъ Раецки Земски Троцки Писаръ. Скорикговалъ и то писалъ Прокоповичъ. (*Подлин: на бумагѣ, притиснуты двѣ печати.*)

3.

Листъ виленскаго протопопа Парфѣновича объ отдачѣ, по приказанію митрополита Рагозы, двухъ церквей православныхъ въ Трокахъ, построенныхъ православными дворянами трокскаго повѣта, уніатскому священнику Филиппу Ивановичу 1599 г.

Я иван парфенович протопоп и наместник виленски. Сознаваю тым моим листом, ижъ в року теперешнем тисеча пят сот деветдесят четвертом мца июня двадцат четвертого дня по старому. будучи мнѣ посланому отъ его млсти отца михала рагозы архиепископа митрополита киевског галицког и всея руси, знову постановленым свещеником отцом филипом ивановичом лимонтом. на увязыване и поданье церквей вместе троцком будучих и коли есмо приехали до места гдрского троцког тогды напервей его мл пан иван бака подвоеводъ троцки подал церков рожества светое пречистое зо всими книгамъ и зо всими речми церковными, и ключи тому свещенънику филипу ивановичу отдал так же и пожитки и приходы до той церкви належачые то ест огороды пляцы пустые. И менил передомною тые дей яко тая церковъ самая свое пречистое збудована ест знаданя нас самых шляхты обывателей повету троцкого релеи греческой, также дей и тые пляцы пустые огороды ест наданы з давных часов от нас шляхты повѣту троцког, также застенки

земли и сеножяти и тот домок где тепер свещеннику тому поступуем мешкане. все дей то зна даня його шляхецког до той церкви светоепречистое надано и збудовано ест. Якож и на рейстръ списавъши вси речи церковные и книги в той церкви будучие и звоны и вси доходы церковные его мл. пнъ иван бака тому свещенику подал, А ку тому иж дошла мене ведомост штож церквъ рожества христова пан федор толоконски земенин повѣту троцкого заведает и ключ усебе от тое церкви держит. Тогды на он часъ пна толоконског у троках небыло. Толкож выведавшисе есми от его млти пна ивана баки наместника троцког и от мещан троцких приходов церковъных и позему котори позем здавных часов на свещеника троцкого приходит з огородниковъ церковных то есми тому свещеннику филипу ивановичу дал и в держане подал а меновите тые огородьники с платами и повинностями их то ест лаврин губа позему дает гршей тридцат. Ясюл жомойтин дает гршей двана дцат А передтым дей давано по гршей полкопы, Якубъ муковоз дает гршей полкопы жорноклевовая дает грошей полкопы, матул куйстюк дает гршей петнадцат а передтым дей плачивано по грошей тридцат, мартин пастух дает гршей петнадцат, а передтым дей давано грошей тридцат. Станюя стодолник сха лупы своей даетъ грошей дванадцат. Которие церкви обедви зо всими речми церковными, также и зо всими доходами и пожитками до тых церквей належачими тому выш мененому свещеннику филипу ивановичу завел есми и вмоц подал мает тот выш менены свещеник троцки филип иванович тые церкви держати и вних служити и доходы и пожитки ку тым церквам принадлежачие спокойне держати и живати ажъ до живота своего, и на то есми дал отцу филипу ивановичу свещенику троцкому сес мой лист под моею печатю и сподписом руки моее писан у троках лета от нароженья сына божого ͵афчд (1569) мца июня кд (24) дня. (Подписано:) Иван парфенович власною рукою. (*Подлин. на бумагѣ, притиснута печать гербовая*). [1]).

---

[1]) Всѣ три эти документа свидѣтельствуютъ о древности православія въ Трокахъ.

ВЗГЛЯДЪ ВОЛЬТЕРА

на восточную церковь, въ сравненіи ее съ римскою, и о гоненіяхъ за вѣру въ Польшѣ.

(Опытъ историко-критическій—изъ Oeuvres Melanges.)

(Переводъ съ французскаго.)

Прежде трактаціи о несогласіяхъ, раздѣляющихъ Польшу, прежде представленія на общій судъ причины враждующихъ между собою грековъ, римлянъ и протестантовъ, нужно рѣшить вопросъ, что такое греческая церковь.

Самыя первыя церкви были греческая и сирская; отъ востока былъ просвѣщенъ западъ. Нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ на счетъ пребыванія св. Петра въ Римѣ, и извѣстно только, что онъ былъ долго въ Сиріи, а потомъ въ Вавилонѣ. Посланія св. Павла изъ Тарса киликійскаго были написаны по гречески, и мы не имѣемъ ни одного Евангелія не на греческомъ языкѣ. [1]) Всѣ отцы первыхъ четырехъ вѣковъ до Іеронима были греки, сиріане, или африканцы. Всѣ почти обряды и названія римскаго священнодѣйствія доказываютъ свое происхожденіе отъ греческой церкви, напримѣръ: екклезія—церковь, баптизмъ—крещеніе, параклетъ—утѣшитель, литургія, литанія, символъ, евхаристія, агапы, эпифанія, епископъ, іерей, діаконъ,—и самое имя папа доказываетъ, что западная церковь есть дочь церкви восточной, дочь, которая, въ своемъ превознесеніи, не узнала своей матери.

---

[1]) Это не совсѣмъ справедливо. Ред.

Почти въ продолженіи шести вѣковъ между отцами не было ни одного писателя изъ римскихъ епископовъ; въ то время, какъ Ефремъ, Іустинъ, Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Кипріанъ, Ириней, Афанасій, Евсевій, Іеронимъ, Августинъ, распространяли повсюду свои творенія, римскіе епископы, въ молчаніи, старались только умножать съ каждымъ днемъ увеличивающееся свое стадо.

Есть одно только сочиненіе съ именемъ римскаго епископа, названное: «Признанія Климентовы;» но въ послѣдствіи доказано, что и это сочиненіе написано не имъ. Впрочемъ, хотя бы оно было и его, то не сдѣлало бы чести его имени: оно состоитъ изъ разговоровъ Климента съ Петромъ, съ Закхеемъ, съ Варнавою и съ Симономъ-волхвомъ. [1]) Близь Триполя, встрѣчаются они съ однимъ старцемъ, и Петръ узнаетъ, что этотъ старецъ происходитъ отъ Кесаря, сочетавшагося бракомъ съ Матильдой, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей, и младшій изъ нихъ былъ Климентъ. Такимъ образомъ Климентъ *признанъ* происходящимъ отъ императорскаго дома. Посему-то, вѣроятно, и сочиненіе это названо *Признаніемъ*,—но и оно написано по гречески.

Ни одинъ изъ священниковъ греческихъ, сирійскихъ, африканскихъ и итальянскихъ, не былъ вооруженъ другою силой, кромѣ знанія всѣхъ въ то время употребительныхъ языковъ, и даромъ творить чудеса и изгонять бѣсовъ; противъ этой удивительной силы мы никакъ спорить не можемъ.

Изъ Евангелія видно, что и апостолы не получили отъ Христа никакой временной власти, которой и самъ Онъ не пользовался, а всѣмъ честолюбивымъ и желающимъ быть выше другихъ угрожалъ казнію, потому и ученики Его были всѣ равны.

Каждый, сколько-нибудь просвѣщенный, знаетъ, что въ первомъ вѣкѣ не было и одного епископскаго престола. [2]) Апостолы и ихъ преемники укрывались въ разныхъ мѣстахъ, и когда для проповѣданія слова Божія переходили изъ одной деревни въ другую, изъ одной стороны въ другую, то не имѣли ни епископскаго престола, ни судилища, ни воиновъ для охраненія, ни четырехъ бароновъ, которые, при входѣ ихъ несли бы кисти отъ великолѣпнаго балдахина, подъ которымъ видимы

---

[1]) Мнѣніе Вольтера. Ред.

[2]) Тоже мнѣніе несправедливо. Ред.

были бы св. Андрей и св. Лука, торжественно несомые, на подобіе самодержцевъ.

Со втораго вѣка епископскія мѣста стали чрезвычайно доходны отъ подаяній христіанъ. Епископы стали богаче самыхъ богатыхъ горожанъ, а сдѣлавшись богаче, пріобрѣли болѣе важности и силы.

Если бы какой епископъ и могъ требовать преимущественной власти, то безспорно епископъ іерусалимскій,—и не по богатству, а потому, что онъ былъ преемникомъ епископа св. Якова брата Господня, потому—что Іерусалимъ есть колыбель христіанства, въ немъ Основатель его умеръ безчеловѣчною казнію. Въ Іерусалимѣ братъ Господенъ Яковъ убитъ былъ камнями, въ немъ явилась Матерь Господня, въ немъ погребенъ обручникъ ея Іосифъ, всѣ таинства христіанства въ немъ совершились. Въ продолженіи тысячи лѣтъ святой городъ Іерусалимъ долженъ былъ блистать во всей своей славѣ. Вотъ сколько причинъ неоспоримаго преимущества іерусалимскаго епископа!

Но когда съ большими трудностями Никейскій Соборъ учредилъ іерархію, тогда церковное правленіе приняло образъ правленія политическій; епископы назвали области, состоявшія подъ ихъ духовнымъ управленіемъ, свѣтскимъ именемъ—***епархіи*** (областе-начальства), а епископы главныхъ городовъ приняли титулъ митрополитовъ. Имя патріарха мало по малу утвердилось и было дано двумъ епископамъ имперскихъ городовъ: константинопольскому и римскому, и двумъ епископамъ знатныхъ митрополій: александрійскому и антіохійскому, а наконецъ и епископу іерусалимскому, котораго не имѣли права лишить этого достиинства.

Владѣнія послѣдняго епископа, въ сравненіи съ первыми четырмя, были безъ сравненія меньше; потому что Іерусалимъ, называемый тогда Еліею, былъ почти опустошенъ и бѣденъ отъ неплодородія земли и скудныхъ подаяній отъ христіанъ, приходившихъ туда на богомолье.

До соединенія Пипина австразійскаго, перваго домослужителя французскаго принца-Хилдерика, съ папою Захаріемъ, а потомъ съ папою Стефаномъ, ни одному епископу, ни патріарху не приходило на мысль присвоить себѣ свѣтскую власть. Пипинъ заставилъ Стефана короновать себя въ храмѣ св. Діонисія во Франціи и, въ вознагражденіе за то, подарилъ ему въ Ро-

маніи нѣкоторыя владѣнія, отнятыя у ломбардовъ. Такъ первый епископъ сдѣлался владѣтельнымъ принцемъ. Это величіе, вовсе не въ духѣ временъ апостольскихъ, скоро ознаменовалось—ни болѣе ни менѣе—какъ убійствомъ и кровопролитіемъ. При папѣ Стефанѣ III, клиръ или причтъ римскій, раздѣлившись на двѣ партіи, обагрилъ кровію деревянную каѳедру, на которой, какъ думаютъ, св. Петръ проповѣдывалъ евангеліе римскому народу. Не вѣроятно, впрочемъ, чтобы во времена императора Тиверія кто либо изъ *галилеянъ* проповѣдывалъ съ каѳедры на римской площади, такъ какъ невѣроятно было бы, чтобы теперь кто либо изъ грековъ сталъ проповѣдывать на большомъ базарѣ, или въ мечети Софіи въ Константинополѣ. Однакожъ была въ Римѣ во времена Стефана третьяго деревяная каѳедра, окруженная кровавыми трупами.

Когда Карлъ Великій овладѣлъ Ломбардіей и племянниковъ своихъ—дѣтей Пипина, заключилъ въ темницу, лишилъ отцовскаго наслѣдія и принудилъ признать себя императоромъ въ Римѣ; тогда онъ подарилъ еще новыя владѣнія папѣ Льву III, который въ церкви св. Петра возложилъ на голову его золотую корону, а на рамена пурпуровую мантію. Нужно замѣтить, что папа Левъ III, бывшій тогда подданнымъ императоровъ константинопольскихъ, не осмѣлился почтить священнымъ обрядомъ германца. Изъ этого видно, какъ еще было тогда сильно почтеніе къ древней Римской Имперіи! Впрочемъ это было бы только присоединеніе еще одного обряда къ первому; но такъ какъ онъ считался священнымъ, то папа и не посмѣлъ совершить его Слабость свойственна дерзкому разуму, который часто не смѣетъ преодолѣть второй преграды, преодолѣвъ первую.

Карлъ Великій до конца своей жизни былъ властителемъ Рима, но при упадкѣ его дома, римскій народъ опять возвратилъ себѣ нѣкоторую независимость и защищалъ ее противъ папы, противъ дома тосканскаго, противъ Гвидона Сполетскаго, противъ Беренгаріевъ и противъ другихъ тирановъ, до того времени, когда, наконецъ, безразсудный Октавій Споркъ, первый перемѣнившій свое имя при принятіи папства, призвалъ Оттона Саксонскаго въ Италію. Этотъ Споркъ извѣстенъ подъ именемъ Іоанна XII; онъ былъ сынъ извѣстной Морозіи, которая произвела въ папы своего незаконнаго сына Іоанна XI, рожденнаго отъ ея кровосмѣшенія съ папою Сергіемъ III.

оаннъ XII былъ римскій патрицій, равно какъ и отецъ его Алберикъ,—послѣдній мужъ Морозіи Они получили это достоинство отъ императора Константина Порфиророднаго; ясное доказательство, что римляне, при своей тогдашней анархіи всегда признавали греческихъ императоровъ истинными преемниками кесарей; но во время бунтовъ, обращаясь то къ германцамъ, то къ венгерцамъ, должны были попеременно избирать различныхъ государей, чтобы не имѣть ни одного.

Извѣстно, какъ король германскій Оттонъ, призванный въ Римъ Іоанномъ XII, имъ же измѣннически былъ низвергнутъ съ престола за злодѣйства; сдѣланный ему допросъ, приводящій въ ужасъ и содроганіе, сохранился до сихъ поръ. Всѣ папы, преемники Іоанна XII спорили съ германскими императорами за притязанія ихъ на Римъ, а также опровергали древнія права греческихъ императоровъ и даже сарацынъ. Они были сильны умѣньемъ—привязать къ себѣ простой народъ и употреблять его силу въ свою пользу.

Григорій VII, съ помощію этой силы и ложныхъ папскихъ грамотъ, называемыхъ декреталіями, подчинилъ себѣ императоровъ и королей; но не могъ однакожъ быть государемъ въ Римѣ. Папы тогда только получили владычество надъ этимъ городомъ, когда овладѣли крѣпостью Адріяновою, названною послѣ крѣпостью Святого Ангела, которая всегда принадлежала народу, или его представитлямъ.

Прямое могущество папъ и вообще епископовъ западныхъ утвердилось въ Германіи во время междуцарствія и анархіи,— во время избранія Родольфа Габсбургскаго въ императоры; тогда только епископы германскіе дѣйствительно сдѣлались самодержавными.

Никогда ничего подобнаго не было въ греческой церкви: она всегда была подчинена императорамъ, даже до послѣдняго Константина. И въ самой обширной имперіи—Россійской она, во внешнемъ отношеніи, во всемъ зависитъ отъ высочайшей власти. Въ этой имперіи, также какъ и въ Англіи, отринуто соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ властей,—и митра подвластна коронѣ; самыя даже слова: двѣ власти, считаются« оскорбленіемъ величества.» Блаженное это подчиненіе было единственною преградою противъ споровъ богословскихъ и кровопролитія въ западныхъ церквахъ, отъ убіенія Прискиліана, до нашихъ временъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ въ XVI вѣкѣ цѣлая половина Европы, изнуренная злодѣйствомъ Александра VI, гордостью Юлія II, налогами Льва X, продажею разрѣшительныхъ грамотъ, оцѣнкою грѣховъ, суевѣріями и обманами безчисленныхъ монаховъ, свергнула наконецъ съ себя иго, издавна ее тяготившее. Греки просвѣтили западную церковь, а протестанты исправили ее.

Я не хочу здѣсь говорить о догматахъ, раздѣляющихъ грековъ, римлянъ, евангеликовъ, реформатовъ и людей другихъ исповѣданій, а предоставляю этотъ трудъ тѣмъ, которые озарены божественнымъ свѣтомъ. Эти догматы столько богодухновенны, что не должны производить раздоровъ между христіанами, которыхъ долгъ—жить въ братолюбіи, просвѣщать свой разумъ и поступать справедливо, а не гнать другъ друга за такія таинства, которыхъ они постигнуть не могутъ. Все что я осмѣлюсь здѣсь сказать (почитая, впрочемъ, епископовъ всѣхъ исповѣданій и не унижая ихъ важности и чести), это то, что тѣ епископы, которые ходили бы пѣшкомъ изъ домовъ въ церкви проповѣдывать любовь и согласіе, болѣе уподобились бы апостоламъ, по крайней мѣрѣ хоть по внѣшности, нежели тѣ, которые во время обѣдни произносятъ нѣсколько лишь словъ, подъ аккомпаниманъ музыки, будучи окружены копьеносцами и ружьеносцами, а выходятъ изъ церкви не иначе, какъ при звукахъ трубъ и барабановъ.

Я не хочу также рѣшать вопроса: что болѣе идетъ слугамъ Рожденнаго въ ясляхъ между воломъ и осломъ, жившаго и умершаго въ бѣдности,—пышность ли и богатство при богослуженіи, или простота и скудость? Хотя мы живемъ не во времена Апостоловъ, однакожъ, живемъ въ цивилизованномъ государствѣ, среди благоустроеннаго гражданскаго общества, потому должны соблюдать и права этого общества: естественную свободу, исполненіе гражданскихъ узаконеній, вѣрность клятвенныхъ обѣщаній, пользу человѣчества и повиновеніе властямъ предержащимъ; все это было прежде священныхъ тайно-служителей и будетъ еще и тогда, если (чего не дай Богъ), по какому нибудь несчастью, и не будетъ священноначальниковъ; такъ какъ достоинства могутъ уничтожиться, но религія Христова и естественныя права народовъ останутся вѣчно....

Христіанская вѣра весьма поздно проникла къ сарматамъ,— народу воинственному и бѣдному; ревность папскихъ миссіонеровъ къ нему не прикасалась, и Польша, собственно такъ называемая, приняла христіанство въ концѣ X вѣка. Болеславъ (1001 г.) былъ первый король христіанскій, который ознаменовалъ свое христіанство тѣмъ, что приказалъ выколоть глаза королю богемскому.

Въ великомъ княжествѣ литовскомъ, составлявшемъ большую половину Польши, р. католическая вѣра сдѣлалась господствующею въ XIV вѣкѣ, послѣ брака Ягеллы, великаго князя литовскаго, съ польскою королевою Ядвигою, въ 1387 году, съ условіемъ, во первыхъ, чтобъ онъ принялъ ту вѣру, которую она исповѣдывала, и во вторыхъ, чтобы присоединилъ Литву къ Польшѣ.

Всѣ народы до принятія христіанства поклонялись Богу подъ другими именами, знаками, обрядами и назывались язычниками. Они были тогда еще отчуждены отъ благодати, снисшедшей для всего міра, такъ какъ ихъ время еще не пришло. Въ XVI вѣкѣ въ Литву и Польшу вкралась реформація, и такъ какъ еретики осуждаются папою на большія мученія, нежели язычники; то спасеніе поляковъ сдѣлалось весьма трудно; эти еретики называли себя дѣтьми первенствующей церкви, а другіе называли ихъ нововводителями; послѣдніе не хотѣли согласиться на это названіе. Въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ в. литовскаго княжества, а потомъ присоединенныхъ къ Польшѣ, всѣ жители были греческой вѣры и не были такъ проклинаемы папистами, какъ евангелики и реформаты, но впослѣдствіи были прокляты Римомъ и отвержены отъ церкви за то только, что не признавали римскаго епископа главою и начальникомъ всей вселенной. Нужно замѣтить, что эти русскія области, Польша, собственно такъ называемая, и Литва, были обращены въ христіанство знаменитыми женами, подобно Венгріи и Англіи, а отъ такого начала надобно было ожидать терпимости, снисхожденія, милосердія, кроткихъ и добрыхъ нравовъ; но вышло совершенно противное. Епископы въ Польшѣ, будучи высокомѣрны, не любили видѣть свое стадо уменьшающимся. Кромѣ епископовъ, въ Варшавѣ пребывалъ постоянно нунцій, т. е. папскій посланникъ. Этотъ нунцій былъ подобенъ великому инквизитору (сыщику), и его судъ былъ чрезвычайно страшенъ. Православные, евангелики, реформаты, въ послѣдствіи

возникшіе уніяты и единники, (они же и социніаны), (?) всегда были гонимы. Евангельскія слова: *убѣди внити*, которыя въ Евангеліи имѣютъ простое приглашеніе къ вечери, для папистовъ служили всегда какъ бы предписаніемъ морить людей голодомъ и пытками; епископы не упускали случая проклинать и отлучать отъ церкви всякаго дворянина греческаго или протестантскаго вѣроисповѣданія и, по странному древнему злоупотребленію, это отлученіе отъ церкви лишало ихъ на сеймахъ голоса, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго [1]). Отлученіе отъ церкви можетъ отнять у человѣка только достоинство церковнослужителя и лишить его рая, но оно не должно простираться до дѣлъ гражданскихъ. Принцъ, или курфирстъ имперскій, котораго бы епископъ, или соборъ старцевъ отлучили отъ церкви, остался бы и послѣ отлученія тѣмъ же принцемъ или курфирстомъ. По одному этому притѣсненію можно судить, какъ диссиденты были гонимы церковнымъ правительствомъ,—однимъ словомъ: они были судимы своими же врагами.

Сигизмундъ—Августъ, послѣдній изъ поколѣнія Ягеллона, уничтожилъ этотъ соблазнъ, прикрытый побожностью; чистота души его предписывала ему никого не гнать за вѣру. Онъ помнилъ, что Іисусъ Христосъ училъ, а не притѣснялъ; онъ помнилъ, что притѣсненіе производитъ только междоусобіе въ шляхтѣ, которая имѣетъ равныя права; онъ сдѣлалъ еще болѣе, уничтоживъ на общемъ сеймѣ, бывшемъ въ Вильнѣ въ 1565 году 16 іюня, *всѣ раздоры, могущіе произойти между согражданами, по причинѣ закона*. Вотъ подлинныя слова постановленія этого сейма: «Съ этого дня не только дворяне и вельможи съ ихъ потомками, принадлежащими къ римской церкви и получившими грамоты на благородство въ королевствѣ Польскомъ, но вообще всѣ изъ рыцарей и шляхтичей, какъ литовскихъ, такъ и русскихъ, только бы они были христіане, хотя не получившіе правъ шляхетства въ королевствѣ Польскомъ,—всегда должны пользоваться всѣми преимуществами, вольностями и правами шляхетства, имъ прежде данными.

---

[1]) Голосъ дѣйствительный называется тотъ, который подается на сеймѣ послами, присланными отъ воеводствъ и уѣздовъ, а страдательный голосъ подается тогда, если кто изъ пословъ своимъ несогласіемъ останавливаетъ дѣйствія сейма.

«А также всѣ изъ христіанъ могутъ быть допущены къ достоинству сенаторскому и королевскому и вообще ко всѣмъ чинамъ и почестямъ.»

Сеймъ въ Гроднѣ, бывшій въ 1568 году, торжественно подтвердилъ эти узаконенія,—и чтобъ сдѣлать законъ еще полнѣе, прибавилъ слова: «какого бы кто ни былъ сообщества и исповѣданія.» Наконецъ на сеймѣ соединительномъ, бывшемъ въ Люблинѣ, въ 1569 году, который утвердилъ навсегда присоединеніе великаго княжества Литовскаго къ польской коронѣ, было снова возобновлено и подтверждено это человѣколюбивое узаконеніе, которое соединяло всѣхъ христіанъ и должно было служить примѣромъ для другихъ народовъ.

По смерти Сигизмунда—Августа, этого героя терпимости, вся республика, соединившись въ 1575 году для избранія новаго короля, клялась признать королемъ только того, кто присягнетъ содержать въ ненарушимости этотъ христіанскій миръ. Генрихъ-де-Валуа, обвиненный въ участіи кровопролитія, бывшаго въ день св. Варѳоломея, не отказался присягнуть предъ всемогущимъ Господомъ—соблюдать права диссидентовъ; эта присяга Генриха-де-Валуа служила примѣромъ всѣмъ его преемникамъ.

Стефанъ, преемникъ Генриха, исполнилъ такую же клятву, такъ какъ это уже былъ законъ коренной и священный; всѣ шляхтичи считались уже тогда равными, какъ по вѣрѣ, такъ и по происхожденію.

Тоже самое встрѣчаемъ мы и по соединеніи Шотландіи съ Англіей. Шотландскіе перы пресвитеріанскаго исповѣданія засѣдали въ лондонскомъ парламентѣ съ перами англійской вѣры, — епископство оснабрукское въ Германіи принадлежитъ частью протестанскому, и частью католическому епископу. И во многихъ германскихъ городахъ евангелики приходили пѣть псалмы туда же, гдѣ священникъ католическій служитъ обѣдню; а въ камерѣ Вецлярской и Вѣнской присутствуютъ лютеране; также и французскіе реформаты были дюками, перами и генералами при великомъ Генрихѣ IV; слѣдовательно, можно вѣрить, что Богъ щедротъ и мира безъ гнѣва внималъ различнымъ пѣніямъ, которыя дѣти Его возносили къ Нему отъ соединенныхъ сердецъ.

Но все современемъ измѣняется. Такъ одинъ изъ королей польскихъ—Сигизмундъ III, изъ рода Густава Вазы, захотѣлъ опровергнуть то, что было утверждено Сигизмундомъ великимъ, послѣднимъ изъ Ягеллоновъ. Онъ былъ вмѣстѣ король шведскій и польскій, но низложенъ съ шведскаго престола въ 1592 году всѣми собранными государственными членами, и эту непріятность испыталъ онъ по причинѣ римско-католическаго закона Государственные чины избрали королемъ брата его Карла, который имѣлъ воинственный характеръ и былъ аугсбурскаго исповѣданія. Послѣ этого Сигизмундъ мстилъ въ Польшѣ католичеству, отнявшему у него шведскую корону. Іезуиты, управлявшіе имъ и доведшіе его до потери одного государства, сдѣлали его ненавистнымъ въ другомъ. Не могли уничтожить закона, который имѣлъ твердое основаніе и былъ подтвержденъ многими королями и сеймами, Сигизмундъ отнялъ у него всю силу и сдѣлалъ его безполезнымъ. При немъ не были производимы въ чины и достоинства тѣ, которые не были римскаго исповѣданія. Имѣнія у нихъ не были отняты, такъ какъ это было невозможно; но они были притѣсняемы тайнымъ и медленнымъ гоненіемъ. Хотя они и были терпимы, но скоро дали имъ почувствовать, что не будутъ болѣе терпѣть ихъ, какъ только можно будетъ утѣснять безъ наказанія.

Между тѣмъ законъ былъ всегда сильнѣе ненависти. Всѣ короли при коронованіи клялись его хранить, такъ же какъ клялись въ этомъ же и ихъ предмѣстники. Владиславъ IV, сынъ Сигизмунда шведскаго, не дерзнулъ освободиться отъ этой клятвы; братъ его Іоаннъ-Казимиръ, хотя былъ прежде іезуитомъ, и потомъ кардиналомъ, принужденъ былъ однакожъ дать такую же присягу. Великую имѣетъ силу надъ людьми внѣшнее почтеніе къ установленнымъ законамъ! [1]).

Михаилъ Вишневецкій и славный Іоаннъ Собіескій, побѣдитель турокъ, даже и не подумали отвергнуть этотъ законъ при своемъ коронованіи. Саксонскій курфирстъ Августъ, отрекшійся отъ протестанскаго исповѣданія отцевъ своихъ для

---

[1]) Не нужно забывать, что ни одна изъ этихъ клятвъ не была исполняема, что фанатизмъ ксендзовъ и своеволіе панства всегда были въ Польшѣ сильнѣе короля и законовъ. Ред.

полученія польскаго королевства, съ охотою клялся сохранить это благотворное узаконеніе терпимости, которое было необходимо королю, оставившему свою вѣру для полученія скипетра: этимъ узаконеніемъ онъ утверждалъ безопасность, вольность и права прежнихъ своихъ по вѣрѣ собратій. Европа знаетъ, какъ его царствованіе было несчастно: у него отнятъ былъ престолъ оружіемъ короля лютеранскаго, а потомъ возвращенъ ему царемъ греческаго исповѣданія.

Священники римско-католическіе и ихъ поборники вознамѣрились отмстить королю шведскому Карлу XII гоненіемъ поляковъ протестанскаго исповѣданія, которыхъ онъ былъ покровителемъ. Случай къ этому имъ представился на одномъ сеймѣ, состоявшемъ изъ однихъ нунціевъ, державшихъ ихъ сторону. Имъ было предписано не уничтожать этого закона, потому что онъ былъ святъ, но только его ограничить, именно: позволено было иновѣрцамъ отправлять богослуженіе только въ тѣхъ церквахъ, которыя прежде были построены, а тѣмъ, которые хотѣли бы въ другихъ мѣстахъ молиться Богу, были объявлены денежныя пени, заключеніе въ темницу и изгнаніе. Начало этого гоненія состоялось однакожъ съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ многіе, даже изъ епископовъ, предпочитавшихъ отечественную *любовь священству* и права человѣчества своимъ пользамъ,—долгое время этому сопротивлялись. Сеймъ 1717 не думалъ, что, мстя своему непріятелю лютеранину Карлу XII, раздражалъ своего защитника Петра Великаго, греческаго вѣроисповѣданія. Наконецъ законъ отчасти состоялся: но король Августъ отвергъ оный при его подписаніи. Онъ издалъ грамоту 3 февраля 1717 года, въ которой говоритъ такъ: «что касается до вѣры диссидентовъ, то они не должны думать, что ихъ пріобщеніе къ шляхетству, ихъ равенство и ихъ спокойствіе нарушены статьями, находящимися въ новомъ трактатѣ: мы объявляемъ, что эти статьи не должны обезсиливать уложеній, изданныхъ въ 1575, 1652, 1648, 1669, 1679, 1697 годахъ, а равно и отмѣнять наши договоры, согласно утвержденные (pacta conventa), такъ какъ они полезны диссидентамъ въ вѣрѣ. Мы оставляемъ диссидентовъ въ отношеніи вѣры и вольностей въ полной силѣ словъ, изложенныхъ на всѣхъ бывшихъ сеймахъ, (слова эти должно понимать здѣсь включенными и изображенными) и хотимъ, чтобъ они были сохраняемы

всѣми собраніями, начальствующими особами и судебными мѣстами; въ удостовѣреніи чего мы велѣли привести въ дѣйствіе эту грамоту, подписанную собственною нашею рукою и запечатанную государственною печатью. Данъ въ Варшавѣ, 3 февраля 1717 г., а 20-го королевствованія нашего».

Послѣ этого явнаго противорѣчія утвержденному и въ то же время уничтоженному закону, послѣ противорѣчія, говорю, весьма свойственнаго людямъ, сильнѣйшая сторона получила верхъ надъ слабѣйшею, и насиліе открыло себѣ дорогу. Правда, здѣсь не были воспламеняемы костры, которые когда то обратили въ пепелъ цѣлую провинцію во время Албигойцевъ; не были истреблены двадцать четыре села, наводненныхъ кровью ихъ жителей, какъ это было въ Мериндолѣ и въ Кабріерѣ; колеса и висѣлицы не были поставлены на публичныхъ мѣстахъ для казни грековъ и протестантовъ, какъ при Генрихѣ II во Франціи; не доходило еще въ Польшѣ до такого человѣкоубійства, какое случилось въ Парижѣ въ день св. Варѳоломея [1]), или въ Ирландіи, или въ долинахъ піемонтинскихъ; кровавые потоки не протекали еще отъ одного края государства до другаго въ угодность Богу миротворцу. Хотя всего этого въ Польшѣ еще не было, но уже начали похищать у невинныхъ вольность и жизнь. Примѣры древнихъ ужасовъ, произведенныхъ вѣроизступленіемъ, не нужны для потомства, потому что здравомыслящіе люди отъ нихъ отвращаются, а не здравомыслящіе и увлекающіеся воображеніемъ *всегда ихъ возобновляютъ*.

Вскорѣ разорили церкви, училища, дома и богадѣльни диссидентовъ; принудили ихъ платить окладъ за крещеніе и за пріобщеніе св. тайнамъ, а въ это самое время 250 синагогъ жидовскихъ пѣли еврейскіе псалмы безъ всякой платы.

Въ 1718 году одинъ изъ депутатовъ, по имени Петровскій, выгнанъ былъ изъ засѣданія единственно за то, что былъ диссидентъ. Капитану Кенеру, обвиненному адвокатомъ Вандалевскимъ въ томъ, что онъ защищалъ противъ него протестанскую вѣру, отсѣчена была голова въ Петековѣ, какъ богохульнику. Мѣщанинъ Геберсъ былъ осужденъ на висѣлицу

---

[1]) А „варшавскіе Нешпоры“? Покрайней мѣрѣ Вольтеръ, въ настоящее время, былъ бы неправъ. Ред.

по такому же обвиненію. Шляхтичъ Розбицкій былъ принужденъ выѣхать изъ республики; шляхтичъ Унругъ написалъ нѣкоторыя примѣчанія и сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненій протестантскихъ авторовъ противъ римско-католической вѣры: тотчасъ похищены были у него черновыя бумаги и по одному только обличенію этими похищенными, еще не изданными въ свѣтъ, черновыми, далеко не отдѣланными сочиненіями, осужденъ былъ на отсѣченіе головы и только цѣною всего своего имѣнія успѣлъ уничтожить этотъ роковой приговоръ. Наконецъ въ 1794 году кровопролитная казнь въ Торунѣ возобновила древнія бѣдствія, обезславившія христіанство во многихъ другихъ государствахъ. Нѣсколько изъ іезуитскихъ школьниковъ худаго поведенія поссорились съ протестанскими мѣщанами; эта ссора привлекла толпу народа, которая ворвалась въ іезуитскій монастырь и, похитивъ тамъ нѣсколько святыхъ образовъ, бросила въ грязь образъ пресвятой Богородицы, который имъ по несчастію попался. Правда, что іезуитскіе школьники были болѣе виновны, какъ зачинщики, но протестанты были особенно обвиняемы католиками за поруганіе надъ образомъ пресвятой Дѣвы, хотя протестанты, какъ не почитающіе св. иконъ, не считали этого преступленія грѣхомъ большой важности. Они должны были возвратить образъ или вмѣсто его дать новый, просить прощенія, заплатить всѣ убытки и претерпѣть умѣренныя наказанія, какія правосудное правительство на нихъ наложитъ. Образъ приснодѣвы Маріи достоинъ всякаго благоговѣнія, но кровь человѣческая тоже достойна пощады и почитанія. Именемъ Божимъ и Его Матери, іезуиты требовали отмщенія и получили его, не смотря на заступленіе всѣхъ сосѣднихъ державъ. Предсѣдателемъ ассесорскаго суда былъ канцлеръ, а стряпчимъ города Туруня одинъ іезуитъ; они и рѣшили это дѣло въ пользу іезуитовъ. Президенту Роснеру, не смотря на его санъ, была отрублена голова за то, что не унялъ драки, и еще нѣсколько ассесоровъ и мѣщанъ погибло тою же казнію: два ремесленника были сожжены, а прочіе повѣшены. Нельзя было бы строже поступить и съ убійцами. Судіи еще не умѣли соразмѣрить наказаній съ важностью преступленій, хотя это знаніе не менѣе нужно, какъ и Коперника, который открылъ въ Торунѣ истинную систему міра и доказалъ, что наша земля,—такъ часто худо управляемая и

обремененная многими невзгодами,—вертится около солнца по безмѣрному своему пространству. Польшѣ, подобно многимъ государствамъ, казалось, было суждено испытать злую участь отъ раздоровъ за вѣру. Такъ, одинъ пасторъ лютеранскагс вѣроисповѣданія, Мозульскій, былъ убитъ въ 1753 году, на большой дорогѣ, римскимъ священникомъ изъ мѣстечка Биржи; это было первое непріятельское дѣйствіе воюющей церкви; доминиканецъ изъ Попьеля въ 1762 году прибилъ палкою до смерти проповѣдника Іогеля у воротъ одного больнаго, котораго онъ шелъ навѣстить. Р. католическій священникъ кананскаго прихода, встрѣтивъ тѣло лютеранина, несомое на кладбище, прибилъ до полусмерти лютеранскаго пастора, опрокинулъ гробъ и велѣлъ бросить мертвое тѣло на дорогу.

Въ 1765 году многіе іезуиты, съ другими монахами, вздумали, въ Мстиславѣ и въ Литвѣ, обратить всѣхъ грековъ въ римлянъ; они палками принуждали отцевъ и матерей приводить дѣтей въ римскія церкви. Семедесятъ шляхтичей этому воспротивились, и между ними и пропагандистами произошла драка, послѣ которой шляхтичи осуждены были на смерть и спаслись только тѣмъ, что согласились ходить въ іезуитскія церкви.

Въ Литвѣ, у однихъ отняли права гражданства, другихъ исключили изъ числа художниковъ за то, что они не ходили слушать латинской обѣдни, наконецъ изгнали изъ сеймовъ всѣхъ шляхтичей-диссидентовъ, которые правами рожденія и государственными законами имѣли на то привиллегію. Такія жестокости, такія гоненія, такое нарушеніе законовъ возмутило наконецъ шляхтичей, которыхъ считали уже совсѣмъ побѣжденными; собравшись, они призвали къ себѣ на помощь законы своего отечества и могущественныя державы, поручившіяся за неприкосновенность этихъ законовъ.

Надобно знать, что ихъ права торжественно утверждены были Швеціею, частью Германской имперіею, всею Польшею и особливо курфирстомъ бранденбургскимъ, въ мирномъ оливскомъ трактатѣ 1660 года, а еще сильнѣе были подтверждены Россіею въ 1686 году, когда Польша возвратила Россіи древній Кіевъ, столичный городъ малой Россіи. Вѣра греческая названа вѣрою православною въ договорахъ, подписанныхъ великимъ Собіескимъ.

И такъ шляхтичи прибѣгли ко всему, что есть священнѣйшаго на землѣ, какъ-то: къ клятвеннымъ обѣщаніямъ отцевъ своихъ, къ государямъ поручителямъ, къ законамъ своего отечества и къ законамъ всѣхъ народовъ. Они просили также заступленія у императрицы всероссійской Екатерины II, Швеціи, Даніи и Пруссіи. Это былъ славный примѣръ въ польскихъ шляхтичахъ, привыкшихъ отправлять государственныя дѣла на сеймахъ съ обнаженною саблею, теперь же взывающихъ къ общенародному праву противъ гоненія. Но этотъ поступокъ раздражилъ еще болѣе ихъ непріятелей.

Въ то время королемъ избранъ былъ Станиславъ Понятовскій, сынъ славнаго графа Понятовскаго, который отличался въ сраженіяхъ противъ шведовъ. Онъ былъ избранъ единодушнымъ согласіемъ своихъ соотечественниковъ и оправдалъ справедливость мнѣнія, какое имѣла вся Европа объ его благоразуміи. Ненавидя мятежи, онъ ревностно старался о благоденствіи и славѣ земли своей, былъ защитникомъ другихъ вѣроисповѣданій, набоженъ безъ суевѣрія,— гражданинъ на престолѣ, одаренный свѣтлымъ умомъ, онъ былъ еще просвѣщенъ науками. Все это заставило его предложить умѣренныя средства, доставляющія безопасность и равноправность всѣмъ гражданамъ Польши римско-католической вѣры и другихъ исповѣданій. Большая часть епископовъ и ихъ поборниковъ противопоставляли ревность дома Божія отечестволюбивой ревности монарха, но Станиславъ постоянно надѣялся, что время согласитъ обѣ ревности.

Между тѣмъ, шляхтичи-диссиденты, во многихъ мѣстахъ королевства, заключили между собою конфедерацію. 20-го марта 1767 года около 400 шляхтичей требовали правосудія письменнымъ объявленіемъ, ими всѣми подписаннымъ, въ томъ самомъ городѣ Торунѣ, который еще дымился кровью пролитою іезуитами. Другія конфедераціи собирались еще въ большомъ числѣ, и наиболѣе въ Литвѣ, гдѣ составилось двадцать четыре конфедераціи; всѣ вмѣстѣ конфедераціи составили огромное общество. Содержаніе ихъ декларацій было слѣдующее: «что они люди, граждане благородные, члены законоположенія, однако гонимые; что вѣра не имѣетъ ничего общаго съ государственными дѣлами, что она отъ Бога дана человѣку, и не отъ гражданина гражданину; что пагубное обыкновеніе—примѣнять Бога

къ дѣламъ просто человѣческимъ обагрило уже кровію Европу отъ временъ Константина Великаго; что на сеймахъ и въ сенатѣ должно быть тоже соблюдаемо, что и на войнѣ, гдѣ не спрашиваютъ полководца, идущаго противъ непріятеля, какой онъ вѣры; что довольно если шляхтичъ храбръ на сраженіи и справедливъ въ совѣтѣ; что они всѣ рождены вольными и что свобода совѣсти есть первая изъ всѣхъ вольностей, безъ которой тотъ, кого называютъ вольнымъ, былъ бы невольникомъ, что должно судить о человѣкѣ не по догматамъ, но по его поведенію, и не по мыслямъ, а по его дѣламъ; и что, наконецъ, евангеліе, повелѣвающее повиноваться властямъ земнымъ, не повелѣваетъ отнимать у христіанъ ихъ права, подъ тѣмъ предлогомъ, что они христіане не римскаго вѣроисповѣданія.» Всѣ эти истины скрѣпили они статьями законовъ и поручительствомъ державъ, гарантировавшихъ святость этихъ законовъ.

На всѣ эти требованія имъ было сказано: что, ища равенства, они захотятъ скоро и привиллегій, и подобными требованіями возмутятъ республику, которая и безъ того уже взволнована. Они отвѣчали: «мы не возмущали ея впродолженіи ста лѣтъ, но при угнетеніяхъ мы должны быть вашими врагами, а при терпимости будемъ вашими защитниками.» Державы, поручившіяся въ оливскомъ мирѣ, приняли торжественное участье въ ихъ требованіяхъ, и въ пользу ихъ писали убѣдительныя письма; король прусскій объявилъ себя ихъ защитникомъ; его покровительство было сильно и должно было дѣйствовать на умы сильнѣе, нежели покровительство шведское; потому что онъ показалъ въ своихъ областяхъ примѣры терпимости, какихъ Швеція еще не явила: онъ велѣлъ построить церковь въ Берлинѣ для римскихъ католиковъ, сознавая вполнѣ безопасность этого поступка и, зная, что государь побѣдоносецъ, государь философъ, государь вооруженный, не можетъ боятся зла ни отъ какой вѣры. Юный король датскій, отъ природы благотворительный, и его мудрое министерство также вступилось сильно за диссидентовъ.

Но ни одна изъ сѣверныхъ державъ не оказала столь великаго и дѣйствительнаго заступничества диссидентамъ, какъ Россія. Императрица всероссійская, предусмотрѣвъ въ Польшѣ междоусобное несогласіе, послала туда свои войска для сохраненія мира и покровительства диссидентовъ, въ случаѣ, если

бы захотѣли притѣснять ихъ силою. Европа удивилась, видя русскую армію, расположившуюся въ срединѣ Польши съ большимъ благоустройствомъ, нежели когда нибудь были природные полки польскіе. Не видно было въ этой арміи ни малѣйшаго неустройства и наглости; вмѣсто того чтобъ опустошать землю, она ее защищала и обогащала. Этой чужестранной арміи надлежало показать примѣръ благоразумія и она дѣйствительно его показала; можно было почесть ее сеймомъ, собраннымъ въ пользу свободы.

Обыкновенные политики воображали, что императрица хотѣла употребить въ свою пользу польскія смятенія для увеличенія своихъ областей, но забыли о томъ, что обширная имперія Россійская, содержащая 4,600,000 квадратныхъ верстъ, болѣе пространная нежели когда либо была римская держава,— не имѣетъ нужды въ новыхъ земляхъ, а только въ людяхъ, въ законахъ, въ наукахъ и художествахъ.

Екатерина II дала своей имперіи людей, поселивъ 30,000 семействъ, пришедшихъ изъ другихъ странъ, для распространенія въ Россіи нужныхъ рукодѣлій. Она дала ей законы, составивъ полезныя учрежденія для своихъ провинцій, простирающихся своими границами съ одной стороны до Швеціи, а съ другой до Китая,—и первый изъ установленныхъ ею законовъ былъ—терпимость. Всѣ съ удивленіемъ видѣли, какъ быстро населилась и обогащалась эта обширная имперія, принимая новыхъ гражданъ—въ то самое время, когда малыя государства, въ слѣпотѣ ложной ревности, лишались своихъ подданныхъ; не говоря о другихъ странахъ, вышедшіе изъ одного Зальцбурга, оставили свое отечество совсѣмъ опустошенное.

Система терпимости произвела быстрые успѣхи на сѣверѣ отъ рѣки Рейна до Ледовитаго моря; тамъ люди, повинуясь разуму, могли обо всемъ мыслить и все читать. Въ этой пространной части свѣта поняли, что всякое богослуженіе можетъ согласоваться съ государственною службою; такое же правило соблюдалось въ римской державѣ отъ временъ Сципіоновыхъ до Трояновыхъ. Ни одинъ изъ государей не слѣдовалъ ревностнѣй этому правилу, какъ Екатерина II: она не только въ своей имперіи утвердила терпимость, но снискала себѣ славу, стараясь утвердить ее и у своихъ сосѣдей; подобная слава принадлежитъ ей одной. Исторія всего міра не указываетъ примѣра,

чтобы когда была прислана армія въ сосѣднее государство, для того, чтобы сказать имъ: живите правосудно и мирно.

Если бы всероссійская императрица захотѣла усилить свое государство на счетъ Польши, то это было бы легко сдѣлать: ей стоило только воспламенить смятенія вмѣсто того, чтобы ихъ утушать, допустивъ утѣснять православныхъ, лютеранъ и реформатовъ; тогда они сами толпами пришли бы въ ея области. Этого только одного и могла бояться Польша; такъ какъ климатъ Польши немного только разнится отъ климата Россіи, и процвѣтающія въ сей послѣдней свободно науки и художества, высокіе умы, различныя увеселенія, зрѣлища и торжества, сдѣлавшія дворъ Екатерины II блистательнѣйшимъ въ Европѣ,— могли привлечь туда всѣхъ чужестранцевъ. Она даетъ своей Имперіи новый видъ и, кто бы не захотѣлъ, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ пріѣхать удивляться ей съ благоговѣніемъ?

Между тѣмъ, какъ она осматривала границы своей державы, переѣзжая изъ Европы въ Азію, чтобы видѣть собственными глазами нужды и неудобства своего народа, войска ея, въ срединѣ Польши, возбуждали долгое время подозрѣнія, страхъ и злобу поляковъ; но наконецъ, когда всѣ убѣдились, что войска ея находились тамъ только для возстановленія мира, то это неслыханное чудо открыло глаза многимъ патерамъ: они устыдились, что были менѣе миролюбивы, нежели полки россійскіе.

Епископъ краковскій и новый примасъ, оба одаренные превосходнымъ умомъ и ревностью къ правдѣ, послѣдовали этому спасительному намѣренію: они почувствовали, что были прежде поляками, нежели стали римлянами, и что они такъ же сенаторы, князья, патріоты, какъ и епископы; они же должны были, вмѣстѣ съ королемъ-философомъ, благоразумными епископами и императрицею, объявившей себя проповѣдницею человѣколюбивой терпимости, отвратить несчастія, угрожавшія Польшѣ. Философія на сѣверѣ всегда удерживала отъ кровопролитія, которое, по милости религіознаго фанатизма, безславило долгое время многія другія области.

Во время споровъ о вѣрѣ и объ естественной человѣческой свободѣ, вмѣшались выгоды нѣкоторыхъ частныхъ людей, какъ это случается во всякомъ государствѣ, а тѣмъ болѣе въ вольномъ народѣ; но они исчезли въ главномъ своемъ предметѣ, такъ какъ эти частные люди скоро стали сообразоваться съ

правилами терпимости, а поэтому мы и не станемъ описывать этихъ небольшихъ волненій, которыя въ общемъ движеніи совсѣмъ не важны.

Разсудокъ говоритъ, что эти три (греческое, латинское и реформатское) исповѣданія должны пользоваться равными правами, при которыхъ и римское исповѣданіе ничего и никого не потеряетъ; онѣ будутъ имѣть все, кромѣ права утѣснять, и это не должно возбуждать въ насъ негодованія. Если большая часть сѣвера одолжена христіанствомъ женскимъ лицамъ, то теперь превосходной женѣ сѣвера будутъ всѣ одолжены истиннымъ духомъ христіанства, призывающаго насъ къ терпимости, тишинѣ и миролюбію.

Перев. Лидія Г . . . .

РУССКАЯ ВИЛЬНА [1]).

Подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ представилась мнѣ древняя литовская столица, которая такъ славится красотою своихъ окрестностей; но еще теплое дыханіе весны не пробудило ихъ отъ зимняго сна, и одна только своенравная Вилія разбила свои ледяныя оковы, быстрымъ движеніемъ водъ оживляя мертвую еще вокругъ природу. Она очаровательна однако и въ бѣломъ ея саванѣ, среди лѣсистыхъ холмовъ, между коими стремится излучистая рѣка съ ея живописнымъ притокомъ, по долинѣ нѣкогда языческой Свенторога.

Но не черезъ воды Виліи и Вилейки лежалъ мой путь, отъ желѣзной дороги, въ сердце Литвы, Вильну, которая отъ нихъ заимствовала свое имя, а черезъ Острый или русскій конецъ города, такъ названный потому что былъ искони населенъ русскими. Тутъ и доселѣ двѣ православныя обители: Пресвятыя Троицы и Св. Духа. Есть еще другое свидѣтельство древняго православія сего конца, обличающее русское его начало:—вѣковой обычай, свойственный только православнымъ,

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ недавно вышла въ С. Петербургѣ брошюра, въ которой описаны нѣкоторыя древнія православныя церкви и другіе монументальные памятники этого русско-литовскаго города, краснорѣчиво свидѣтельствующіе, что русское православіе въ немъ древнѣе р. католичества и что оно, до временъ Ягайлы, составляло господствующую вѣру въ б. в. княжествѣ литовскомъ. Брошюра эта, изданная въ небольшемъ числѣ экземпляровъ, такъ благовременна и такъ интересна, что мы, съ дозволенія автора ея, сочли полезнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей, посредствомъ перепечатанія въ „Вѣстникѣ“ большей части ея содержанія. Ред.

утвердился даже у римлянъ при такъ называемой Острой Брамѣ, или главныхъ вратахъ Вильны.

I.

ОСТРОБРАМСКАЯ ЧАСОВНЯ И ВЪ НЕЙ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА Божіей Матери.

ПРИМѢЧАНІЕ РЕДАКТОРА. Эта икона нетолько въ г. Вильнѣ, но и во всемъ западномъ краѣ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ и даже въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ Австріи и Пруссіи, искони славится чудодѣйственною силою, являемою всѣмъ, притекающимъ къ ней съ вѣрою, молитвою и надеждою на заступничество Божіей Матери. Вѣра въ чудеса сей иконы такъ велика и повсемѣстна въ областяхъ вышесказанныхъ странъ, что Остробрамская часовня, въ которой она находится, ежедневно бываетъ наполнена страждущими разными душевными и тѣлесными недугами, и всякій, кто только притекаетъ къ ней съ живою вѣрою, получаетъ несомнѣнное исцѣленіе. Благоговѣніе народа къ сей иконѣ выражается еще и тѣмъ, что издавна ведется обычай, чтобы проходящіе и проѣзжающіе по Остробрамской улицѣ, какой бы вѣры они ни были, не исключая евреевъ и магометанъ, снимали шапки, а многіе богомольцы по обѣту, съ появленіемъ на эту улицу, становятся на колѣни и въ такомъ положеніи тащатся до самой Острой Брамы.

Пожертвованія деньгами и драгоцѣнными вещами сыплются въ Острую Браму рѣкою. Богатства, которыми владѣетъ крамелитскій костелъ, [1] по милости сей иконы, неисчислимы. Закупнымъ миссамъ (т. е. обѣднямъ) нѣтъ счету, вклады присылаются съ дальнихъ странъ, въ томъ числѣ и изъ великороссійскихъ губерній, даже отъ лицъ православныхъ. Жители Вильны не только римско-католики, но и православные, съ равнымъ усердіемъ и вѣрою, притекаютъ къ сей иконѣ въ своихъ скорбяхъ и немощахъ. Это явленіе, для человѣка далекаго отъ религіозной вражды и фанатизма, представляетъ умилительное зрѣлище: у пречистыхъ стопъ Владычицы соединяются въ молитвѣ разрозненные, въ слѣдствіе людскихъ мелочныхъ страстей, во Христѣ братія! Съ другой сто-

роны, въ этомъ явленіи ясно представляется и характеръ православной вѣры, чуждой всякой ненависти къ иновѣрію. Извѣстно, что истинно-православный человѣкъ, строго придерживаясь своей вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ, уважаетъ вѣрованія всѣхъ народовъ, лишь бы только христіанскихъ. Онъ не призадумается воздать благоговѣйное поклоненіе изображенію св. Креста, иконѣ Божіей Матери и т. п.,—гдѣ бы ни увидѣлъ таковые святые предметы: въ костелѣ ли, кирхѣ, или на открытомъ полѣ. Онъ р. католическаго ксендза и протестантскаго пастора почитаетъ почти наравнѣ съ своимъ священникомъ, ибо православная миролюбивая вѣра научила его считать въ нихъ христіанскихъ пастырей. Къ сожалѣнію, мы должны сказать правду, что наши ближайшіе по вѣрѣ, римско-католическіе христіане не совсѣмъ могутъ похвалиться подобною вѣротерпимостію. А жаль!...., они же приходятся намъ въ нашей Имперіи родными братьями по общему славянскому происхожденію, а большая часть изъ нихъ и по собственно-русскому.

Со времени паденія Кіева, въ слѣдствіе порабощенія Руси монголами, на развалинахъ древняго русскаго государства, распространеннаго при св. Владимірѣ, Ярославѣ Мудромъ и Владимірѣ Мономахѣ, образовались два государства: Русь восточная и Русь западная. Русь восточная надолго оставалась подъ владычествомъ монголовъ, западная же, освободившись изъ-подъ сего владычества при помощи оружія прежде подвластныхъ Руси литовцевъ, вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, обязаннаго своимъ началомъ собственно Гедимину, основателю новой столицы сего княжества—Вильны. Но какъ это Гедиминово литовское княжество образовалось большею частію изъ юго-западныхъ русскихъ областей, въ сравненіи съ которыми природные литвины составляли только одинадцатую часть, то дворъ Гедиминовъ и его новая столица—Вильно наполнены были преимущественно русскими. Эту истину главнымъ образомъ подтверждаетъ и то, что придворный, дипломатическій и юридическій языкъ в. князей литовскихъ, до временъ короля Сигизмунда III, былъ русскій. По этому-то Вильно сдѣлалось столицею и православія въ юго-западной Руси, вмѣсто Кіева. Въ немъ православныя церкви и монастыри появились гораздо прежде р. католическихъ костеловъ; въ немъ крестились въ православную вѣру всѣ дѣти Гедимина, въ томъ числѣ и Ольгердъ; въ немъ въ послѣдствіи (при Витольдѣ) основали свое мѣстопребываніе и православные кіевскіе митрополиты. Въ Вильнѣ, въ началѣ уніи, происходила кровавая борьба на животъ и на смерть господствующаго тамъ православія съ появившеюся вновь уніею, и на результаты этой борьбы съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ весь православный западъ Россіи. Уніятскіе митрополиты поселились въ Вильнѣ для того собственно, чтобы изъ сей столицы западной Руси, подпавшей вмѣстѣ съ Литвою подъ власть Польши, они лучше могли дѣйствовать относительно

сокращенія въ унію всѣхъ обитателей сей Руси. Однимъ словомъ, Вильно, сперва, по преимуществу православное, сдѣлалось мало по малу римско-католическимъ городомъ, изъ котораго, съ этого времени, проистекали всѣ главныя бѣдствія для православія и который, впослѣдствіи, сталъ гнѣздомъ распространенія враждебныхъ идей или лучше сказать бредней противъ Россіи,—природнаго отечества большей части вильнянъ. А чего не дѣлали поляки, чтобы уничтожить господствующую въ литовско-польскомъ государствѣ русскую народность? Трудно исчислить всѣ противозаконныя и безчеловѣчныя мѣры, какія они употребляли для подавленія стихій сей народности. Русскій языкъ при дворѣ, въ судахъ и училищахъ, они замѣнили латино-польскимъ; вѣру православную—уніею и католичествомъ; исторію уничтожали ревностнымъ истребленіемъ современныхъ письменныхъ памятниковъ, въ замѣнъ которыхъ наводнили всѣ литовско-русскія провинціи печатными (а кто тогда не вѣрилъ въ печать?) легендами, преисполненными лжи и клеветы брошюрами и цѣлыми книгами: то защищающими возникшую не кстати унію, то доказывающими правоту римскаго-католицизма. Всѣ же эти сочиненія имѣли общій характеръ—развить въ православномъ народѣ ненависть и отвращеніе къ его родной вѣрѣ. Даже монументальные памятники русской народности и православія, каковы храмы, св. иконы и проч..., поляки истребляли или захватывали въ свои руки.

Къ числу послѣдняго рода памятниковъ, захваченныхъ отъ православныхъ римско-католиками, относится и вышесказанная Острая Брама и находящаяся въ ней чудотворная икона Божіей Матери.

Вотъ какъ описываетъ этотъ памятникъ православія въ Вильнѣ почтенный авторъ брошюры: „Русская Вильна."

«Мнѣ казалось, что я въѣзжаю въ городъ Спасскими вратами Кремля, когда увидѣлъ, что всѣ благоговѣйно обнажаютъ головы подъ сводами Остробрамской башни; не избавлены отъ сего даже самые евреи,—и такъ всѣ идутъ вдоль тѣсной улицы до ближайшаго костела. Только въ Москвѣ и Вильнѣ существуетъ такой обычай, и конечно изъ православной Руси былъ онъ занесенъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, въ литовскую столицу. Но когда, чрезъ унію, поколебалась чистая первобытная ея вѣра, измѣнилось и самое значеніе священной иконы Богоматери Одигитріи, т. е. путеводительницы, которая, съ высоты воротъ, осѣняла входы и исходы вѣрныхъ ея служителей. Икона Спасова, на вратахъ Кремля, обращена лицемъ къ входящимъ въ городъ, призывая ихъ во святыню храмовъ древ-

ней столицы,—такъ и на Острой брамѣ, до роковой уніи, икона Богоматери, лицемъ обращенная на Русь, стояла снаружи. Была безъ сомнѣнія и другая внутренняя икона, на противоположной сторонѣ входной башни, какъ это и теперь мы видимъ въ Кремлѣ, надъ каждыми изъ его воротъ, съ неугасимотеплящимися лампадами.»

«Но во время уніи, когда базиліане овладѣли древнимъ достояніемъ православныхъ, измѣнилось направленіе иконы, ибо утрачена была основная мысль, что она стоитъ на стражѣ ввѣреннаго ей града. Теперь икона Богоматери, въ новой латинской часовнѣ, обращена лицемъ къ городу, и даже укрыта завѣсою отъ взоровъ молящихся. На внѣшней же сторонѣ башни нѣтъ никакого священнаго изображенія, такъ что входящему въ городъ не понятно, для чего велятъ ему снимать шапку подъ сводами воротъ? и тогда только, когда уже пройдетъ нѣсколько шаговъ и оглянется къ часовнѣ, уразумѣетъ онъ побудительную къ тому причину. Многое такъ переиначено въ римской церкви, начиная отъ польскаго наименованія костела, которое означаетъ крѣпость castellum, вмѣсто имени церкви: ecclesia.»

«Если вѣрить древнему преданію, то Корсунскою слыветъ сія икона, потому что завоеватель Ольгердъ, великій князь литовскій, пріобрѣлъ ее въ Крыму, когда разгромилъ татарскія орды и опустошилъ полуостровъ до древней Корсуни. Еще онъ былъ тогда полуязычникъ и подарилъ икону сію первой супругѣ своей Маріи; вторая же его супруга Іуліанія посвятила икону обители Троицкой, которую основала надъ священными останками трехъ первыхъ мучениковъ виленскихъ: Антонія, Іоанна и Евстафія. Ихъ замучилъ Ольгердъ при началѣ своего княженія, за твердое исповѣданіе вѣры Христовой, въ угодность жрецамъ своимъ и вельможамъ. Есть и другое преданіе, что императоръ греческій Іоаннъ Палеологъ прислалъ икону сію въ даръ великому князю литовскому, когда узналъ объ его обращеніи въ христіанство. Надъ сосѣдними вратами Остраго конца сооружена была деревянная часовня, для храненія иконы, и тутъ она чествуется всенародно съ XIV столѣтія, подъ названіемъ Острobрамской. Деревянныя створы защищали ее отъ непогоды и узкая лѣстница устроена была съ внѣшней стороны, чтобы благоговѣйные богомольцы могли прикладываться къ священному лику и ставить предъ нимъ свѣчи. Но послѣ введенія

уніи, иноки православные, утратили, вмѣстѣ съ обителью Троицкою, и священную часовню Островрамскую. Самые базиліане, ихъ замѣнившіе, оставили въ большомъ пренебреженіи часовню и равнодушно смотрѣли, какъ новые ихъ сосѣди, ордена кармелитовъ, построили себѣ, въ 1627 году, обитель во имя св. Терезіи, подлѣ самыхъ Острыхъ вратъ; кармелиты приняли въ свое вѣдѣніе часовню и стали въ ней служить тайныя обѣдни передъ древнею иконою.»

«Не прошло и пятидесяти лѣтъ, какъ они построили новую деревянную часовню, на мѣстѣ старой, и тогда обратили икону лицемъ къ своему костелу. Страшный пожаръ 1715 года, опустошившій весь городъ, истребилъ и часовню кармелитовъ; они успѣли однако спасти икону, перенеся ее въ свой костелъ, и соорудили каменную часовню въ томъ видѣ, въ какомъ стоитъ она доселѣ. Базиліане, не обращавшіе сперва вниманія на дѣйствія кармелитовъ, позавидовали множеству богомольцевъ, стекавшихся въ ихъ часовню, и потребовали отъ своихъ соперниковъ возвращенія священной иконы, но кармелиты уже не хотѣли ее уступить. Завязалось тяжебное дѣло между двумя орденами и дошло до верховнаго суда папы. Нельзя было опровергнуть законнаго права базиліанъ, но папа благопріятствовалъ кармелитамъ, и чтобы удержать за ними икону, присудилъ оставить часовню въ рукахъ того монастыря, который ближе къ Острымъ вратамъ; такъ и доселѣ икона Богоматери осталась принадлежностію костела св. Терезіи.»

«Но вотъ еще обстоятельство, весьма недавнее, которое свидѣтельствуетъ, какъ крѣпко держатся римляне за то, чѣмъ однажды овладѣли, почитая всякую мѣру позволительною, лишь бы достигнуть желаемой цѣли. При уничтоженіи уніи въ 1839 году, когда опять перешла въ руки православныхъ иноковъ древняя Троицкая ихъ обитель, повелѣно было возвратить имъ, по всей справедливости, искони принадлежавшую имъ икону, и даже упразднить монастырь кармелитовъ. И что же?—мѣстные происки римскаго духовенства успѣли извратить, на самомъ дѣлѣ, исполненіе указа. Какъ будто по недоразумѣнію, вмѣсто костела св. Терезіи, прилегающаго къ Островрамскимъ воротамъ, уступлены были православнымъ развалины бывшей обители св. Терезіи, въ предмѣстіи за Зеленымъ мостомъ, а самая икона осталась по прежнему въ рукахъ кармелитовъ.—

Такова странная участь сего завѣтнаго сокровища древней Корсуни. Умилительно однако видѣть усердіе къ нему всего города и непрестанно горящія свѣчи предъ священнымъ ликомъ, облеченнымъ въ драгоцѣнную ризу, и толпу молящихся на верху башни, внутри часовни, и по обѣимъ сторонамъ тѣсной улицы Остробрамской.

Высокопреосвященный Іосифъ митрополитъ литовскій, въ одномъ изъ краснорѣчивыхъ его религіозно-политическихъ поученій историческое свое сказаніе объ этой иконѣ заключилъ слѣдующими словами:

„Да не смущается симъ извѣстіемъ наша братія и сограждане римскіе католики. Мы не думаемъ требовать обратно священную Остробрамскую икону, напротивъ рады, что къ сей русской святынѣ обращается съ благоговѣніемъ въ скорбяхъ и немощахъ своихъ христіанское населеніе города Вильны, да вспомнятъ только, что и они нѣкогда не были чужды ни Россіи, ни святой церкви православной!“

Мы въ заключеніе прибавимъ къ сему, что дай Богъ, чтобы эта икона служила символомъ единенія и взаимной любви между населяющими Вильно христіанами всѣхъ вѣроисповѣданій и чудодѣйственною своею силою подѣйствовала бы на умы и сердца римско-католиковъ, чтобы они видѣли предметы, служащіе причиною ихъ вражды къ русскому православію, не глазами папства и политики запада, но такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ.

Редакторъ.

II.

Развалины церкви св. Параскевы.

Послѣ входной часовни Остробрамской, будемъ искать другихъ еще болѣе древнихъ слѣдовъ православія въ Вильнѣ, и мы дойдемъ до самаго начала ея христіанства, тѣсно въ ней связаннаго съ православіемъ. Между двухъ его твердыхъ оплотовъ въ столицѣ литовской, древнихъ обителей св. Духа и св.

Троицы, пролегаетъ улица Островрамская, которою начинается городъ; но мимо ихъ и мимо новаго каѳедральнаго собора Святителя Николая, поворотимъ съ главной улицы къ Зарѣчью, въ одинъ изъ тѣснѣйшихъ кварталовъ Вильны. Тамъ должно искать древнѣйшаго ея святилища, и вы не отыщете сами сихъ развалинъ, если вамъ ихъ не укажутъ на одномъ частномъ дворѣ, въ грязномъ и тѣсномъ переулкѣ. Такъ застроено все мѣсто, принадлежавшее нѣкогда церкви и проданное, во времена уніи, подъ обывательскіе дома.

Въ углубленіи двора, между двухъ надвинувшихся домовъ, вамъ представятся однѣ голыя стѣны бывшей церкви, съ окнами, пробитыми на внутренней стѣнѣ, но безъ всякой крыши. Мѣсто сіе еще не давно служило загономъ для скота и складомъ всякой нечистоты. Можно ли узнать въ этомъ полуобрушенномъ сараѣ древнѣйшую православную церковь литовской столицы? Она была сооружена во имя св. мученицы Параскевы первою супругою великаго князя Ольгерда, Маріею Ярославной княжною витебской, на мѣстѣ языческаго капища Вакха или Рагутиса, около 1330 года.

Самое урочище называлось Петенки, отъ наименованія языческихъ жрецовъ Вакха, и весьма вѣроятно, что имя св. Параскевы или Пятницы (въ простонародіи Пятка) избрано было для перваго святилища христіанскаго, по созвучію его съ древнимъ названіемъ урочища, къ которому привыкъ языческій народъ. Церковь христіанская, при своемъ водвореніи въ краѣ языческомъ, снисходительно старалась, всѣми средствами, привлечь къ себѣ дикихъ дѣтей природы, чтобы только отклонить ихъ отъ тьмы язычества къ свѣту Христову.

Церковь пятницкая, при водвореніи уніи, вмѣстѣ съ другими 12 православными церквами Вильны, насильственно перешла въ руки новыхъ единовѣрцевъ римскихъ, по королевскому указу Сигизмунда Августа, что возбудило общій ропотъ. Народъ православный подалъ жалобу мѣстнымъ властямъ литовскимъ и на его сторону склонялось правосудіе, но пріѣздъ короля измѣнилъ опять все въ пользу уніатовъ. Хотя новый митрополитъ ихъ, Игнатій Поцѣй, едва не лишился жизни за насильственное похищеніе храмовъ, но сила и происки римлянъ одолѣли и церковь Пятницкая оставалась въ рукахъ уніатовъ до покоренія Вильны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Петръ Великій по-

сѣтивъ Вильну въ 1701 году, слушалъ божественную литургію въ этой церкви и подарилъ ей знамя, отбитое у шведовъ. Но послѣ пожара 1748 года, она пришла въ запустѣніе и упадокъ, ибо православные не имѣли средствъ возобновить ее. Опять овладѣли ею уніаты и приписали къ Троицкому монастырю, а въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія совершенно прекратилось въ ней Богослуженіе.

Въ могильномъ склепѣ этой церкви погребена была благочестивая ея основательница, великая княгиня Марія, и можетъ быть обрѣтенъ будетъ гробъ ея, если коснутся подземныхъ сводовъ, ибо теперь мѣстное правительство хочетъ возстановить церковь св. Пятницы изъ ея развалинъ, чтобы охранить древнюю святыню отъ новѣйшихъ поруганій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія упразднено было въ городѣ нѣсколько церквей, которыхъ считалось болѣе тридцати въ лучшія времена Вильны, когда въ ней процвѣтало православіе. Но со времени уніи, мало по малу онѣ начали пустѣть, столько же по равнодушію уніатовъ, сколько и по насилію римлянъ, которые старались привлечь новыхъ единовѣрцевъ въ свои костелы, чтобы рѣшительнѣе отдалить ихъ отъ православія. Земли церковныя, около бывшихъ храмовъ, отдавались въ наймы и застроивались частными домами, такъ что мало по малу исчезали не только слѣды развалившейся церкви, но даже и самая о ней память. Тоже бы случилось, черезъ нѣсколько лѣтъ, и съ развалинами церкви св. Параскевы, совершенно задавленной сосѣдними домами, которые теперь будутъ сломаны. Такъ, мы напрасно ищемъ какихъ либо слѣдовъ двухъ древнихъ церквей, существовавшихъ по ея сосѣдству: Пророка Иліи и Святителя Николая, гдѣ нѣкоторое время стояли мощи трехъ мучениковъ виленскихъ.

О ЛЬВОВСКОМЪ СТАВРОПИГІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ [1]).

Начало Ставропигіальнаго братства, названнаго сначала Успенскимъ, относятъ по преданію къ началу основанія города Львова и львовской Успенской церкви въ 1250 году, при которой составилось это братство, по старинному обычаю Руси, для цѣлей богоугодныхъ. Достовѣрнѣйшимъ письменнымъ доказательствомъ о существованіи этого братства служитъ грамота польскаго короля Казимира IV-го 1439 г. Большее же значеніе и вліяніе братство это пріобрѣло во второй половинѣ XVI столѣтія, т. е. съ того времени, когда въ составъ его начали входить знаменитые мужи греческаго вѣроисповѣданія для защиты православія, не только львовскіе уроженцы граждане, но и родоначальники старинныхъ русскихъ фамилій, какъ боярскихъ, такъ и княжескихъ, и даже князья посторонніе [2]).

Первообразомъ церковныхъ братствъ были первыя общины христіанскія, когда вѣрные Христу, будучи гонимы и преслѣдуемы язычниками и ихъ правительствомъ, совокуплялись въ

---

[1]) Изъ сочин. Якова Гловацкаго, издан. въ Львовѣ 1860 г., написан. на мѣстн. галицко-русинскомъ нарѣчіи.

[2]) И такъ львовское братство считало въ XVI и XVII вѣкахъ между своими членами молдавскихъ и валахскихъ господарей, славныхъ к. Острожскихъ, Вишневецкихъ, Рожинскихъ, Коширскихъ, Збаражскихъ, Дубровицкихъ, Заславскихъ, Пронскихъ, Слуцкихъ, Олельковичей, Путятичей, знаменитыхъ пановъ Бучацкихъ, Скуминовъ, Тышкевичей, Завишей, Кирдѣевъ, Сташковъ, Нѣмировичей и проч. Авт.

духѣ любви по заповѣди Спасителя: *братство любите, Бога бойтеся, царя чтите*. Ближайшимъ поводомъ къ устроенію или собственно преобразованію братствъ были временныя обстоятельства, возбудившія русиновъ къ большей дѣятельности.

Въ 1569 году наступило давно желанное поляками соединеніе Литвы (т. е. Литвы, принадлежащей Руси) съ Польшею; тогда сосредоточена была равноправность шляхетская въ коронѣ (польской) и въ Литвѣ. Подъ покровительствомъ неограниченныхъ шляхетскихъ властей, реформація протестантовъ начала распространяться съ неимовѣрною скоростію во всѣхъ областяхъ Польши. Реформаторы нашли себѣ не только много приверженцевъ между шляхтою и польскими магнатами, но соблазнили и поколебали въ вѣрѣ праотцовъ много русскихъ дворянскихъ и княжескихъ фамилій. Они взяли верхъ въ Польшѣ до той степени, что при кончинѣ Сигизмунда Августа въ польскомъ сенатѣ засѣдали кромѣ епископовъ (польскихъ) только два сенатора р. католики. Послѣдователи Мартина Лютера, Кальвина, Фауста, Социна и проч., принявъ личину свободомыслія и прогресса, заводили школы, типографіи, спорили, печатали, распространяли книги и брошюры между народомъ даже на русскомъ языкѣ, [1]). Старались всякими способами умножить число своихъ приверженцевъ. Очевидная опасность угрожала русскому православію [2]).

Римско-католическое правительство призвало орденъ іезуитовъ для обращенія еретиковъ назадъ къ католичеству. Іезу-

---

[1]) Такъ 1562 г. Маѳ. Кавечинскій, Симонъ Будный (переводчикъ польской кальвинской библіи) и Лаврентій Крышковскій издали „Катихизисъ" по кальвинскому ученію, въ Нѣсвижѣ, городѣ извѣстныхъ поборниковъ протестанства, кн. Радзивиловъ. Съ подобною кажется цѣлію издана въ Прагѣ (1515—1519) библія рускаго перевода Франциска Скорины, доктора медицинскихъ наукъ. Имя **Францискъ** не употребительно у русиновъ, что даетъ поводъ сомнѣваться о греч. вѣроисповѣд. Скорины. Авт.

[2]) Авторъ уніатъ не указываетъ прямо на главнѣйшее побужденіе къ учрежденію братствъ, заключавшееся въ охраненіи и поддержаніи православія и русской народности отъ натиска латинизма, полонизма и папства. Ред.

иты, принявъ въ свои руки воспитаніе юношества, съ помощію преданнаго имъ короля Сигизмунда III, стали рѣшительно дѣйствовать къ искорененію всѣхъ ересей вообще. Въ это время и русское православное духовенство, претерпѣвавшее не разъ гоненія, особенно ревностные вельможи и мѣщанство, вѣрно державшіеся вѣроисповѣданія своихъ отцовъ, вознамѣрились принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію соблазновъ и укрѣпленію братій своихъ въ вѣрѣ. Въ это время устроились или обновлялись церковныя братства. Мужи, приверженные къ вѣрѣ своихъ отцовъ и одушевленные любовію къ народности (по словамъ современниковъ), «цѣловали каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго честный крестъ, обѣщаясь клятвенно пребывать въ своей вѣрѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, клялися всеми силами противустоять нововведеніямъ и ересямъ, дабы ни одинъ изъ нихъ соблазномъ или насиліемъ, или страхомъ не былъ исторгнутъ изъ нѣдръ православія.» (Пам. Кіев. Ком. II отд. I; жур. М. Нар. Просв. 1850 г. м. іюнь). По просьбѣ русскихъ, явился патріархъ антіохійскій Іоакимъ, по наставленію константинопольскаго патріарха Іереміи, въ 1583 году въ городъ Львовъ и возбудилъ членовъ существовавшаго тамъ братства къ правильному устройству, дабы оно приняло на себя трудъ учредить богодѣльню, больницу и странноприимный домъ, особенно внушилъ учредить школы для обученія славянскому и греческому языкамъ и завести типографіи. Грамоты патріарха Іереміи съ 1588—1590 г. подали Успенскому братству преимущество Ставропигіи (крестоводруженія), которое состояло въ независимости братства отъ епархіальной власти, а подчинялось одному только патріарху цареградскому.

Отъ патріарха братство принимало судъ, управленіе и власть, отъ него получало (хотя не всегда) св. муро, антиминсы и другія церковныя принадлежности. Митрополиту принадлежала Ставропигія только тогда, когда онъ былъ патріаршимъ экзархомъ. Но Ставропигіальное братство пользовалось преимуществомъ, и было въ правѣ:

1. Свободно избирать для своихъ церквей священниковъ и игумена для монастыря св. Онуфрія, который во 2-й половинѣ XVII в. также принадлежалъ братству.

2. Имѣло полное право посылать двухъ депутатовъ на

соборы, гдѣ они имѣли мѣсто и голосъ между епископами и высшимъ духовенствомъ.

3. Братство вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и дворянствомъ области участвовало при избраніи епископа.

4. Оно имѣло право назначать двухъ депутатовъ съ правомъ голоса въ епископскую консисторію, если судебное дѣло касалось одного изъ членовъ братства.

5. Братство имѣло право наблюдать надъ образомъ жизни и поведеніемъ не только людей мірскихъ, но и духовныхъ, хотя бы они и не принадлежали къ братству, и въ случаѣ какого-либо соблазна съ ихъ стороны послѣ изустнаго или письменнаго выговора должно было доносить епископу.

6. Братство само управляло движимымъ своимъ имуществомъ и никто ни изъ духовныхъ ни изъ свѣтскихъ не смѣлъ вмѣшиваться въ ихъ управленіе. Домы, принадлежавшіе братству выстроенные при братскихъ церквахъ со всѣми принадлежавшими къ нимъ землями свободны были отъ всякихъ повинностей, податей, войсковыхъ постоевъ и проч. Оно наслѣдовало имущество, остававшееся по смерти каждаго инока монастыря св. Онуфрія.

7. Члены братства сами избирали старѣйшинъ и судились своимъ собственнымъ судомъ безъ всякой посторонней власти. Отъ приговора этого суда на отлученіе не могъ разрѣшить даже самъ епископъ [1]). Старшины братства или старшіе братья избирались ежегодно въ проводную недѣлю, т. е. недѣлю антипасхи и этотъ обычай сохранился до настоящаго времени.

8. Наконецъ Ставропигійскому братству подчинены были и другія предмѣстныя братства, какъ напр. младшее братство св. Онуфрія и даже самый монастырь св. Онуфрія, для котораго Ставропигіальное братство имѣло право избирать игумена.

---

[1]) Въ грамотѣ патріарха Іереміи, подтверждающей братскій уставъ, читаемъ: „аще кто отъ братіи не будетъ жити въ единомысліи изъ братствомъ, но противно мысли чинити соблазну между братіею и непрестанетъ, таковаго да отлучатъ его братіе отъ общаго братства ко цѣломудрію, тогда и епископъ изжинетъ таковаго изъ церкви яко преслушника и непокориваго братству, дондеже да накажется.“ См. совр. переводъ греч. грамоты въ Ставропигійскомъ архивѣ. Авт.

Права и преимущества Ставропигійскаго братства признаны были митрополитомъ Михаиломъ Рагозою (1590 г.) и сунодомъ брестскимъ въ 1591 г. 27 октября. Король Сигизмундъ III подтвердилъ школу pro tractandis liberis artibus, какъ сказано въ грамотѣ; братство получило исключительное право печатать и продавать славяно-русскія и греческія книги и удержало это право подъ владѣніемъ Польши даже до новѣйшаго времени. Короли предоставили братству свободное управленіе безъ всякаго вмѣшательства судовъ «трибунальскихъ, маршалковскихъ, земскихъ, градскихъ или мѣйскихъ,» а въ случаѣ нарушенія его правъ и привилегій частными лицами или самымъ городскимъ судомъ братство могло внести протестъ въ городскія книги и обращалось съ жалобою прямо къ королю [1]).

Вообще нужно признать, что львовское Ставропигіальное братство имѣло важное значеніе въ свое время. Оно считалось первымъ, устроеннымъ патріархомъ братствомъ и служило образцемъ для устроенія виленскаго, кіевскаго, луцкаго, могилевскаго и др. [2]). Имѣя между своими членами многихъ мужей знаменитыхъ своимъ происхожденіемъ и гражданскимъ чиномъ, Ставропигіонъ былъ представителемъ всего русскаго народонаселенія нашей Руси и защитникомъ и охранителемъ русскаго вѣроисповѣданія. Ставропигіальные представители мужественно отстаивали преслѣдуемую русскую вѣру и народность, они ходатайствовали за права всего русскаго народа. Изъ ставропигіальнаго училища вышли люди, крѣпко стоявшіе за вѣру и русскую народность [3]).

---

[1]) Съ сожалѣніемъ, однакожъ, мы должны сказать, что эти права и привиллегіи рѣдко были соблюдаемы. Власть королевская была ограничена, законы были безсильны, не было кому охранять ихъ; своеволъство шляхты, самоуправство старостъ, бурмистровъ, совѣтниковъ и проч. безпрестанно нарушали права и привилегіи братства. Лѣтопись братства переполнена жалобами, тяжбами, спорами и несправедливостями всякаго рода. Авт.

[2]) См. грам. патр. Іоакима, дан. брат. Львов. 1856 г. стр. 30.

[3]) Вотъ какими словами Юрій Кузмичь Рогатинецъ, старшій братъ львовскаго братства, ободряетъ унывающихъ членовъ виленскаго братства; „не новина въ церкви Божіей бывати сему. Запе-

Митрополитъ винницкій Антоній (бывшій до 1650 г. епископомъ перемышльскимъ) не иначе называлъ тогдашнихъ членовъ львовской Ставропигіи, какъ «cooperarii, progatoes et defensores въ вертоградѣ Христовомъ» (лѣтопись львов Ставр. братства). Ибо тогда во главѣ братства стояли мужи твердые въ вѣрѣ и крѣпкіе духомъ, готовые бороться со всякими препятствіями и защищать вѣру отцовъ и тѣсно связанную съ нею народность.

Одушевленные истинною любовію къ своему народу, мужи того времени не отчуждались частнымъ отступничествомъ отъ русской народности и не увлекались своекорыстіемъ и личными выгодами. Русины и слышать нехотѣли о новой вѣрѣ. Юрій Кузмичь Рогатинецъ пишетъ: «что же пишешь, будто бы съ лютеранами мы соглашаемся; но въ томъ каждый ошибается, ибо мы не держимъ дружбы съ еретиками и со всякими отщепенцами, которые отступили отъ Христовой Восточной Церкви и присоединились къ своимъ злоначальникамъ. начиная отъ Арія, и всѣхъ наслѣдниковъ ихъ отлучаемся. Я имѣю частый разговоръ съ различными людьми противныхъ убѣжденій, не держа ихъ стороны, но принимаю видъ овечьяго незлобія и змѣиной мудрости и цѣлости голубиной, какъ научилъ Христосъ»[1]). По этому авторъ «Перестороги», историческаго изслѣдованія, хранимаго въ арх. Ставроп. львов., пишетъ: «И въ томъ гоненіи чимъ большъ гонимы и преслѣдованы были, тымъ большъ сила Божія надъ ними оказовалася, а братство множилося, школа росла, людей изъученныхъ много и казнодѣевъ (проповѣдниковъ) мудрыхъ выходитъ. И такъ мужаются и укрѣпля-

---

чатаяи архіерее съ римляны гробъ Христовъ, але силы его неудержали, и Иродъ убивалъ младенцевъ Христа ради, але взялъ конецъ свой яко и иншіи Божіи противницы, которые властію папства своего церкви Божіей противилися." См. акты зап. Рос. Т. IV, стр. 201. Въ 1606 г. писало львовское братство къ младшему могилевскому! Остерегайте ваше братолюбіе отъ волковъ, которые приходять къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, а внутри суть волки и хищники: ибо времена люты и люди лукави и проч. См. Могил. Вѣд. 1845 г. № 50.

[1]) См. Акт. зап. Рос, Т. IV, стр. 201.

ются по средѣ волковъ" невредимы суть. Што такъ дѣется и по сей часъ» [1]).

При такой твердости духа тогдашнихъ русиновъ, Лаврентій Древинскій, депутатъ волынской земли, могъ на варшавскомъ сеймѣ 1620 г., въ присутствіи сенаторовъ и пословъ, передъ трономъ короля Сигизмунда III смѣло сказать: «если бы отъ насъ изшедшія на насъ не возстали, то таковыя науки, таковыя училища, только достойныя и ученые люди въ народѣ русскомъ никогда бы не открылись, ученіе въ храмахъ нашихъ по прежнему было бы покрыто пылью нерадѣнія [2]).

При старательномъ надзорѣ Ставропигіи, издавалось въ постоянныхъ изданіяхъ многое множество книгъ Богослужебныхъ и назидательныхъ для всего народа,—тутъ издана первая грамматика греко-славянская (1591 г.), первые учебники для школъ, существовавшихъ въ тогдашнее время, словомъ Ставропигія была истиннымъ разсадникомъ народнаго просвѣщенія. Уже въ 1588 г. виленское братство въ своемъ посланіи къ львовскому, прося львовскихъ собратій «прислати сто или двѣсти книгъ, а также дьяка или двухъ, могущихъ достойно разсудити и другихъ научити», превозносятъ своихъ львовскихъ единовѣрцевъ: «яко же всѣмъ избыточествуете, вѣрою, словомъ, и разумомъ и всякимъ тщаніемъ, и любовію къ намъ, да и въ сей благодати избыточествуете.» Львовское братство превосходило другія цвѣтущимъ состояніемъ своей школы и типографіи, оно высылало другимъ искусныхъ учителей и ученыхъ священниковъ, снабжало ихъ Богослужебными и даже учебными книгами [3]).

---

[1]) См. Акты зап. Росс. Т. IV, № 149, стр. 215.

[2]) См. Ист. объ Уніи Бантышъ Каменскаго. 1805, стр. 69.

[3]) См. акты зап Рос. Т. IV, стр. 508. Патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ писалъ 1620 г. слѣдующее львовскому братству, восхваляя дѣятельную его ревность: „яко вы вѣрни суще рабы Господина своего, виноградъ его раскопываемый отъ противныхъ, не токмо оплотомъ наказаній **училищныхъ и изображенія книгъ художествомъ типографскимъ ограждати**, но и дѣлателями въ иночествѣ общежительными, ничтоже своихъ си, но яже ближнимъ имущими обогащати, **попеченіе прилежное и единодушное имате....** Сія убо мы увидѣвше о васъ и Богу благодареніе возсылающе, духомъ зѣло радуемся и ваше тщаніе и усердіе похваляемъ."

Въ великолѣпно созданномъ Ставропигійскомъ храмѣ возносились теплыя молитвы къ престолу Всевышняго и совершалась безкровная жертва съ точнѣйшимъ наблюденіемъ устава греко-восточной церкви. Воспитанники Ставропигійской школы утверждали и распространяли правильный церковный уставъ и гармоническое пѣніе во всей области. Наконецъ члены братства были сами примѣромъ христіанской жизни и наблюдали за добрымъ поведеніемъ своихъ соотечественниковъ и охраняли ихъ отъ соблазновъ наставленіями, увѣщаніями, обличеніемъ непокорныхъ и отлученіемъ отъ церкви [1]).

Самъ Константинъ к. Острожскій поручалъ попеченію братства даже своего сына Александра, когда онъ поселился въ Ярославѣ, письмомъ своимъ изъ Дубна 1591 года [2]).

Намѣреваясь говорить преимущественно о дѣятельности Ставропигійскаго братства, посредствомъ его училища, мы должны прежде всего обратить вниманіе на развитіе и процвѣтаніе русскихъ училищъ съ древнѣйшихъ временъ. И такъ, знаемъ уже изъ Нестора, что заведеніе училищъ на Руси относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ, онѣ справедливѣе современны введенію христіанства. Владиміръ первый основалъ училище въ Кіевѣ, Ярославъ завелъ подобное же училище въ Новгородѣ для 300 отроковъ. Участіемъ святителей и князей училища въ послѣдствіи времени умножились. Въ житіи св. Ѳеодосія читаемъ, что онъ первый получилъ образованіе въ городскомъ училищѣ въ Курскѣ. Лѣтописи пишутъ, что въ XI вѣкѣ были уже училища на Волыни, ибо нѣкто Василій,

---

[1]) Въ грамотѣ патр. Іоакима въ статьѣ 27 сказано: „мошью Божіею повелѣваемъ хранити сія преданія нераззорне вѣчно, и даемъ моцъ сему братству церковному обличати противныя закону Христову и всякое безчиніе отъ церкви отлучати (См. совр. русскій перев. греческой грам., хранящейся въ Ставропигійскомъ архивѣ).

[2]) Кіевлянинъ 1841 г. кн. II, стр. 48. Въ этомъ письмѣ князь Константинъ, защитникъ и покровитель Ставроп. братства, такъ выражается: „Невѣдомо мнѣ се есть, яко сынъ мой князь Александръ восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки ея сталъ.... Молю васъ“ и проч.

вѣроятно священникъ, посѣщалъ Владиміръ волынскій *смотрѣнья ради училищъ и наставленія учителей*, которыхъ безъ сомнѣнія было много. При монастыряхъ и церквахъ обыкновенно помѣщалось юношество для обученія грамотѣ. Изъ множества памятниковъ древней словесности видно, что грамотность въ древней Руси была довольно распространена.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашествіе татаръ должно было произвести самое губительное вліяніе и на училища. Города и монастыри, въ которыхъ пріютилась было наука и сберегались пособія къ ученію, долгое время лежали въ развалинахъ и не могли возобновиться. Изъ неправильности въ грамматикѣ, небрежности языка письменныхъ памятниковъ того времени видно, какъ и книжное ученіе тогда очень упало. Послѣ возобновленія или преобразованія монастырей, епископскихъ столицъ и церквей, грамотность опять нашла въ нихъ свой пріютъ. Были безъ всякаго сомнѣнія и училища, въ которыхъ преподавался славяно-русскій языкъ, ибо въ литовскомъ княжествѣ и русскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ, гдѣ въ судахъ и урядахъ употреблялся русскій языкъ и русское письмо, нужны были чиновники, свѣдущіе въ русскомъ языкѣ и русской грамотѣ. Но отъ нихъ не требовали глубокихъ познаній въ этомъ предметѣ; а довольствовались однимъ знаніемъ письма; по этой то причинѣ и многіе природные поляки и другіе иностранцы учились русскому языку ради чина. Чтобы получить высшее образованіе, нужно было прибѣгать къ латинскимъ училищамъ или академіямъ въ Краковѣ или за границею. Многіе русины изъ дворянъ высылались для усовершенствованія въ наукахъ въ Краковъ, Прагу, гдѣ королева Ядвига учредила отдѣленіе для образованія молодыхъ литовцевъ. Скорина учился въ Виттенбергѣ, а Поссевинъ пишетъ, что въ оломутской семинаріи воспитываются тѣ, которые изъ русиновъ. (Suppl. ad. hist. doc. p. 39 Comment p. 1) Князь Курбскій еще въ половинѣ XVI вѣка выслалъ князя Михаила Оболенскаго въ Краковъ, а потомъ въ Италію для образованія въ наукахъ и филологіи. Но все это не удовлетворяло потребностямъ, науки расширялись и желаніе юношества образоваться возрастало все болѣе и болѣе. Князь Курбскій сознавалъ пользу ученія и называлъ чтеніе оружіемъ противъ еретиковъ; съ озлобленіемъ писалъ, что нѣкоторые невѣжды его времени смотрѣли на просвѣщеніе, какъ на

ересь, на чтеніе книгъ, какъ на путь къ развращенію и помѣшательству ума. «Какое несчастіе!» восклицалъ онъ въ предисловіи къ переводу Дамаскина:—«отнимаютъ оружіе, которымъ бы можно было обличати еретиковъ, а другихъ исправляти, и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ.» Сочинитель «Перестороги,» статьи, написанной львовскимъ священникомъ 1600—1603, находящейся въ архивѣ института Ставропигійскаго, повторяетъ жалобу на невѣжество народа. «И такъ то весьма много зашкодило панству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширяти и оныхъ не фундовано; бо кольми бы были науку мѣли, тогды бы заневѣдомостію своею не пришли до таковые погибели.» (См. Ак. зап. Рос. Т. IV, стр. 204).

Потребность собственныхъ училищъ становилась все чувствительнѣе. Къ тому присоединились еще нѣкоторыя обстоятельства Иновѣрцы (кальвины, аріане), какъ выше было сказано, съ большою ревностію заводили школы и типографіи и печатали различныя возмутительныя книжки, съ цѣлію не твердыхъ и не рѣшительныхъ въ вѣрѣ поколебать и посѣять свое лжеученіе въ сердцахъ вѣрныхъ христіанъ. Требовалось противопоставить школамъ еретиковъ свои собственныя, ихъ сочиненіямъ свои сочиненія, а для этого необходимы ученые, нужны школы. И такъ, главною цѣлію школы было распространеніе просвѣщенія въ русскомъ народѣ посредствомъ воспитанія и образованія значительнаго числа ученыхъ. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій уже въ 1580 г. учредилъ высшее училище въ своемъ наслѣдственномъ городѣ Острогѣ. Братство львовское, старшее изъ всѣхъ братствъ, учредило раньше другихъ свое училище. Патріархъ антіохійскій Іоакимъ далъ 1 января 1586 года уставъ братству и убѣдилъ завести школу, въ которой учили бы греческому и славянскому языкамъ, а 15 т. м. сдѣлалъ воззваніе къ панамъ и народу русскому, воззваніе о пособіи въ этомъ предпріятіи (подл. списокъ въ Арх. Ставроп. Акт. зап. Рос. Т. III). Въ тоже время прибылъ въ Львовъ отъ вселенскаго патріарха Іереміи димонтійскій и елассонскій митрополитъ Арсеній, исправлявшій два года должность учителя въ братской школѣ. Въ 1592 г. митрополитъ Михаилъ Рогоза, будучи лично въ Львовѣ и подтвердивши братство,

особымъ окружнымъ посланіемъ, призывалъ всякаго сана благочестивыхъ христіанъ къ приношеніямъ въ его пользу [1]).

---

[1]) Приводимъ цѣлое окружное посланіе митрополита въ примѣръ и образецъ тогдашняго языка и слога: „Михаилъ, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россія. Смиреніе наше, будучи намъ тѣлеснѣ здѣ во градѣ Львовѣ, посѣщающе расточенное стадо Христовыхъ овецъ, слышачи великое обстояніе и бѣды отвсюду съ держащая жители града того, и многое смущеніе отъ иновѣрныхъ и своихъ нерадивыхъ безчинныхъ пастырей: и мнозіи отъ вѣрныхъ въ различныхъ ересехъ погибоша, паче же отъ благороднѣйщихъ пановъ; благочестивіи же хранящe преданія святыя съборныя церкви нашея, граждане Львовскіе, зѣло нищи во всемъ обрѣтошася. И понеже церковъ ктиторска ихъ огнемъ погорѣвши Успеніе Пресвятыя Владычици нашея Богородици, и вся домы церковніи отъ огняжъ погорѣвши обнищаша; и ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же славянскаго Россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несовершенному Лядскому писанію, и сего ради въ различныя ереси внидоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка. Божіимъ же благословеніемъ прииде во градъ Львовъ Святѣйшій Киръ Іоакимъ, патріархъ Великія Антіохія Божія града и совѣтова устройти чинъ церковнаго братства, и школьную грамматическую науку еллинскаго и словенскаго писанія, при томъ же и друкарню; и о семъ возвести своимъ писаніемъ въ Константинъ градъ, ко вселенскому Патріарху. Онъ же вселенскій Патріархъ привелейнымъ писаніемъ своимъ вся сія укрѣпивши постановилъ, посемъ же и самъ пришествіемъ своимъ второе утвердилъ. Сего ради и смиреніе наше съборнымъ писаніемъ нашимъ съ всѣми епископы, братство, школу и друкарню во Львовѣ застановивши утвердили есмо во вѣчныя роды. И просимо всѣхъ васъ, идѣже аще обрѣтаетеся, всякаго сана, благочестивыхъ христіанъ сътворите подобающую милостыню отъ избытковъ имѣній вашихъ на сіи недостатки, общаго душевнаго ради спасенія вашего: понеже вси купно братство церковь знову заложили муровати и всѣ домы церковныи, шпи-

Эта школа была единственною во Львовѣ. Патріархъ поручилъ воспитаніе и образованіе самому братству дѣтей. Въ грамотѣ его 1590 года во второй статьѣ говорится: «Не быти другому училищу общему въ мѣстѣ Львовѣ, кромѣ единаго училища братскаго Успенія Пречистыя Богородицы и во ономъ только самомъ учити дѣтей, благочестивыхъ и православныхъ христіанъ Божественнаго и Священнаго Писанія, словенскаго же и елинскаго (языковъ). Аще же будетъ мѣти кто даскала только своихъ дѣтей будетъ ему волно учити, но не иныхъ. Также и всякій отъ священниковъ да учитъ единаго или двохъ дѣтей для послуги, но не болѣе ко уничиженію и перешкодѣ общей школѣ [1]). «Это постановленіе повторено было также соборомъ брестскимъ 1594 г. 24 іюня о школахъ братскихъ львовской и виленской, гдѣ эти школы, названныя «соборнѣйшими,» подчиняются одному митрополиту кіевскому. (Акты зап. Рос. Т. IV, стр. 69).

Ставропигіальная школа оказала тѣмъ большую услугу, чѣмъ меньше тогдашнее правительство заботилось о просвѣщеніи Руси; ибо въ продолженіи вѣковъ оно не пожертвовало ни одного гроша на содержаніе (православныхъ) училищъ, церквей, епископовъ, больницъ и проч.; всѣ эти богоугодныя заведенія содержались на иждивеніи русскаго народа. Училища въ тогдашней Польшѣ назначались преимущественно для шляхты; львовская же школа принимала любознательное юношество всякаго происхожденія; въ братскую школу принимали дѣтей раз-

---

таль, школу и друкарню, и домъ поповскій, споцѣваючися на милость Божію и на христіанское посполитое споможеніе: за што ко Господу Богу всегда общая молитва нашего смиренія да будетъ со всѣми вами. Писанъ въ лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1592 г., во Львовѣ, м. Генваря 20 дня. Михаилъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій рукою власною". *) Изъ Арх. Ставр. инст. См. Акт. зап. Рос. Т. IV, стр. 41. Д. Забр. Крит. истор. повѣсть о червоной галицк. Руси. М. 1845 г., стр. 421.

[1]) Соврем. переводъ съ греч. грамоты, которая хранится въ архивѣ ставропигіальномъ.

---

*) За нѣсколько лѣтъ до начала уніи.

наго сословія, *«убогихъ за прости Богъ, богатыхъ за разнымъ даткомъ,»* какъ выразился Гедеонъ епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій въ своей окружной грамотѣ въ 1586 году [1]). Дѣти *вписныхъ* братчиковъ и особенно сироты обучались даромъ на содержаніи братскомъ. Вообще патріархъ вмѣнялъ членамъ братства въ особенную обязанность подавать всевозможную помощь дѣтямъ бѣдныхъ, желающимъ учиться. Въ 4 статьи вышеприведенной грамоты патріарха Іереміи говорится: «Четвертое, да подаютъ частыя помощи въ потребу дѣтемъ хотящимъ учитися Священнаго Писанія инишимъ. Также подобаетъ и всѣмъ Христолюбивымъ и нищелюбивымъ христіанамъ помогати имъ отъ своего, яже имъ Богъ дарова любве ради Христовы во всѣхъ церквахъ.» Для обученія дѣтей братство содержало духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ людей (*даскаловъ*), способныхъ къ учительству и проповѣданію слова Божія. Львовскіе и посторонніе русскіе люди охотно отдавали дѣтей обученію и потому число учениковъ было значительно.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Подлинная грамота хранится въ Архивѣ Ставропигіальнаго института. См. Historyczne Badania D. Zubrickiego. Львовъ 1836 г. Стр. 61.

—

СПИСОКЪ

русскихъ и малороссійскихъ (?!?) книгъ, одобренныхъ комитетомъ грамотности для народныхъ учителей и школъ и для народнаго чтенія. Изданіе 2-е, измѣненное и значительно дополненное. Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 16 февраля 1864 года.

Переписавши, съ дипломатическою точностью, полное названіе этого чудовищнаго «*Списка*», недавно разосланнаго по всѣмъ училищамъ, и прочитавши нѣсколько разъ этотъ «*Списокъ*», мы не могли удержаться, чтобы съ горькимъ, тяжкимъ вздохомъ не повторить словъ великаго *учителя языковъ:* «предадѣ ихъ Богъ въ неискусенъ умъ — творити неподобная [1]). Въ русскомъ переводѣ, этотъ текстъ чатается такъ: «*Богъ предалъ ихъ превратному уму—дѣлать непотребства*».

Неужели комитетъ грамотности не читаетъ русскихъ газетъ и журналовъ, и вовсе не прислушивается къ общественному мнѣнію?.. Вѣдь и «Московскія Вѣдомости», и «День,» и «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», и «Русскій Вѣстникъ», и «Руководство для сельскихъ пастырей», давно уже доказали и общественное мнѣніе давно уже согласилось съ ихъ доказательствами, что *сочиненіе, печатаніе и распространеніе*

---

[1]) Римл. I. 28.

книжекъ на малороссійскомъ нарѣчіи, какъ и на всякомъ другомъ жаргонѣ, *есть величайшее непотребство*. Теперь уже ясно до очевидности и до осязаемости, что сепаративная затѣя возвести южнорусское, уніатско-украинское нарѣчіе на степень какого-то самостоятельнаго и отдѣльнаго «*малороссійскаго языка*» есть—одно изъ самыхъ крупнѣйшихъ *непотребствъ* нашего времени, открытое (какъ оно ни маскировалось «народолюбствомъ»), изобличенное и пораженное на всѣхъ пунктахъ. Не ужели комитетъ грамотности обо всемъ этомъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія? И наконецъ—изъ какихъ побужденій, для какой цѣли, разосланъ по училищамъ «*Списокъ малороссійскихъ книгъ*»? Въ *такъ-называемой* «Малороссіи», во всѣхъ приходскихъ и сельскихъ школахъ, обученіе и чтеніе производится на чистомъ обще-русскомъ и на церковно славянскомъ языкѣ; для кого же одобрилъ и рекомендуетъ комитетъ грамотности—«малороссійскія книги»?... Въ извиненіе этого *непотребства*, мы можемъ предполагать только одну, слѣдующую коммерческую причину: вѣроятно, комитетъ грамотности затратилъ значительную сумму денегъ на изданіе хохлацкихъ книгъ, и теперь, для выручки своихъ непотребныхъ расходовъ на этотъ совершенно—непотребный предметъ, разсылаетъ по училищамъ «*Списокъ*» этихъ книгъ, въ видѣ нѣкотораго косвеннаго приглашенія къ покупкѣ этого непотребнаго, залежавшагося товара. Такъ ли?—Но... ежелибъ у васъ въ лавкѣ залежался ядъ положимъ дорого заплаченный вами, неужели вы и для распространенія яда разослали бы «Списокъ», въ видѣ приглашенія къ покупкѣ яда, лишь бы выручить вамъ затраченную сумму?.. А комитетъ дѣлаетъ тоже самое, да еще къ объявленію о каждой одобренной имъ малороссійской книжкѣ прибавляетъ и особую рекомендацію, въ родѣ слѣдующей.

(Стран. 12). «*Граматка П. Кулиша*» «Обученіе «грамотѣ по старой методѣ; отдѣлъ для первоначальнаго чтенія «составленъ изъ свящ. исторіи, молитвъ, катихизиса и крат«кой *исторіи Украйны* (?!?)».

(Стран. 17). «*Проповѣди на украинскомъ языкѣ* «*протоіерея Василія Гречулевича*». «Въ этихъ пропов«дяхъ наставникъ пояснетъ христіанское ученіе примѣрами, «взятыми изъ быта своихъ слушателей».

(Стран. 23). »*Хмѣльнищина. Исторични оповидання* «*П. Кулиша*». «Въ общихъ чертахъ исторія Украйны съ «начала Руси, а во времена Хмельницкаго довольно подробно; «написана съ точки зрѣнія интересовъ *сельскаго населенія*». И т. п. и т. п.

Повторяемъ прежній вопросъ: неужели комитетъ грамотности досслѣ не знаетъ, что «*Граматка г. Кулиша*», «*передѣланныя*» имъ же г. Кулишомъ (самопроизвольно) «*Проповѣди Гречулевича*» и «*Хмѣльнищина*» его же г. Кулиша, уже *были подъ слѣдствіемъ и судомъ* критики, и безъ аппеляціи приговорены къ отверженію, какъ неблагонамѣренный и положительно-вредный продуктъ хохломаніи, бредящей сепаративными идеями?..

Изъ подробнаго и обстоятельнаго критическаго обсужденія «*Граматки П. Кулиша*» вотъ какой сдѣланъ окончательный выводъ и приговоръ: «мы, всѣ малороссіяне, искренно «любящіе наше прекрасное отечество—православную Россію и «нашъ богатый, сильный и прекрасный языкъ русскій, обязы«ваемся сказать по совѣсти, что малороссійская «Граматка»— «*самая вздорная затѣя и самая вредная нелѣпость* [1])».

О *проповѣдяхъ Гречулевича* («изданіе 2-е исправленное *и почти вновь написанное*») вотъ какой судъ изрекла критика: «отецъ протоіерей каменецъ-подольской епархіи на«писалъ и произносилъ эти проповѣди на малороссійскомъ на«рѣчіи по вымагательному требованію мѣстныхъ обстоятельствъ. «Чтобъ спасти своихъ прихожанъ отъ усвоенія ими польскаго «языка, онъ проповѣдывалъ на малороссійскомъ ихъ нарѣчіи «для того, что ежели они не умѣютъ еще говорить чисто по«русски, то изъ двухъ золъ (польскаго и малороссійскаго на«рѣчій) пусть, дескать, избираютъ меньшее зло, пусть гово«рятъ по-малороссійски, т. е. хоть на испорченномъ, но все«таки на *русскомъ* языкѣ, а не на польскомъ. Первое изда«ніе проповѣдей и было напечатано такъ, какъ оно вышло изъ «рукъ о. протоіерея. Торговля южнорусскимъ элементомъ прі«обрѣла право печатать эти проповѣди вторымъ изданіемъ и «(слушайте)! «*почти вновь написала ихъ*»; какъ сама при-

[1]) См. О зараждающейся, такъ называемой малороссійской литературѣ. Кіевъ, 1863 года.

«знается въ объявлении о продажѣ ихъ! свѣтскій, торговый «человѣкъ передѣлываетъ, «*почти вновь пишетъ*» малорос«сійскія проповѣди, оставляя на нихъ только имя прежняго «сочинителя.... для чего это? по какому праву? для какихъ видовъ [1])»??

«*Хмѣльнищина П. Кулиша*» была подробно разобрана и осуждена въ фельетонѣ Кіевскаго Телеграфа (№№ 27. 28 и 29 прошлаго 1863 года). Тамъ ясно и очевидно показано преднамѣренное неуваженіе сочинителя къ особамъ владѣтельнаго дома древней Россіи, которыхъ онъ иначе не называетъ, какъ только «*князьками*». По его мнѣнію (стран. 12 и 3) татарское иго было тяжко только *князькамъ* русскимъ да монастырямъ, а народъ сельскій тогда *отдыхалъ*. Подвиги и мученическая смерть малороссійскихъ гетмановъ *Наливайка*, *Павлюка* и *Остряницы* (стран. 37, 39, 41, 42 и проч.) унижены, съ очевиднымъ умысломъ навести читателей на ту мысль, что право, дескать, напрасно козаки освободили Малороссію отъ польскаго владычества. Понятіе о «*церковныхъ братствахъ*» (стран. 47 48) низведено до понятія своевольства. О неистовствахъ уніи и о великомъ дѣлѣ освобожденія Малороссіи Хмѣльницкимъ г. Кулишъ такъ несправедливо и пристрастно написалъ въ своей «Хмѣльнищинѣ», что критикъ принужденъ былъ печатно сказать г–ну Кулишу слѣдующія слова: «если бы вы, г. Кулишъ, не были извѣстны, какъ нашъ соотечественникъ, родомъ изъ черниговской губерніи, и православнаго исповѣданія, то всякій читатель могъ подумать, что ваша «*Хмѣльнищина*» написана какимъ нибудь завзятымъ и прехитрымъ «егомосцью». Главная тенденція «*Хмѣльнищины*« г. Кулиша та (стран. 105). что «*подъ солнцемъ нѣтъ* «*другой Рѣчи Посполитой, и нигдѣ такой воли коза*«*ки не могутъ уже пріобрѣсть*».

Невольно рождается вопросъ: для чего комитетъ грамотности *одобряетъ* и *распространяетъ* къ народѣ *такія* книги?... Неужели *по недоразумѣнію?*.. Въ такомъ случаѣ, нынѣшній комитетъ грамотности, не *какъ идея*, но такъ *какъ онъ есть* (in se, ab se, propter se) долженъ быть названъ величайшимъ «*непотребствомъ*».

Малороссіянинъ.

---

[1]) См. тамъ же.

ГОЛОСЪ РУССКАГО.

Отвѣтъ «ксендзу-русину» на его брошюру подъ заглавіемъ: Słowo lwowskie i stanowisko tegoż odnośne do narodu ruskiego i do dzisiejszego powstania polskiego. Lwow. Nakładem T. Nowakowskiego. 1863. Z drukarni E. Winiarza.

Въ этой брошюрѣ всего загадочнѣе имя сочинителя ея: «*ксендзъ-русинъ.*» Уніатскій ли это ксендзъ, или католическій? Теперь въ Галиціи двѣ народности, польская и русская, находятся въ такомъ *помѣшательствѣ*, что не удивительно, ежели кто нибудь изъ русскихъ тамошнихъ пойдетъ даже въ католическіе ксендзы. Какъ бы тамъ ни было, но ежели ксендзъ, авторъ этой брошюры, дѣйствительно «*русинъ*» и вошелъ въ переписку съ *русскою газетой* (Слово Львовское), то естественно было желать, чтобъ онъ, какъ русскій съ русскимъ, велъ свою переписку на русскомъ языкѣ, а не на польскомъ. Допустимъ однако, что онъ хотя и русинъ по своему происхожденію, но, благодаря своему воспитанію, уже не умѣетъ писать по русски,—все же онъ, какъ русскій, долженъ писать не *противъ*, а *за* своихъ соплеменниковъ-русиновъ, и не противъ русской газеты, но въ защиту ея. Но—вся брошюра ксендза есть не что иное, какъ страстная, фанатическая апологія польскаго бунта противъ законнаго русскаго правительства—до такой степени фанатическая, что ксендзъ даже пренаивно упрекаетъ «Львовское Слово» (стран. 10), зачѣмъ оно «шайки и ватаги» польскихъ бунтовщиковъ называетъ не отрядами (oddziałami), но именно *шайками* и *ватагами*. Допустимъ даже и то, что ксендзъ-русинъ такъ уже ополячился,

что не можетъ не сочувствовать полякамъ, но онъ все таки ксендзъ, т. е. священникъ—служитель истины! А «ксендзъ-русинъ» въ своей брошюрѣ такъ безбожно лжетъ, какъ могъ бы лгать только тотъ, о комъ самъ ксендзъ такъ отозвался (стран. 8): diabeł niczego się tak nie lęka, i nic go tak nie gniewa, jak prawda, bo jakżeby mógł kłamać.

Взявши себѣ за образецъ этого родоначальника лжи, «ксендзъ-русинъ» лжетъ на пропалую, чему и доказательства мы представимъ изъ его же собственныхъ словъ! Но прежде доказательствъ, утвердимся въ томъ убѣжденіи, что сочинитель брошюры, хотя подписался русскимъ священникомъ, но онъ вовсе не русскій, т. е. не православный и не уніатскій священникъ, и даже вовсе не священникъ, но.... просто—*польскій ксендзъ*. Кто читаетъ теперь газеты (на всѣхъ возможныхъ языкахъ, со всѣми возможными разностями и оттѣнками національныхъ симпатій), тотъ знаетъ, что нынѣшній польскій мятежъ противъ законнаго русскаго правительства и затѣянъ и возбужденъ и поддерживаемъ былъ польско-католическими ксендзами,—да и самъ «ксендзъ-русинъ» признался въ томъ, говоря, (стран. 23) что «нынѣшняя борьба «Польши съ Москвою есть преимущественно «борьба религіозная» (walka Polski z Moskwą jest per excellentiam walką religijną). Въ переводѣ на общечеловѣческій здравый смыслъ эти слова значатъ вотъ что: папежство, находясь теперь при послѣднемъ издыханіи, продолжаетъ предсмертными конвульсіями обнаруживать свою смертельную вражду къ православію, и завѣщало польскимъ ксендзамъ взбунтовать католическую Польшу противъ православной Россіи. Не такъ ли, г. ксендзъ? признайтесь, что такъ.

Извѣстно всему читающему міру, что польскіе ксендзы, даже при совершеніи великой безкровной жертвы, умиротворившей небо съ землею, произносили съ священной каѳедры возмутительныя проповѣди, пѣли революціонные гимны, и призывали и благословляли своихъ христіанъ къ бунту противъ правительства; извѣстно, что они въ костелахъ дѣлали складъ мятежническаго оружія, а въ подвалахъ нѣкоторыхъ костеловъ устроивали кузницы для ковки такого оружія; извѣстно всѣмъ и каждому, что многіе ксендзы, съ револьверомъ и съ крестомъ въ рукахъ (какое сочетаніе!!...), сами предводительство-

вали шайками мятежниковъ, нѣкоторые попали въ плѣнъ, были судимы и разстрѣляны; извѣстно, что ксендзы участвовали въ составленіи «золотыхъ грамотъ» для поощренія черни къ бунту, а для ободренія унывавшихъ повстанцевъ сочиняли реляціи о небывалыхъ побѣдахъ поляковъ надъ русскимъ войскомъ, наложили церковный трауръ на поляковъ, однимъ словомъ: польскіе ксендзы лгали, кощунствовали, богохульствовали, разбойничали и душегубствовали такъ ужасно, что многіе польскіе католики, особенно изъ простаго народа, боятся уже признавать ихъ своими священниками и бѣгутъ къ православнымъ священникамъ, а тѣ добросовѣстные и честные польскіе ксендзы (число ихъ неизвѣстно), которые не участвовали въ мятежѣ, видя теперь, какъ ихъ братья опозорили имя ксендза, уже стыдятся называться ксендзами.

Кто жъ этотъ «ксендзъ-русинъ,» который не только не устыдился подписаться «ксендзомъ,» но еще къ этому, такъ легкомысленно самими же ксендзами опозоренному имени присоединилъ и достопочтенное имя «русина?»

Будь онъ себѣ, кто хочетъ; но такъ немилосердно лгать, какъ лжетъ ксендзовская брошюра, грѣшно всякому человѣку, даже язычнику, а тѣмъ уже болѣе христіанскому священнику. Вотъ послушаемъ (стран. 1): «Пусть каждый, одаренный здра-«вымъ разсудкомъ, отвѣчаетъ, есть ли какой-либо способъ «разлучить русиновъ отъ поляковъ, чтобы все то, что они «доселѣ вмѣстѣ выработали, уничтожить, забыть, и чтобы они «дальше уже особо для себя работали? Неужели соединеніе «того и другаго народа, такое счастливое и самимъ Провидѣні-«емъ въ продолженіи 5 вѣковъ устроенное не обязано обни-«мать общей работы ихъ, какъ прежней такъ и нынѣшней?..» На вопросы «ксендза-русина» мы отвѣчаемъ также вопросами: кто это выдумалъ извѣстную польскую аксіому: «*якъ святъ святемъ, нигды полякъ не былъ русину братемъ?*» Кто, въ продолженіе пятивѣковаго страданія Руси подъ польскимъ игомъ, выработалъ для русиновъ постыдныя названія «*хлопа, схизматика, быдла, псья кревъ, пся вяра?...*» И послѣ этого, вы не стыдитесь говорить о тѣсномъ соединеніи русиновъ съ поляками?!! И вы даже надѣетесь, что русины могутъ когда-нибудь полюбить своихъ исконныхъ враговъ—поляковъ?!!! Надѣйтесь!

(Стран. 2). Ксендзъ-русинъ, назвавши русскую вѣру «схизмою,» упрекаетъ «Львовское Слово,» будто оно хотѣло увѣрить своихъ читателей, что «папа—царь россійскій, съ святѣйшимъ «синодомъ петербургскимъ, были бы лучшимъ главой церкви, «нежели римскій папа.» Не можетъ быть, чтобъ издатели «Львовскаго Слова» могли называть всероссійскаго императора папою. Даже не бывши ксендзомъ, всякій просвѣщенный человѣкъ давно уже знаетъ, что православная церковь имѣетъ и признаетъ одного только Главу—Господа и Бога нашего Іисуса Христа, а православный императоръ есть только первый сынъ православной церкви и первый защитникъ ея. Стыдно ксендзу не знать этого. (Стран. 3, 4). «Малороссіяне по тѣмъ причинамъ, «которыя показываетъ Лѣтопись Нестора и Исторія Карамзина, «единствомъ своего происхожденія. потомъ пятивѣковою своей «исторіей, подобіемъ языка, кровными связями, и напослѣдокъ «единствомъ вѣры, независимо отъ разности обрядовъ, суть «ближе къ полякамъ, нежели къ москалямъ.» Опять ложь на цѣлый народъ, да сверхъ того и на преподобнаго Нестора и на Карамзина! Что мы всѣ, и русскіе, и малороссіяне, и великороссіяне, и бѣлоруссы, и поляки, и чехи, и болгаре, и сербы, и боснійцы, и прочія отрасли славянскаго племени, происходимъ отъ славянъ, это, кажется, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Что всѣ наши языки, происходя отъ общаго славянскаго, имѣютъ между собою подобіе, и въ этомъ никто не сомнѣвается, хотя поляки, къ стыду своему, отреклись отъ славянскаго алфавита и приняли несвойственный своему языку латинскій алфавитъ. Но—доказывать, будто мало*россіяне*, по происхожденію и по языку, ближе къ полякамъ, нежели къ велико*россіянамъ*, т. е. *россіяне* больше похожи на поляковъ, нежели на *россіянъ*—это такая отличная лингвистическая, этнографическая, историческая, и даже юмористическая нелѣпость, что за изобрѣтеніе ея мы готовы назначить премію «ксендзу-русину». Что же касается яко бы допятивѣковаго единства исторіи польской съ исторіей малой Россіи, то—мы, малороссіяне, очень хорошо знаемъ эту исторію, забрызганную слезами и кровью нашихъ предковъ! Это «соединеніе» двухъ исторій началось съ ренегатства Ягеллы (Іакова), при возшествіи его на польскій престолъ. Польскіе ксендзы перекрестили его *въ свою вѣру* съ именемъ Владислава, и тотчасъ же за-

ставили его перекрещивать въ католичество православныхъ подданныхъ в. русско-литовскаго княжества. Началось, какъ видите, ренегатствомъ, а окончилось возвращеніемъ русиновъ (за исключеніемъ Галиціи) къ общему отечеству—Россіи и къ общей матери—православной церкви. Между этимъ началомъ и концомъ (1387—1772) заключается 386 лѣтъ (а не 5 вѣковъ!) страданій, которыя терпѣли русины (т. е. малороссіяне) отъ пропаганды польско-католической, хотѣвшей ополячить и окатоличить ихъ. Не хвалиться этою исторіей, но краснѣть отъ нея должны поляки. Весь секретъ историческій состоялъ въ томъ, что Польша, чувствуя себя слабою и не способною, безъ сторонней поддержки, составлять особое государство, а желая быть хоть чѣмъ нибудь похожимъ на королевство, или на республику, или вмѣстѣ на то и другое (рѣчь посполитая), старалась усилить и расширить себя внѣшними присоединеніями, и успѣла было присоединить къ себѣ великое русско-литовское княжество. Чтобъ стѣлѣсить литовскую Русь съ Польшею въ одно политическое тѣло, ужъ чего не дѣлали поляки? И унію выдумали было, и колонизировали Русь своею шляхтою,—ничто не помогаетъ! Русь всегда тянула къ Руси, тѣмъ болѣе что поляки не умѣли приласкать ее къ себѣ (*какъ теперь вздумали приласкивать*), и угнѣтали ее. Гоненіе за православную вѣру было причиною козацкихъ войнъ, которыя до тла расшатали Польшу. Когда это несчастное королевство-республика пало и нѣмцы-сосѣди разобрали себѣ развалины падшаго зданія, Русь, натурально, не пошла къ нѣмцамъ, но родственно-дѣтскимъ образомъ бросилась въ объятія матери своей—Россіи. Вся, такъ называемая «пятивѣковая исторія» соединенія русиновъ съ поляками говоритъ не въ пользу поляковъ, но во вредъ имъ. Неужели «ксендзъ-русинъ не знаетъ этой исторіи? Стыдно.

Наконецъ, по мнѣнію «ксендза-русина,» и *единствомъ вѣры, независимо отъ разности обрядовъ, русины ближе къ полякамъ, нежели къ москалямъ*. Ежели, говоря о русинахъ, «ксендзъ-русинъ» подъ именемъ «*вѣры*» разумѣетъ греко-уніатское исповѣданіе, то, говоря не шутя, *единство уніатской церкви съ р. католическою*—неужели состоитъ въ томъ, что у уніатовъ богослуженіе совершается на понятномъ *славянскомъ языкѣ*, а у поляковъ-католиковъ на

непонятномъ *латинскомъ*? Неужели единство этихъ двухъ церквей состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ держится *римскихъ* обрядовъ и уставовъ, а другая—*грековосточныхъ*, одна изъ нихъ есть *латинская*, а другая *славянская* церковь?... Очевидно, что это заявляемое ксендзомъ-русиномъ «единство» совершенно похоже на *единство латинскаго языка съ русскимъ*!...

Что касается до авторитета преподобнаго Нестора и Карамзина, на которыхъ ссылается ксендзъ-русинъ, то мы, призывая во свидѣтельство всѣхъ русскихъ умѣющихъ читать, утверждаемъ, что ни у Нестора, ни у Карамзина нѣтъ ни одного слова о томъ, будто малороссіяне ближе къ полякамъ, нежели къ великороссіянамъ, по своему происхожденію, по своей исторіи, по языку и по вѣрѣ.

(Стран. 6, 7). Ксендзъ-русинъ ужасно сердится на одну статью изъ газеты «День,» перепечатанную въ «Львовскомъ Словѣ» и вотъ какъ *опровергаетъ* ее: «ошибся авторъ, говоря, что Россія представляетъ типъ чисто славянскій; напротивъ того, она представляетъ гнилость и заразу византійскую, а типъ ея совершенно монголо-татарскій, покрытый «только наружною одеждою славянщины. Ошибся авторъ, сказавшій, что Москва и Русь одно и тоже,—онѣ такъ различны, одна отъ другой, какъ черное отъ бѣлаго (*вѣдь, «кажется, довольно доказательно? Какихъ еще болѣе «доказательствъ*?). Ошибся авторъ также и въ томъ, будто «польскіе шляхтичи суть гости на Руси.—напротивъ того, «они тамъ аборигены; *они только усвоили себѣ образо«ваннѣйшій языкъ польскій и приняли обрядъ латин«скій, тогда какъ простой народъ остался при своемъ «матернемъ языкѣ и при старославянскомъ обрядѣ.* «Пришлецы на Руси москали!» Если бы слѣпой человѣкъ доказывалъ, что снѣгъ черенъ, а сажа бѣла, то для разубѣжденія его въ такомъ ложномъ его мнѣніи надобно развѣ пожелать, чтобъ слѣпецъ прозрѣлъ и самъ наглядно увѣрился въ своемъ заблужденіи иначе,—не убѣдить его. Такой точно и «ксендзъ-русинъ:» ежели для него затруднительно путешествіе по всей обширной Россіи для нагляднаго убѣжденія въ славянорусскомъ типѣ великороссіянъ, то пусть бы онъ потрудился пріѣхать только въ Кіевъ: здѣсь онъ увидѣлъ бы богомоль-

цовъ, приходящихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Пускай ксендзъ всмотрится въ эти славянскія лица, пускай поговоритъ съ этими людьми, пускай наслушается этой чистой славяно-русской рѣчи, тогда онъ, если только у него есть совѣсть, непремѣнно скажетъ: mea culpa, mea culpa! я совершенно не зналъ этихъ людей, и въ моемъ польскомъ заблужденіи называлъ *славянъ монголами*! Полякамъ досадно, что существуетъ на свѣтѣ эта огромная русская Имперія. Если бы можно было *доказать, что она не существуетъ*, поляки съ большою охотою доказывали бы это; но какъ этого нельзя сдѣлать, то поляки, въ утѣшеніе свое, выдумали слѣдующія двѣ нелѣпости: 1). Россійская Имперія—вовсе не россійская и не русская, но *московская* (какъ будто съ перемѣною названія должны перемѣниться и люди); 2). Эти россіяне, или бишь *москали*—вовсе не русскіе, но монголо-татары, и *Москва вовсе не Русь*, и московскій языкъ вовсе не русскій языкъ, но какой-то монголо-татарскій, и вѣра московская вовсе не русская, но какая-то византійская, которую ксендзъ-русинъ въ своей слѣпотѣ даже осмѣлился назвать (стран. 21) *фальшивою*.... Все это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ нестерпимо глупо. Ну, что ты сдѣлаешь съ слѣпцомъ, который не хочетъ прозрѣть, но гораздо благонадежнѣе и пріятнѣе для себя почитаетъ называть снѣгъ чернымъ, а сажу бѣлою? Sinere vadere illum, ut vadat! Утѣшайтесь, г. ксендзъ, вашей слѣпотою.

Подъ именемъ *Руси*, ксендзъ, вмѣстѣ со всѣми поляками, признаетъ только *Малороссію*. Но ежели есть *малая* Россія, то вѣроятно есть гдѣ нибудь и *великая*,—такъ ли? Позвольте же, шановны панове, *Москвѣ* называться *Великороссіей*, и намъ-москалямъ позвольте пожалуста быть и называться *великороссіянами!* Или вы, гг. поляки, соскучивши давно безъ выбора польскаго короля, намѣрены открыть кандидатуру для выбора кого нибудь въ *великороссіяне?* Кого же вы назовете великороссіянами? неужели остзейскихъ нѣмцовъ? или, можетъ быть, кавказскихъ черкесовъ?.. Нѣтъ, не совѣтую! Ужъ такъ тому и быть,—пускай себѣ эти *негодные москали* остаются великороссіянами! Пускай ихъ!

По мнѣнію ксендза, польскіе шляхтичи не гости въ Малороссіи, но аборигены,—*они только отреклись отъ своего отечественнаго языка и отъ своей праотеческой*

вѣры, только изъ русскихъ-православныхъ сдѣлались поляками-католиками,—*только!* Ежели они здѣсь такіе *аборигены*, то къ этому титулу прибавьте еще и этотъ: «*ренегаты своей религіи, своего языка и своего народа, ренегаты самые презрѣнные*....» А если бы москали были въ Малороссіи даже пришельцами, то и въ такомъ случаѣ они всегда—дорогіе гости здѣсь, единокровные, единоплеменные, единовѣрные и единоязычные братья малороссіянъ. Спрашивается, кто лучше: тѣ ли аборигены, или эти гости?...

На 8-й страницѣ брошюры ксендзовской собрано столько лжи, что надобно удивляться досужеству сочинителя въ изобрѣтеніи ея. Напримѣръ: a) «Правительство русское макіаве«лизмомъ и насиліемъ въ 1839 году въ *забранныхъ краяхъ* «уничтожило унію и завело схизму,» b). «Но ложь, будто «языкъ истинно-русскій болѣе похожъ на россійскій, нежели «на польскій языкъ (*эту достопамятную фразу ксендза надобно сохранить для потомства; она въ подлинникѣ напечатана такъ:* «ale falsz jest aby mowa prawdziwie ruska «więcej była podobną do rosyjskiej niż do polskiej:» (вотъ какіе бываютъ выродки ксендзовской логики!) c). «Правительство «московское чрезъ свои органы выдаетъ фальшивыя извѣстія о «дѣйствіяхъ польскихъ повстанцевъ, и приказываетъ такія из«вѣстія читать по церквамъ, представляя себя защитникомъ и «опекуномъ обиженнаго народа, оно велитъ собирать хлоповъ «и вести ихъ предъ войскомъ противъ повстанцевъ.»—Отвѣчаемъ и мы по пунктамъ: a). Напрасно поляки называютъ западно*русскія* и бѣло*русскія* губерніи «*забраннымъ краемъ*:» такое названіе—чистый макіавелизмъ, который, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ правъ Польши на этотъ край, выдумываетъ по крайней мѣрѣ номинальныя, титулярныя, фантастическія права. Этотъ *край* есть древняя часть Россіи, принадлежавшая владѣтельному дому Рюрика и преемственно отъ него дому равноапостольнаго Владиміра. Послѣ татарскаго погрома, этимъ краемъ завладѣли литовскіе князья, и этотъ *русскій край*, по имени новаго владѣтельнаго дома, началъ, въ тогдашней дипломатіи, называться *Литвою*, не переставая въ сущности своей быть *Русью*. Поляки, посредствомъ макіавелизма, хотя съ большими усиліями, нѣсколько разъ присоединяли этотъ край къ Польшѣ и мастерски старались ополячить и окатоличить

этотъ русскій край. Хотя тамошнее русское дворянство, къ сожалѣнію, не устояло противъ такого макіавелизма и ополячилось, хотя и для ополяченія простаго народа была придумана церковная унія, но простой народъ прорвался сквозь разставленныя для него силки, выбился изъ подъ польской власти. (Припомните козацкія войны и безсмертнаго Хмѣльницкаго). Потомъ, когда Польша отъ своего распутства дошла до *невозможности жить*, и скончалась (finis Poloniae!), то и остальная Русь, стенавшая въ ея когтяхъ, возвратилась къ своему древнему отечеству, къ Россіи. Кто жъ тутъ у кого *забиралъ*, или *забралъ?*... Этотъ русскій край надобно называть «*возвращенным*ъ,» «*возвратившимся*» къ Россіи, а не «*забраннымъ*.» Поправьте, г. ксендзъ, вашу логику и грамматику. «*Уничтоженіе уніи въ 1839 году*» также, по здравому смыслу самаго событія, есть не что иное, какъ *возвращеніе совращенныхъ большею частью насиліемъ въ унію людей къ древнему праотеческому ихъ православію*: развѣ ксендзъ-русинъ не знаетъ этого?! Вѣдь что такое ваша *унія? Русское православіе, навращенное макіавелизмомъ поляковъ къ соединенію съ католичествомъ!* Скорѣе вы докажете, что на свѣтѣ вовсе нѣтъ логики, что всѣ жители земнаго шара одурѣли изъ угожденія полякамъ, нежели опровергнете это справедливое *опредѣленіе уніи*. Унія есть схизма (*отдѣленіе*) отъ православной церкви; а православіе, отъ времени перваго іерусалимскаго епископа св. апостола Іакова и отъ времени послѣдовавшихъ потомъ семи вселенскихъ соборовъ, утвердившихъ православіе, какъ стояло, такъ и теперь стоитъ твердо на камени вѣры. Отъ него отдѣлялись другія церкви, какъ-то: армянская, коптская, римская, уніатская и т. п., а оно стоитъ, какъ издревле стояло. Къ нему *возвращаются* уніаты, отторгнутые іезуитскимъ макіавелизмомъ поляковъ; дай Богъ, чтобы и вы, «ксендзъ-русинъ,» возвратились къ православію, если бы только вы заслуживали этой милости Божіей.

b). Что русскій языкъ, по мнѣнію «ксендза-русина,» ближе къ польскому, нежели къ россійскому языку,—это такая нелѣпость, которая не требуетъ и не достойна опроверженія, равно какъ не можно опровергать и тотъ общеизвѣстный силлогизмъ изъ ксендзовской логики: «*палка стоитъ въ углу,*—

слѣдовательно дождь идетъ.» Отличайтесь, г. ксендзъ, отличайтесь подобною логикой,—безсмертіе заслужите.

с). По мнѣнію ксендза, все—фальшъ! И побѣды русскаго войска надъ польскими мятежниками—фальшъ, и всѣ изувѣрства этихъ мятежниковъ—фальшъ! И то, что поляки обворовали въ Варшавѣ государственное казначейство, и что они разбойничали по дорогамъ, грабя почты и проѣзжающихъ,—фальшъ! И жандармы вѣшатели—фальшъ! И трусость мятежниковъ предъ русскими козаками, доставившая полякамъ въ исторіи новое имя *уцѣконеровъ* (отъ *уцѣкаць до лясу*)—фальшъ! И русскіе мужички (*хлопы*), даже русскія бабы, ловившія уцѣконеровъ по лѣсамъ, и на веревкѣ приводившія ихъ къ военному начальству—фальшъ! Всю эту фальшъ, по мнѣнію ксендза, выдумало русское правительство; а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не такъ было. Вотъ какъ было, по желанію ксендза: повстанцы вездѣ торжествовали надъ москалями и прогнали ихъ за Днѣпръ! Развѣ вы не видите,—вотъ уже опять составилась знаменитая *Рѣчь Посполитая*; скоро будетъ «избирательный сеимъ;» вѣроятно, и «ксендзъ-русинъ» поѣдетъ въ Варшаву выбирать короля.... Вотъ какими иллюзіями тѣшится ксендзъ-добродзѣй. Утѣшайтесь, батюшка, утѣшайтесь!—Въ такомъ состояніи вашемъ, съ вами спорить не возможно.

(Стран. 10, 11). «Ксендзъ-русинъ» имѣетъ геройскую смѣлость утверждать, что «поляки русинамъ никогда не дѣлали «никакого зла да и сдѣлать не могли» и что ежели «Львовское Слово» печатало извѣстія, что «повстанцы польскіе грабятъ «хлоповъ и жгутъ села, то это—ложь!» Такая же ложь, по мнѣнію ксендза, и въ тѣхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, что «въ «старые годы польская шляхта даже церкви русскія отдавала «жидамъ въ аренду, такъ что нельзя было ни крестить, ни по«гребать, не заплативши напередъ жиду.» Все это, по мнѣнію ксендза, ложь! А знаете ли, почему? Потому—отвѣчаетъ ксендзъ—что если бы это была правда, то это видимымъ образомъ отразилось бы въ литературѣ польской (toby się najwidoczniej w literaturze polskiej odbiło). Только этого доказательства и не доставало! И какая, въ самомъ дѣлѣ, неисправная литература польская! Обо всемъ записала, а объ изувѣрствѣ поляковъ надъ *хлопами*, надъ этимъ *быдломъ*, надъ этою *псьей вѣрой* и *псьей кровью* ничего не записала! Полно, такъ ли?..

Хотя для польской литературы весьма не ловко было выставлять поляковъ на судъ потомства, какъ изверговъ человѣчества, терзавшихъ беззащитную *Русь*, но не смотря на всю осторожность этой литературы записывать всѣ эти изувѣрства, въ ней много есть кровавыхъ страницъ о мученіяхъ, претерпѣнныхъ русинами отъ поляковъ.... Неужели вы, г. ксендзъ, не читали этихъ страницъ? Угодно ли, чтобъ я указалъ ихъ вамъ?... Отвѣчайте! Стыдно и грѣшно будетъ вамъ повторять слова, обыкновенныя въ устахъ уличенныхъ преступниковъ: «*знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.*» Пожалуй, вы, подобно такимъ *артистамъ*, готовы еще будете сказаться «*непомнящимъ ни своего родства, ни своего имени и фамиліи.*»

(Стран. 12, 13). Не утерпѣлъ ксендзъ! Ужъ какъ ни крѣпился, какъ ни прикидывался «*русиномъ,*» но все-таки прорвался и явился въ настоящемъ своемъ видѣ—«*іезуитомъ,*» для котораго *всѣ средства хороши*, лишь бы достигнуть цѣли! Упрекая «Львовское Слово» за слова его, что «*простой народъ не хочетъ знать ни Польши, ни поляковъ,*» ксендзъ продолжаетъ такъ: «тоже самое говоритъ Му-«равьевъ въ Литвѣ и всѣ генералы русскіе, управляющіе въ «конгрессовой Польшѣ и въ забранныхъ краяхъ, и Горчаковъ «тоже самое говорилъ предъ Европою. Но что значитъ темный «народъ, подстрѣкаемый религіозными и политическими фари-«сеями, о томъ даетъ намъ свѣдѣніе исторія Христа.» И началъ ксендзъ самымъ кощунственнымъ іезуитскимъ образомъ проводить параллель между древнимъ народомъ іудейскимъ, который, подъ вліяніемъ фарисеевъ, осудилъ Господа Іисуса Христа на смерть, и между польскимъ простонародьемъ, которое, состоя подъ управленіемъ русскихъ генераловъ, будто насильно показываетъ свою приверженность къ русскому правительству и будто насильно отвращается отъ мятежной шляхты и отъ своихъ крамольныхъ ксендзовъ. Относясь къ русскимъ генераламъ, командующимъ въ Польшѣ, ксендзъ восклицаетъ: «фарисеи никогда не вымираютъ!» А мы, въ свою очередь, не можемъ не сказать ему такъ: іезуиты никогда не вымираютъ въ Польшѣ! Самъ Игнатій Лойіола воскресъ въ «ксендзѣ-русинѣ!»

(Стран. 14, 15). Ксендзъ продолжаетъ іезуитствовать слѣдующими сладенькими словами: «Польша, Литва и Русь,

«не насиліемъ, но добровольно соединились между собою. И «чтожъ тутъ удивительнаго, ежели онѣ, въ продолженіе столь «долгихъ вѣковъ, такъ тѣсно слились во-едино?...» «Нигдѣ «не было такой толеранціи различныхъ вѣроисповѣданій, какъ «въ давней Польшѣ: это фактъ, противъ котораго даже нѣмцы «не могутъ ничего сказать.» Что Польша, будучи малосильнымъ, малолюднымъ и ненадежнымъ государствомъ, всегда сама желала и искала соединенія съ литовскою Русью, это давно уже извѣстно изъ исторіи [1]). Но чтобы литовская Русь добровольно соединилась съ Польшею, объ этомъ нѣтъ ни одного слова въ исторіи, какъ ни стараются передѣлать ее польскіе артисты въ ложь. Такъ называемое ксендзомъ «*добровольное соединеніе*» началось, какъ выше сказано, съ Ягеллы; но вскорѣ затѣмъ Русь литовская *добровольно* не захотѣла этого соединенія, и призвала на свой престолъ ***Витолда***. Напрасно поляки, въ 1445 году, избрали своимъ королемъ опять литовско-русскаго князя, ***Казимира***, въ видахъ присоединенія къ себѣ русско-литовскаго княжества; напрасно по смерти Казимира, они избрали своимъ королемъ опять литовскаго князя, ***Александра***, и опять съ тою же надеждою прибрать въ свои руки литовскую Русь: плодомъ такого «добровольнаго соединенія» было то, что города Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ, Рыльскъ, и наконецъ Смоленскъ, съ своими князьями, боярами и всѣми жителями, *добровольно* отложились отъ Польши и поддались московскому государю. Неужели «ксендзъ-русинъ» не знаетъ ничего этого?... Наконецъ, насилу чрезъ 183 года послѣ Ягеллы, при Сигизмундѣ-Августѣ, совершился въ Люблинѣ, въ 1569 году, письменный, макіавельски-іезуитскій актъ quasi «добровольнаго соединенія» русско-литовскаго края съ Польшею, и тотчасъ началось дѣятельное ополячиванье православныхъ-русскихъ жителей этого края, которое вызвало ***козацкія войны***; а слѣдствіемъ этихъ войнъ было ***добровольное*** отпаденіе Малороссіи отъ Польши и присоединеніе къ Россіи. Неужели вы, г. ксендзъ, ничего этого не знаете?... А о мученической смерти защитниковъ русскаго православія и русской

---

[1]) См. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, февраль 1863. Статья „О соединеніи Польши съ Россіей“.

народности, *Косинскаго*, *Наливайки* съ товарищами, *Павлюка*, *Остряницы* и многихъ другихъ страдальцевъ русскихъ, вы также ничего не знаете?! Вѣроятно, и о томъ ничего не знаете, что ваша любезная Польша достойно погибла въ наказаніе за свое фанатическое преслѣдованіе «*диссидентовъ*,» преимущественно православныхъ христіанъ?!? И вы имѣете безстыдство утверждать, что *нигдѣ не было такой религіозной толеранціи, какъ въ давней Польшѣ???* Вотъ что значитъ—имѣть крѣпкій лобъ и умѣть безбоязненно говорить противъ очевидной истины! Необыкновенное искусство! Поздравляемъ васъ, г. ксендзъ,—вы во всякой революціи можете составить себѣ блестящую карьеру.

Съ омерзѣніемъ пропускаемъ слѣдующій затѣмъ въ брошюрѣ «ксендза-русина» наборъ самой цинической, самой грязной лжи о лицахъ, составляющихъ украшеніе не только россійской, но и всемірной исторіи. Пусть эта ложь остается чернымъ пятномъ на іерейской совѣсти ксендза, ежели онъ дѣйствительно какой-нибудь ксендзъ, а не самозванецъ. Свою грязную ложь ксендзъ оканчиваетъ такъ: (Стран. 17) «такимъ «образомъ—говоритъ онъ—простой народъ, сравнивая исторію «пятивѣковаго господства Польши надъ Русью со многими дру«гими исторіями, легко самъ сдѣлаетъ приговоръ, съ кѣмъ онъ «хочетъ или не хочетъ жить на дальнѣйшее продолженіе исто«ріи.» И прекрасно! Въ самомъ дѣлѣ, спросите простой народъ кіевской, волынской, подольской, люблинской, августовской губерніи, и всѣхъ бѣлорусскихъ губерній: подъ какимъ правленіемъ ему лучше жить, подъ польскимъ или подъ русскимъ? При этомъ случаѣ попробуйте, ежели угодно, раздать этому народу нѣсколько экземпляровъ вашей «*Золотой Грамоты*,» сулящей такія *золотыя горы*. Увѣряю васъ, г. ксендзъ, всѣмъ, что у васъ есть святаго, что, не смотря на вашу ксендзовскую *сукню*, простой народъ непремѣнно свяжетъ васъ веревкою по рукамъ и по ногамъ и передастъ васъ полицейскимъ властямъ, какъ *возмутителя и бунтовщика*,—попробуйте!

При этомъ благопріятномъ случаѣ, позвольте, г. ксендзъ, припомнить вамъ забытое вами іезуитское правило: mendacem oportet esse memorem. Расплакавшись о томъ, будто католическая церковь терпитъ въ Россіи величайшія гоненія, вы вдругъ

(на страницѣ 19-й) сами себѣ противорѣчите, говоря, что *въ «Россіи и теперь латинское духовенство далеко выше «стоитъ отъ православнаго духовенства.»* Вотъ такъ-то вы сами изобличили себя въ неправдѣ. Дѣйствительно, и жалованья отъ казны русской несравненно больше получаетъ латинское духовенство, нежели православное, и даже болѣе имѣетъ средствъ (при деньгахъ) къ приличной образованному человѣку жизни,—а отъ этого оно по наружности кажется какъ будто ученѣе и образованнѣе туземнаго русскаго духовенства. Русское правительство не только не заградило для р. католическаго духовенства путей къ образованію и благосостоянію (какъ поляки, по своему катихизису, заграждали въ Польшѣ всѣ пути для русскаго духовенства), но еще осыпало римскую курію своими благодѣяніями, надѣясь, что она будетъ признательна за все это. Не тутъ-то было! Надъ римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи, очевидно, исполнилась старинная славянская пословица: «только пусти *извѣстное животное* за столъ, такъ оно и лапы на столъ.» Такъ точно поступаютъ въ Россіи католическіе ксендзы: сами же признаются, что они живутъ въ Россіи гораздо лучше, нежели русское духовенство, и не смотря на это, имѣютъ безстыдство кричать на всю Европу, и даже обманываютъ своего папу, будто латинская церковь терпитъ въ Россіи гоненіе. Какъ по вашему, г. ксендзъ, называется подобный поступокъ? Отвѣчайте.

Свою знаменитую брошюру «ксендзъ-русинъ» оканчиваетъ такою колоссальною нелѣпостью, изъ каждаго слова которой такъ и выглядываетъ извѣстная старо-славянская поговорка: «*не любо—не слушай, а лгать не мѣшай.*»

Онъ опять повторяетъ (стран. 20, 21), что «москали «напрасно называютъ себя славянами, потому что они не сла-«вяне, и кромѣ языка славянскаго ничего общаго съ славянами «не имѣютъ.» Спасибо ксендзу, что наконецъ хоть языкъ славянскій подарилъ москалямъ! «А малороссіяне—продолжаетъ «ксендзъ—также ничего общаго съ москалями не имѣютъ, «кромѣ языка славянскаго, *который впрочемъ у москалей «составился по указу Петра Великаго изъ церковно-«славянскаго, изъ малороссійскаго и изъ великороссій-«скаго,* да еще кромѣ восточнаго обряда у нихъ ничего об-«щаго съ москалями нѣтъ.» Только! Сами извольте посудить:

у москалей ничего славянскаго нѣтъ, кромѣ славянскаго языка да славянской вѣры,—ну, какіе жъ они славяне?!? Чтобъ читатели не подумали, что мы нарочно выдумали эту нелѣпость для насмѣшки надъ «ксендзомъ-русиномъ,» мы выписываемъ подлинныя слова ксендза изъ его польской брошюры: (стран. 20) «Moskale napróżno się zowią słowianami, gdyż nimi nie są, i prócz mowy podobnej nic wspólnego z nimi nie mają.» (Стран. 21). Toż prócz mowy słowianskiej, która w moskiewskim swym składzie jest zlepkiem z cerkiewnego czyli staro-słowianskiego, mało-i wielko-ruskiego, i własciwie na rozkaz Piotra W. powstała, i prócz obrzędu wschodniego, rusini nic wspólnego z moskalami nie mają.»

Кромѣ наглаго и безстыднаго повторенія ссылки въ этой нелѣпости на достопочтенныя имена преподобнаго Нестора, Карамзина и Шафарика (N. B. никогда не отрицавшихъ славянскаго происхожденія великороссіянъ), «ксендзъ-русинъ» во свидѣтельство того, что «*москали не славяне*» ссылается, знаете ли на кого? На Мицкевича и на графа де Местра!! Жаль, что онъ забылъ сослаться еще на Товіанскаго и Духинскаго: это такія свѣтила въ польско-католическомъ мірѣ, предъ которыми меркнетъ слава всѣхъ Мицкевичей и всѣхъ Местровъ!

Брошюру свою заключаетъ «ксендзъ-русинъ» слѣдующимъ пророчествомъ (стран. 24): «Что же будетъ съ гордымъ и «несправедливымъ исполиномъ (съ Россіей), съ его пріятелями, «слугами и льстецами? То же, что было со многими ему по-«добными: afflavit Deus, et dissipati sunt!»

И мы оканчиваемъ нашъ отвѣтъ подобнымъ же образомъ, только не пророчествомъ о будущей судьбѣ, но извѣстіемъ о *совершившемся событіи:* afflafit Deus на поляковъ-мятежниковъ съ ихъ крамольными ксендзами, et dissipati suut!

Русинъ,—*не самозванецъ.*

ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ КІЕВСКОЙ И ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

Mendacem oportet esse memorem....

Въ 174 нумерѣ петербургской газеты «Голосъ,» 26 іюня сего 1864 года, передовая статья такъ неудачно, неловко и безтактно пустилась въ разглагольствіе о народныхъ школахъ кіевской и подольской губерніи, и такъ не осторожно противорѣчитъ не только истинѣ, но и самой себѣ, что прочитавши ее, невольно удивляешься, какъ эта достопочтенная газета, умная какъ іезуитъ, забыла одно изъ главнѣйшихъ іезуитскихъ правилъ: «mendacem oportet esse memorem [1]).»

На одной и той же страницѣ газета говоритъ, «что г. «Чечуринъ принималъ, по своимъ оффиціальнымъ обязанно- «стямъ, участіе въ открытіи первыхъ кіевскихъ школъ;» и потомъ; «г. Чечуринъ передаетъ слѣдующіе результаты совѣ- «щаній кіевской коммиссіи (объ устройствѣ народныхъ школъ), «*какъ они извѣстны по слухамъ.*» Одно изъ двухъ: ежели г. Чечуринъ *оффиціально* принималъ участіе въ устройствѣ народныхъ школъ, то онъ о совѣщаніяхъ коммисіи по этому предмету долженъ знать *не по слухамъ*, но документально; или—ежели онъ знаетъ о томъ только *по слухамъ*, то оффиціальность его въ открытіи школъ обставлена будетъ разными недоразумѣніями.

Въ слѣдующихъ двухъ столбцахъ одной и той же первой страницы «Голосъ» отличился слѣдующимъ противорѣчіемъ са-

[1]) „Лжецъ долженъ имѣть хорошую память“—разумѣется, для того, чтобъ не противорѣчить самому себѣ.

мому себѣ: «дѣло народныхъ школъ на Подоліи обставлено несравненно лучше, чѣмъ въ кіевской губерніи. Оно и пошло «несравненно лучше и легче. Весною 1863 года открыто тамъ «*три* школы, а теперь въ теченіе пяти мѣсяцовъ ихъ открыто «25.»—«Духовенство, въ административномъ отношеніи, под«чиняется учебному вѣдомству; отношенія съ перваго шагу за«путываются, и самаго незначительнаго повода будетъ доста«точно, чтобъ такая запутанность повела за собой цѣлый рядъ «взаимныхъ неудовольствій и столкновеній.» Спрашиваемъ: неужели «дѣло народныхъ школъ на Подоліи обстановлено хорошо и пошло несравненно лучше и легче,» ежели съ весны 1863 года по нынѣ тамъ всего на все открыто только 25 школъ, и ежели «отношенія духовенства къ учебному вѣдомству съ перваго шагу запутываются»?... oportet esse memorem тѣхъ вашихъ собственныхъ словъ, которыми такъ *неумышленно* вы подрываете довѣріе читателей къ вашему резонерству. Заключается эта передовая статья «*Голоса*» такъ: «не мѣшаетъ «прибавить, что г. инспекторъ казенныхъ училищъ въ кіев«скомъ учебномъ округѣ занимается народными школами *со«вершенно безмездно*.» Въ этихъ словахъ—или непростительное *незнаніе дѣла*, или еще болѣе непростительное—потому что умышленное—*притворство незнанія*. За что же инспекторъ казенныхъ училищъ получаетъ жалованье, квартирныя деньги и награды?! Вѣдь онъ, по званію *инспектора*, не имѣетъ никакихъ постоянно-опредѣленныхъ занятій, *но дѣлаетъ то, что прикажетъ ему начальство округа. По такому приказанію*, г. инспекторъ казенныхъ училищъ кіевскаго учебнаго округа вотъ и занимается теперь открытіемъ народныхъ школъ въ подольской губерніи, за что и пользуется всѣмъ своимъ штатнымъ содержаніемъ: гдѣ же тутъ *безмездность?!*

Укажемъ еще на одно *противорѣчіе истинѣ*, самое вопіющее. Г. инспекторъ казенныхъ училищъ Туловъ «призналъ «необходимость учрежденія особой педагогической школы для «приготовленія учителей въ народныя училища подольской гу«берніи.» «По отзыву гимназическихъ учителей (т. е. *учи«телей подольской гимназіи*—замѣтьте!), каменецподольская «духовная семинарія представляетъ много выгодъ для устройства «при ней педагогической школы; а потому г. Туловъ, бывши «въ Каменцѣ, просилъ *одного изъ учителей гимназіи* пере-

«говорить объ этомъ съ духовенствомъ семинаріи.» (*Жаль, очень жаль, что г. Туловъ затруднился самъ лично, собственною особою, пожаловать въ семинарію и переговорить о такомъ важномъ предметѣ съ тамошними наставниками, которыхъ даже учители гимназіи признали компетентными для этого*). Но передовая статья «Голоса,» назвавши подольскую семинарію «имѣющею недостатки и требующею преобразованій» (*какъ будто уже наши гимназіи не имѣютъ недостатковъ и не требуютъ преобразованій!!*), находитъ за полезнѣйшее открыть *педагогическую школу* не при семинаріи, но при каменецъ-подольской гимназіи, а еще лучше—по мнѣнію «Голоса»—*при немировской гимназіи!* «*Польскаго призрака бояться—говоритъ* «Голосъ»—*нечего: его надобно только имѣть въ виду.*»

Самый опаснѣйшій врагъ педагогической школы и народныхъ школъ не могъ бы указать опаснѣйшаго мѣста для педагогической школы, какъ мѣстечко Немировъ! Здѣсь шесть-сотъ учениковъ, преимущественно поляковъ, между которыми недавно появились было и жандармы-отравители, хотѣвшіе отравить учителя руского словесности; здѣсь кромѣ директора гимназіи, заваленнаго дѣлами по управленію такою многочисленною и опасною, совершенно *неумѣстною* гимназіей, контроля *для педагогической школы* не было бы рѣшительно *никакого*, здѣсь удаленность отъ высшей гражданской, духовной и учебной администраціи.... какъ у «Голоса» достало духу рекомендовать *немировскую гимназію* для учрежденія при ней педагогической школы?!? Не понимаемъ!

Бывшій педагогъ немировской гимназіи.

ДЕСПОТИЗМЪ ИДЕИ.

Недавно былъ я въ Кіевѣ. Дивный городъ! Городъ—ландшафтъ для всякаго обыкновеннаго туриста, и городъ рай для всякаго благочестиваго, православнаго христіанина! Другаго такого прекраснаго города, кажется, нѣтъ на свѣтѣ! Въ Кіевъ можно влюбиться, какъ въ прекрасную невѣсту. А какъ страстная любовь, и притомъ любовь »съ препятствіями«, не рѣдко обращается въ сумасшествіе, то нѣтъ никакого удивленія, ежели поляки такъ влюбились въ Кіевъ, что доходятъ иногда до сумасшествія доказывать, будто Кіевъ польскій городъ, будто преподобные Антоній и Ѳеодосій печерскіе и Несторъ лѣтописецъ были поляки и уніаты, а равноапостольный Владиміръ былъ р.-католикъ, и прочія бредни à la Духинскій. Грѣшно смѣяться надъ такимъ жалкимъ сумасшествіемъ; но изъ любви къ ближнему, каждый изъ насъ, по своимъ силамъ, долженъ стараться объ излеченіи этихъ несчастныхъ больныхъ отъ обуявшей ихъ маніи.

А это развѣ не новое доказательство *помѣшательства*, хоть бы этотъ, наприм., недавній случай въ Кіевѣ? *Русское* общество для русской, всѣми уважаемой дамы, дѣлаетъ обѣдъ. Изъ гуманности и приличія, *русское* общество пригласило въ гости на этотъ обѣдъ и нѣсколько такихъ субъектовъ, которые, родясь и живя въ Россіи, до сихъ поръ, вѣроятно по ошибкѣ или по жалкому недоразумѣнію, называютъ себя *поляками*. Эти гости, вмѣсто благодарности за сдѣланную имъ честь приглашенія, тутъ же, на чужомъ обѣдѣ, принимаютъ на себя

роль хозяевъ, распоряжаютъ мѣстами, и оттираютъ хозяевъ назадъ!!! Нѣкоторые изъ дѣйствительныхъ хозяевъ обѣда, весьма справедливо, хотѣли было сердиться на такую наглость и дерзость своихъ гостей, превратившихся въ хозяевъ; но какъ поразсудишь, такъ кажется, слѣдовало бы тамъ-же громкимъ, гомерическимъ смѣхомъ выпроводить самозванцевъ хозяевъ изъ званнаго и параднаго обѣда! Право, надобно было смѣяться надъ этою, особеннаго рода маніей—казаться вездѣ хозяевами и присвоивать себѣ Кіевъ со всѣмъ, что только есть въ Кіевѣ. Видите сами, какая страстная любовь къ Кіеву, *»влеченье, родъ недуга«*, однимъ словомъ: особенная манія.

Разъѣзжая по Кіеву и любуясь видами его, я, къ счастью, попалъ на умнаго и словоохотливаго извощика, который самъ вызвался быть моимъ чичероне, и разсказалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о происшествіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ (1863, 1864). Указывая кнутовищемъ на одинъ прекрасный и огромный каменный домъ, мой чичероне сказалъ: »вотъ это домъ К–го, который пошелъ въ каторгу; у него осталась прекрасная жена и пятеро дѣтей, малъ мала меньше, и всякаго добра осталось, говорятъ, вдоволь,—жить бы да жить безумному, такъ нѣтъ! Захотѣлось въ каторгу«!..

»А вотъ это домъ О–го, котораго разстрѣляли въ крѣпостномъ рву. У него такъ же осталось семейство, и сверхъ того слѣпой, старый отецъ, который, упавши предъ сыномъ на колѣни, просилъ и заклиналъ его не идти въ руховку; — непослушался отца, пошелъ и разстрѣлянъ«. Послѣ этого, чичероне началъ разсказывать мнѣ со всѣми подробностями, какъ растрѣливали мятежниковъ; а въ заключеніе прибавилъ: »туда имъ и дорога, когда не хотятъ пользоваться милостями Государя Батюшки! Имъ ли у насъ не житье? Прійдетъ въ Кіевъ голопузые шляхтичъ, только и годится, что въ лакеи, анъ смотришь чрезъ годъ, чрезъ два, онъ уже или учителемъ, или чиновникомъ, или магазинъ заведетъ и лупитъ деньги съ русскихъ господъ«.

Когда мы поровнялись съ монументальнымъ зданіемъ, господствующимъ надъ всею окрестностью, мой чичероне сказалъ: »а это знаете, сударь, какой домище?

— А какой? отвѣчалъ я.

»Здѣсь учились многіе молодые мятежники. Мальчуганы, еще матернее молоко не обсохло на губахъ, а смотри, и они дернули до лясу! Вотъ чѣмъ заплатили за всѣ милости царскія? Прежде, право, лучше было, какъ держали ихъ въ страхѣ; вѣдь лучше быть высѣченнымъ розгою въ школѣ, нежели быть повѣшеннымъ на висѣлицѣ« ...

Простонародное краснорѣчіе моего извощика было очень выразительно, и, очевидно, не проходило чрезъ риторическую корректуру. Не зная усвоенныхъ нами многихъ иностранныхъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій, онъ по-своему, чисто по-русски началъ разсуждать о побудительной причинѣ послѣдняго польскаго возстанія, и продолжалъ такъ:

»Засѣла въ буйныхъ головахъ проклятая мысль, какъ-бы такъ сдѣлать, чтобъ нашу Россію превратить въ Польшу, вотъ и одурѣли всѣ отъ этой мысли. Милѣе, дороже отца и матери, милѣе женъ и родныхъ дѣтокъ была для нихъ эта окаянная мысль, всѣхъ ихъ свѣла съ ума, всѣхъ погубила, экая чертовская мысль« !..

Очевидно, извощикъ мой хотѣлъ сказать что-то о томъ *деспотизмѣ идеи*, которому не рѣдко бываютъ подвержены люди, и умнѣе и глупѣе, и который никогда необходится безъ жертвъ. Благо тѣмъ жертвамъ, которыя падаютъ за идею, благотворную для человѣчества, за истину и правду! Для такихъ святыхъ жертвъ гремитъ утѣшительное слово: *не убойтесь убивающихъ тѣло, а душу не могутъ убить! Претерпѣвшій до конца,—тотъ спасенъ будетъ!* Но ежели кто либо увлеченъ будетъ ложною идеей, ежели онъ сдѣлается мученикомъ и жертвою ложной идеи, тотъ... погибъ навѣки! Для того уже и вѣчность и будущая жизнь не дадутъ ничего утѣшительнаго. На »потомство« и даже на »исторію« нечего надѣяться. Положимъ, потомство, также ослѣпленное, какъ и предки, будетъ ублажать погибшую жертву, положимъ, и безразсудная исторія назоветъ этихъ несчастныхъ »героями« своего рода; но этимъ »жертвамъ и героямъ« отъ всѣхъ земныхъ похвалъ не легче будетъ вся эта безконечная, ужасная вѣчность, потому что они погибли не за истину... »*Ибо что-за похвала, если вы терпите наказаніе за преступленіе? Но если постраждете за правду, то блаженны вы. Тако бы кто изъ васъ не пострадалъ какъ убійца,*

или тать, или злодѣй, или какъ мятежникъ«. [1]) Вызываемъ всѣхъ софистовъ и діалектиковъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ: могутъ ли они доказать честность и истинность той идеи, которая, овладѣвши человѣкомъ, дѣлаетъ его *убійцею, татемъ, злодѣемъ и мятежникомъ?* И ежели одержимые этою убійственною идеей люди *терпятъ* потомъ *наказаніе за свои преступленія*... Что же тутъ великаго и благороднаго?.. Гдѣ тутъ жертва? гдѣ мученичество? Надобно сперва уничтожить всѣ уголовные законы, истребить всякое различіе между добромъ и зломъ, а потомъ уже всѣхъ казненныхъ мятежниковъ почитать и ублажать, какъ мучениковъ, т. е. надобно сперва совсѣмъ одурѣть, или просто быть отъ роду идіотомъ, чтобъ сочувствовать послѣднему польскому возстанію, или извинять его какимъ-то *увлеченіемъ*. Вѣдь въ этомъ возстаніи поругана присяга, уничтоженъ крестъ Спасителя и Евангеліе, предъ которыми присягали нѣкогда нынѣшніе повстанцы на вѣрное подданство Россіи... И противъ кого возстаніе? И за что?.. Противъ благодѣтельнѣйшаго русскаго правительства, за всѣ его милости, которыми оно осыпало имъ же самимъ воскресенную Польшу!

Бѣда съ деспотизмомъ идеи!.. Мало-мальски не крѣпкая голова какъ разъ подчинится этому деспоту! Ни даже больной, слѣпой отецъ, стоя на колѣнахъ предъ своимъ сыномъ, не можетъ уже умолить его, чтобъ онъ бѣжалъ отъ этого деспота... При первой встрѣчѣ съ такими деспотически—увлекающими идеями, каждый человѣкъ, не полагаясь на свои силы, долженъ бѣжать къ своей собственной совѣсти, и просить у нея защиты. Если бы и собственная совѣсть оказалась немощною противъ искусительницы—идеи, увлекающей тебя, ухватись обѣими руками за Евангеліе, и отбивайся словомъ Божіимъ отъ всѣхъ навожденій!— Ежели увлекающая тебя идея противна твоей совѣсти и Евангелію,—прочь ее! бѣги отъ нея! «Изгинь ты, окаянная, и не возмущай мою душу!..» Весьма многіе, а можетъ быть и всѣ «повстанцы»—поляки были бы цѣлы, здравы и невредимы, если бы знали это предостереженіе и слѣдовали бы ему. Вовсе не было бы этихъ, такъ—называемыхъ «жертвъ революцій», если бы совѣсть у нихъ была въ порядкѣ и если

---

[1]) I. Петр. II. 20. III. 14. IV. 15.

бы, вмѣсто оптически—обманчиваго названія «*католиковъ*», они были истинными христіанами, и слушались Евангелія.

Но въ томъ-то и бѣда вся, что польскіе несчастные мятежники уже не имѣютъ совѣсти и уже не вѣрятъ Евангелію; а еще больше достойно сожалѣнія то роковое обстоятельство, что и совѣсть ихъ совращена съ пути правды, и вѣра въ Евангеліе отнята у нихъ... страшно сказать, кѣмъ... самими служителями Евангелія—р.-католическими священниками!... Призванные быть учителями мира и христіанской любви, ксендзы сдѣлались пропагаторами, проповѣдниками и двигателями мятежа! Таинство покаянія они обратили въ революціонную сдѣлку съ совѣстью своихъ духовныхъ чадъ, разрѣшая и благословляя бунтъ, братоубійство и воровство, а для женщинъ, разрѣшая всѣ плотскіе соблазны, чтобы уловлять неосторожныя души и направлять ихъ или къ прямому возстанію противъ законнаго правительства, или къ преступному бездѣйствію тамъ, гдѣ самымъ легкимъ благовременнымъ движеніемъ можно было бы предотвратить всякую попытку къ бунту и кровопролитію. Польскіе ксендзы—изъ революціи противъ законнаго русскаго правительства сдѣлали религіозный догматъ,—и идея возстанія вышла изъ ихъ рукъ *религіозной идеей*. Нечего, значитъ, и удивляться деспотизму этой идеи, когда за нее стоитъ католицизмъ, когда самъ папа, эта олицетворенная идея антихристіанскаго деспотизма, беретъ подъ свое покровительство идею польскаго бунта. И предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ—творити неподобная [1]). Это тѣ сыны погибели, которые, презирая начальства, будучи дерзки и своевольны, и не страшась злословить высшихъ, злословятъ то, чего не понимаютъ; это дѣти проклятія, которыя обѣщаютъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія, давно предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ случаи къ распутству, мечтатели, которые плоть оскверняютъ, начальства пренебрегаютъ и злословятъ высшія власти. [2]).— Слѣдовательно вся вина за развращеніе польскаго народа и за возбужденіе его къ богопротивной послѣдней революціи лежитъ на польскомъ духовенствѣ и вообще на р.-католичествѣ, которое отнюдь не должно смѣшивать съ *христіанствомъ*, потому что р.-католичество

---

[1]) Римл. 1, 28. [2]) 2. Петр. II. 10, 12, 14, 19. Іуд. 1. 4, 8.

есть только злоупотребленіе колоссальное, чудовищное, огромное, сильное и ужасное, но—отнюдь не христіанство, которое проповѣдуетъ миръ, смиреніе и любовь. Несчастные братья наши—польскіе р.-католики! опомнитесь, отрезвитесь отъ революціоннаго упоенія, признайте ваше жалкое положеніе и плачьте, горьчайшими слезами плачьте, что вамъ выпалъ несчастный жребій быть рабами вашихъ ксендзовъ, давно уже отвергшихся отъ истинной вѣры. Истинная христіанская вѣра исповѣдуетъ и проповѣдуетъ Христа, а у вашихъ ксендзовъ на первомъ планѣ—папа! Вмѣсто достолюбезнаго имени христіанъ, они величаются именемъ «*папистовъ*,» и проповѣдуютъ бунтъ, кровопролитіе, ложь, братоубійство, воровство!!! Бѣгите этихъ слѣпыхъ и буйныхъ вождей! Ежели милъ вамъ Кіевъ, ежели вы, во чтобы ни стало, хотите имѣть его *своимъ*, бѣгите именно въ Кіевъ подъ покровъ и защиту Православной Церкви! Будьте истинными христіанами, т. е. православными; оставьте папизмъ, отрекитесь отъ него и дуньте на него! Единственное средство спасенія—обратиться къ истинѣ. Ложь сама на себя лжетъ (*солга неправда себѣ*). Польскіе ксендзы имѣютъ безстыдство увѣрять своихъ прозелитовъ, что Кіево-печерскіе святые угодники Божіи спаслись и прославились нетлѣніемъ своихъ мощей или еще до раздѣленія церквей (т. е. до отщепенства западной церкви отъ единой истинной апостольской церкви), или во время уніи восточной церкви съ западною. Почему же сами ксендзы никогда не приходятъ на поклоненіе святымъ мощамъ этихъ угодниковъ Божіихъ? Очевидно, боятся приблизиться къ православной святынѣ, боятся истины, смѣживаютъ свои очи, чтобъ не видѣть ее и бѣгутъ отъ нея! Самоубійственное ослѣпленіе! отчаянное упрямство въ своей погибели! «Погибать—такъ погибать!» Несчастные! не говорите, не думайте такъ не по-человѣчески! Идите къ кіевской святынѣ, умилитесь вашею душею, сознайте свой прародительскій грѣхъ отпаденія отъ истинной христіанской церкви, и отрекитесь отъ вашего деспота—папы! Папизмъ и фанатизмъ—это синонимы; доказальства у васъ предъ глазами—не только вся исторія папизма, но вотъ даже и нынѣшняя постыдная польская революція, превратившая ваши костелы въ кузницы для ковки мятежническаго оружія. А ксендзъ съ револьверомъ и съ крестомъ въ рукѣ есть такое нестерпимое, олицетворенное поруганіе святости Креста Господня,

что добросовѣстному поляку-католику стыдно уже признаться предъ самимъ собой, что онъ католикъ.... Несчастные, бѣгите подъ благотворную, умиротворяющую сѣнь православія!

Напрасно кто-нибудь хотѣлъ бы—рабскую подчиненность польскихъ католиковъ ложной религіозной идеѣ оправдывать девотизмомъ ихъ. Девотизмъ польскій вовсе не благочестіе,—имѣетъ только наружный *видъ благочестія, а силы его* давно уже *отвергся*. Это—фанатизмъ, а не благочестіе.

Не менѣе достойны поляки сожалѣнія и за ихъ рабскую подчиненность ложнымъ историческимъ идеямъ. Въ этомъ отношеніи, они обнаруживаютъ такое упрямое невѣжество, что самый безпристрастный изслѣдователь исторіи ихъ становится въ тупикъ надъ разрѣшеніемъ вопроса: чего больше у поляковъ фанатизма, или невѣжества?... Если бы какая нибудь дряхлая, беззубая старуха, бывшая нѣкогда молодою и красивою, вдругъ захотѣла опять помолодѣть и всеусильно старалась быть здоровою, свѣжею красавицей, весь свѣтъ смѣялся бы надъ сумазбродствомъ бабы, выжившей изъ лѣтъ, а самые лучшіе люди только пожалѣли бы о ней.. Вотъ именно того же хочетъ и нынѣшняя Польша. Она была когда-то королевствомъ довольно молодымъ и красивымъ, впрочемъ здоровьемъ своего организма она никогда не могла похвалиться, постоянно страдавши изнурительною лихорадкой сеймовъ и самоуправствомъ своихъ аристократовъ. Потомъ наскучило ей быть королевствомъ, она сдѣлалась республикой (Рѣчь Посполита), впрочемъ съ нѣкоторымъ призракомъ королевскаго достоинства. Съ той поры она начала худѣть, старѣть, дряхлѣть, сумазбродствовать, и наконецъ дошла до такого состоянія разслабленія и одурѣнія, что сосѣди, изъ жалости, принуждены были приберечь ее и разобрали это ветхое зданіе, грозившее паденіемъ. Польша пала, нравственно умерла, уничтожилась. Теперь она, на перекоръ своей собственной исторіи, хочетъ опять ожить и возстать: дряхлая, полумертвая старуха хочетъ помолодѣть и быть красивою дѣвицей, тѣнь хочетъ быть живымъ тѣломъ!... По крайней мѣрѣ, спросили бы поляки исторію: почему не воскреснетъ древняя македонская монархія? куда дѣвалось древнее армянское царство?... Вѣдь какъ для каждаго человѣка, такъ равно и для каждаго государства есть своя судьба, своя очередь, свои сроки, есть рожденіе, жизнь и смерть. Польша

уже отжила свой вѣкъ. Напрасно она, въ 1815 году, считала себя *воскресшею*, а благословеннаго миротворца Европы назвала своимъ воскресителемъ: мертвые иначе не воскреснутъ, какъ только на страшный Судъ Божій. Страшное невѣжество своей собственной участи и своей собственной исторіи!

Такое же постыдное невѣжество обнаруживаютъ поляки, назвавъ *своимъ краемъ* нашъ Кіевъ, нашу Волынь, Подолію и Бѣлоруссію, т. е. всѣ тѣ провинціи, которыя въ собственныхъ ихъ историческихъ актахъ вездѣ называютъ »*Русью*«. Смѣшно было бы, если бы потомки татаръ, господствовавшихъ нѣкогда въ Россіи, затѣяли возстановить Сарайскую Орду и начали требовать отъ насъ прежней подчиненности, требовать Твери, Рязани, Ярославля, Владиміра, Москвы и проч. А современные намъ поляки, возстановляя въ своемъ горячемъ воображеніи прежнюю Польшу въ предѣлахъ 1772 года, дѣлаютъ еще смѣшнѣе, рискуя прослыть на весь свѣтъ политическими донъ-кихотами. Покуда у нихъ есть деньги (разумѣется, пріобрѣтенныя не честнымъ образомъ, но чрезъ расхищеніе государст. казначейства, чрезъ разбой почтъ, и т. п.), они могутъ еще платить иностранной прессѣ за распространеніе своихъ фанатическихъ и ложно историческихъ нелѣпостей, которыми думаютъ они оправдать нынѣшнее безумное свое возстаніе противъ законной власти; но... не станетъ денегъ на подкупы, иностранная пресса замолкнетъ, подогрѣтый энтузіазмъ европейскихъ свистуновъ къ »польскому вопросу« простынетъ, миражи разсѣются, ложь исчезнетъ, и останется одна нагая истина, останется одинокая, всѣми презрѣнная и осмѣянная Польша, въ видѣ дряхлой, полумертвой, отжившей свой вѣкъ и выжившей изъ ума старухи....

Землякъ.

Матеріалы по предмету народныхъ школъ въ юго-западной Россіи.

Сказано уже, даже повторено и переповторено, что учить народъ, недавно вышедшій изъ крѣпостнаго состоянія, задача важная. Въ ней болѣе всѣхъ важны вопросы: кто долженъ

учить его и чему учить? По поводу сихъ вопросовъ, литература духовная и свѣтская много и часто предлагала свои отвѣты, но всѣ они и доселѣ разныхъ мыслей и сужденій не приводятъ къ единству. Одни говорятъ и доказываютъ, что народъ этотъ должны учить учители народные, получившіе какое нибудь образованіе въ педагогическихъ народныхъ же школахъ. Другіе увѣряютъ, что должны учить учители духовные, именно священники, или, покрайней мѣрѣ, получившіе образованіе въ училищахъ духовныхъ. Нейтралитетъ держать, по симъ двумъ отвѣтамъ, инымъ не можно, покрайней мѣрѣ, не можемъ держать мы. Оставаясь на сторонѣ истины, при самомъ краткомъ разсужденіи, надобно согласиться, что учить народъ должны тѣ учителя или наставники, коихъ самъ народъ желаетъ. Желаніе это крестьяне явно выразили въ сельскихъ своихъ приговорахъ, составленныхъ почти въ каждомъ приходѣ церкви, которые если въ точности не исполняются до сего времени, то собственно потому, что, какъ одинъ изъ мировыхъ посредниковъ выразился, образованіе народа,—дѣло, не второстепенное, а церковноприходскія школы,—дѣло, вовсе къ намъ не принадлежащее. Чтобы поддержать и сохранить въ народѣ коренныя начала религіозныхъ убѣжденій, повиновенія и преданности престолу русскому, какъ главныя и необходимыя познанія своей народности, должны учить тѣ наставники, кои, прослѣдивши исторически, сами неизмѣнно преданы престолу и отечеству и кои, ни прежде, ни теперь, не заражены ни нигилизмомъ, ни космополитизмомъ, ни началами крайняго либерализма, своевольной современности, хохломаніи и т. п. Оставляемъ право поддерживать вліяніе сихъ пагубныхъ началъ, судить и заявлять свои сужденія гласно гг. Туловымъ, Чечуринымъ, Чалымъ и ихъ послѣдователямъ: а мы, для раскрытія истины, на сколько полезны оказываются школы, заведенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, готовы передавать только факты, оправдывающіе ту, или другую сторону.

Народъ этотъ еще юный, недавно породившійся, если можно такъ выразиться, въ свѣтъ. Слѣдовательно, учить его, прежде всего, нужно тому, чему, обыкновенно, учатъ младенцевъ, едва начинающихъ лепетать и говорить. Нужно напередъ всего учить правильно славить и благодарить Бога, именно тѣмъ языкомъ, на какомъ изложены и читаются всѣми право-

славными христіанами молитвы и ученіе исповѣдуемой ими вѣры. Говорятъ намъ, какъ мы не разъ слышали, языкъ этотъ труденъ, и молитвы изъ псалтиря неудобопонятны. По этому то, вѣроятно, мы недавно слышали, бывши при испытаніи учениковъ въ одной изъ народныхъ школъ, ученики гораздо лучше знаютъ начала географіи и естественной исторіи, чѣмъ заповѣди Господни, утреннія и вечернія молитвы, первоначальную исповѣдь и т. д. Фактовъ такихъ, доказывающихъ истину неправильнаго ученія, мы представить можемъ много: но, пока, укажемъ на одинъ.

Въ мѣстечкѣ В. открыто народное училище еще въ 1862 году. Русскій помѣщикъ сосѣдняго села собственно, какъ мы знаемъ, изъ побужденія оставить въ народѣ память по себѣ, сожалѣя о грубости и невѣжествѣ простаго народа, помогалъ и помогаетъ первоначальному устройству и развитію того училища. И крестьянскія дѣти того села, учившіяся въ церковноприходской школѣ, силою сельской власти, были переведены въ это училище Успѣхи ихъ ученія оказались самыми неудовлетворительными. Наставникъ ихъ объясняетъ это и далекимъ хожденіемъ ихъ въ училище, и частыми отлучками, и отвлеченіемъ родителей ихъ къ работамъ, и другими извиненіями. Этого впрочемъ мы и родители не могли бы и знать. Но представился случай таковъ. Въ домѣ того помѣщика случились похороны. Помѣщица весьма близка была сердцу хозяина; поэтому онъ желалъ церемонію погребенія совершить всевозможно прилично. За соборами священниковъ остановки небыло. Для полнаго украшенія нужны были только чтецы и пѣвцы,— собственно пѣвчіе. Но гдѣ ихъ на селѣ взять? Да, такъ могли думать и говорить до заведенія въ приходахъ церковноприходскихъ школъ. А если оказался такой недостатокъ въ селѣ Д., то собственно оттого, что ученики этого села ходили, а правильнѣе не ходили, въ народное училище, а не въ церковноприходскую школу. Такъ они, вѣроятно, знаютъ и гражданское чтеніе, какъ и церковное, но послѣ, какъ оказалось, они забыли и то, что знали, учившись напередъ въ церковной школѣ. Отъ полноты усердія, помѣщикъ принужденъ былъ посылать за пѣвчими, въ сосѣднее, довольно неблизко, село О. Прибыли изъ сего села дѣти, босыя и неодѣтые, и своимъ пѣніемъ удивили всѣхъ, бывшихъ участниками печальнаго обряда. Стройное пѣніе сихъ

крестьянскихъ дѣтей болѣе прочихъ заинтересовало простый народъ, который едва не громче ихъ заговорилъ: «вотъ что значитъ учиться въ церковной школѣ, и народной, гдѣ обучаются наши дѣти». И тогда я самъ, спустя немного, велъ рѣчь съ тѣмъ же помѣщикомъ, а говорили мы о семъ и прежде, то и сей мужъ, исполненный самыхъ добрыхъ цѣлей и желаній простому народу, сказалъ мнѣ: правду вы говорили, отецъ В. Такъ скажутъ скоро, а тѣмъ болѣе впослѣдствіи, мы надѣемся, и всѣ тѣ, кои теперь сочувствуютъ, помогаютъ и хвалятъ народныя училища, а не церковноприходскія школы.

В. Антоновъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ лекціи ксендза законоучителя одной гимназіи.

Въ одной изъ литовскихъ гимназій, вновь прибывшій директоръ, посѣщая классы, зашелъ въ классъ Закона Божія, римско-католическаго исповѣданія, гдѣ ксендзъ толковалъ ученикамъ какія-то отвлеченности, о которыхъ, какъ казалось, и самъ не имѣлъ яснаго понятія. Директоръ попросилъ ксендза отложить этотъ урокъ на будущее время, а теперь, въ присутствіи его, сказать ученикамъ урокъ о повиновеніи царской власти. Ксендзъ прочелъ по книгѣ мѣсто изъ извѣстнаго катихизиса о почитаніи царя, и потомъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ новаго директора, говоритъ ученикамъ: «Вотъ я вамъ «прочелъ текстъ а что касается того, какъ вы должны вести «себя въ отношеніи къ правительству, то это не мое дѣло: это «дѣло политическое. Впрочемъ, я вамъ скажу, что если царь «предписываетъ что либо вопреки нашей религіи» (а извѣстно, «что не только поляки, но и самъ папа, считаютъ польскій «мятежъ войною за вѣру), «то мы должны возстать съ най«большимъ ожесточеніемъ (z największim oburzeniem,—подлин«ныя слова ксендза)». Послѣ такой высокой, назидательной и апостольской проповѣди, ксендзъ, конечно, не остался болѣе законоучителемъ. Его послали туда, гдѣ онъ не найдетъ слушателей для подобныхъ поученій. Но нужно замѣтить, что это было при такомъ директорѣ, который не любитъ спускать полякамъ, и ксендзъ зналъ, что это ему не пройдетъ даромъ.

Теперь можно себѣ представить, что проповѣдывалось тамъ, гдѣ директоръ былъ полякъ, или ополячившійся русскій [1]). Не даромъ начальники и учители гимназій говорятъ, что ученики—поляки послѣ каждой исповѣди возвращаются гораздо хуже и съ большею ненавистію къ русскимъ, чѣмъ до исповѣди и что, послѣ всякой лекціи zakona Bożego, въ гимназіяхъ литовскихъ не досчитывались по нѣскольку учениковъ, бѣжавшихъ do lasu.

Фанатизмъ и пропаганда ксендза.

Перечитывая, въ декаб. книжкѣ Вѣстника (стр. 302—312) переданные гласности факты на счетъ фанатизма и богохульства ксендзовъ, по отношенію къ православію и православнымъ, мы невольно припомнили одинъ—другой, въ этомъ родѣ, фактъ, весьма недавно заявленный патеромъ З. Хотя богохульственное поношеніе православія и православныхъ ксендзами—предметъ общеизвѣстный, и въ настоящее время не нуждается въ фактическихъ аргументахъ; однако новѣйшія антирелигіозныя выходки патера З. на столько важны и серьозны, что ихъ грѣшно покрывать молчаніемъ. Получивъ свѣдѣніе о нихъ отъ лицъ, пользующихся авторитетомъ общественнаго уваженія и довѣрія, мы рѣшаемся, въ дополненіе къ прочитанному на страницахъ Вѣстника, предать ихъ гласности — не съ цѣлію потѣшаться надъ грустными выходками патера; но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы рьяный патеръ, устыдившись предъ судомъ общественнаго мнѣнія безобразія своей миссіи, на будущее время поудержался такъ самонадѣянно и дерзко относиться къ нашей православной вѣрѣ и къ нашимъ православнымъ священникамъ.

Въ селѣ О., прошедшей осени, умерла старуха р. католичка,—мать тамошняго эконома N. Сынъ и невѣстка покойницы, получивъ отказъ ксендза—пріѣхать въ село провожать прахъ умершей потому только, что они не могли заплатить ксендзу потребованнаго имъ возмездія, не желая вывозить изъ села тѣла покойницы безъ напут-

---

[1]) Въ родѣ, напр., одного намъ знакомаго, который, на просьбу русскихъ учителей одной изъ юго-западныхъ гимназій выписать нашъ «Вѣстникъ», отвѣтилъ: какъ можно! у насъ вѣдь есть учителя и гимназисты поляки, а Вѣстникъ ихъ сильно поражаетъ—могутъ обидѣться на меня. Ред.

ствія и молитвословія церкви, обратились, съ самой искренней просьбою, къ мѣстному священнику—совершить выносъ тѣла изъ села, при православной процессіи. Старикъ священникъ не рѣшился отказать ихъ печальной просьбѣ. Гробъ р. католички, облагодѣтельствованный сердобольнымъ православіемъ, за селомъ остался одинокимъ. На телѣгу съ гробомъ возсѣлъ кучеръ и потаскалъ его, въ родѣ сундука, къ костелу г. У., на разстояніи 30-ти верстъ. По краткости дня, гробъ привезенъ былъ къ костелу вечеромъ. Является ксендзъ. Думалось, что покойница, подвергнутая 30-ти верстной качкѣ, будетъ внесена въ костелъ, напутствована самою горячею молитвою церкви и съ должнымъ участіемъ проведена ею до послѣдняго пріюта—могилы. Но не такъ случилось. Вышедши со свѣчей на костельное крыльце, у котораго стояла телѣга съ покойницей, ксендзъ З., въ виду самаго гроба, такъ трогательно и краснорѣчиво поучающаго смиренію и примиренію со всѣми, отложивъ молитву на задній планъ, грозно и запальчиво закричалъ: „Признавайтесь—если русскій попъ выносилъ изъ села небожку (покойницу), то я не стану погребать ее. Везите ее назадъ, пусть онъ и погребаетъ ее.“ Что это такое, о. З?! Не довольно того, что вы сами кипите злостью и ненавистью ко всему православному, вамъ нужно еще публично раздувать эти не христіанскія чувства въ сердцахъ плачущихъ людей, убитыхъ горемъ, и незнающихъ, какъ слѣдуетъ, религіозныхъ разностей между двумя—римско-католическимъ и православнымъ—исповѣданіями! Какъ можно, при гробѣ выражать свою ненависть къ православному іерею, такимъ тономъ, въ такомъ духѣ, что, или православный священникъ недостоинъ сопровождать изъ села тѣло папистки, или это тѣло становится уже нечистымъ, языческимъ, незаслуживающимъ костельной молитвы, пріюта, послѣ того, какъ провелъ его изъ села православный священникъ? Позволяетъ-ли одна человѣческая, самая языческая, не говоримъ уже христіанская, логика заниматься самою фанатическою, самою отвратительною при гробѣ пропагандой, отлагая погребальную молитву? Мы думаемъ, что въ виду христіанскаго гроба, при его сильной проповѣди, злятся, ненавидятъ, неистовствуютъ только одни демоны, непрекращающіе своей мести и злобы къ душамъ христіанскимъ и за предѣлами могилы; а люди, не просвѣщенные даже свѣтомъ Христовой вѣры, въ виду его, плачутъ и молятся, но отнюдь

не злятся, не бранятся, не безчестятъ кого бы то нибыло! А вы что дѣлаете, чѣмъ занимаетесь при самомъ гробѣ? Но страсти, извѣстное дѣло, помрачаютъ разсудокъ людей, пересиливаютъ требованія долга и совѣсти, убѣжденія религіи. Угаръ іезуитскаго фанатизма до того пришибъ логику патера З., что онъ не нашелся даже выразиться болѣе искуснымъ, ловкимъ и тонкимъ образомъ. Если ему хотѣлось узнать, что было съ гробомъ католички при вывозѣ его изъ деревни, удостоился ли онъ чести сопровожденія со стороны православнаго священника, или нѣтъ, онъ не долженъ былъ прикрикнуть „признавайтесь, если русскій попъ выносилъ изъ села небожку; то я не стану погребать ее, везите ее назадъ, пусть онъ и погребаетъ ее“! Не въ такой формѣ, патеръ, нужно было предложить вопросъ, если хотѣлось вамъ доискаться правды. Возможно ли было бѣднымъ измученнымъ горемъ, по случаю разлуки съ матерью, отвѣчать на столь грозный вопросъ по совѣсти, когда предъ ними была наступающая ночь, а позади ихъ 30 верстное разстояніе, чрезъ которое нужно было тащиться съ гробомъ на измученныхъ лошадяхъ, за-полночь, что бы достигнуть города и тамъ встрѣтить затрудненіе при погребеніи папистки по православному обряду? Устрашенные столь затруднительнымъ положеніемъ, бѣдные, поневолѣ, подъ страхомъ угрожавшей непріятной, обратной экспедиціи, должны были, для успокоенія своего жестокаго патера, солгать предъ своею совѣстью и дать отрицательный отвѣтъ. Утѣшенный искреннимъ, повидимому, католицизмомъ и показаніемъ своихъ прихожанъ, по которому они, будто бы, не хотѣли и знать православнаго священника при вывозѣ гроба изъ деревни, патеръ З., по замѣчанію самихъ же католиковъ, прочиталъ небрежно какую то коротенькую молитву надъ гробомъ, окропилъ его св. водою и ушелъ въ костелъ, приказавъ оттащить небожку на кладбище и тамъ зарыть ее, будто какую нибудь падаль. Въ нѣсколько минутъ кончилась церемонія погребенія. Съ огорченной душой, съ самымъ отравляющимъ впечатлѣніемъ, возвратились р.-католики домой и не скрыли срамоты своего патера. Не надивившись горячимъ его распросамъ, предварявшимъ слишкомъ краткое и холодное погребеніе, они осудили практику о. З. и, въ простотѣ сердца, все пересказавъ православному священнику, не могли вполнѣ излить предъ нимъ своихъ благодарныхъ чувствъ, нѣсколько разъ повторяя одно и тоже: „съ

большею набожностію, съ искреннѣйшею молитвою, matka nasza была проведена изъ села, чѣмъ погребена нашимъ ксендзомъ! „Такъ-то, уничижая другихъ, неугомонный патеръ глубоко уронилъ самъ себя, а въ лицѣ своемъ и все папство.

Фактовъ, въ подобномъ вкусѣ и родѣ, за патеромъ довольно. Вотъ еще одинъ изъ нихъ, самый свѣженькій, отъ котораго такъ и несетъ дымомъ фанатизма и цинизма. Въ селѣ Р., у старухи посесорши Г., умерла недавно дочь дѣвица. Печальная мать съ приглашеніемъ къ себѣ въ село патера З. и двухъ православныхъ священниковъ, хотѣла-было устроить выносъ праха своей дочери поторжественнѣе. Но, ксендзъ, узнавъ объ этомъ, и самъ не поѣхалъ въ село, для выноса тѣла усопшей,—потому что ему не могли дать такого гонорарія, какого онъ потребовалъ отъ бѣдной вдовы, и не позволилъ ей пригласить, для той же цѣли, мѣстнаго православнаго священника. Безцеремонный патеръ прислалъ къ старухѣ письмо, въ которомъ писалъ: „jeżeli poprosisz russkiego popa dla wyprowadzenia ciała córki ze wsi; to ja go nieprzyjmę do swego koscielnego cmentarza“ (кладбища). Старуха со слезами показала мѣстному священнику это письмо и попросила у него извиненія, что слишкомъ поторопилась пригласить его для печальной церемоніи, отъ которой, по милости своего ксендза, должна теперь поневолѣ отказаться. Что за чудовищная злоба! Когда она уймется, чего она хочетъ достигнуть?... По всему видно, что патеры главнѣйшія пружины которыми поддерживается, продолжается разъединеніе, разобщенность между православными и папистами въ то время, когда по свидѣтельству опыта сами р. католики, а особенно бѣдная шляхта, желали бы, при своихъ религіозныхъ требахъ, сближаться съ православною обрядностію. А патеры, помраченные фанатизмомъ, не только портятъ дѣло миролюбія, но не упускаютъ и малѣйшихъ случаевъ къ возженію средневѣковой нетерпимости въ сердцахъ своихъ пасомыхъ.

Еще интереснѣе медаль съ другой стороны. При всей фанатической ненависти къ православію, къ его храмамъ и священникамъ, которыхъ о. З поноситъ при каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ, онъ, какъ увидимъ, любитъ заниматься и услаждаться обычною, римскою мечтой пріобрѣтать прозелитовъ папизма въ окружающей его православной средѣ. Этотъ миссіонеръ вздумалъ, словно на

новооткрытомъ островѣ океана, населенномъ дикарями язычниками, вести свою пропаганду между простымъ православнымъ населеніемъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ этой миссіи. Вблизи г. У. расположено село Г. Вокругъ села и въ самомъ селѣ раскинуто много хорошихъ фруктовыхъ садовъ, между которыми уютится и садъ, или хуторъ, принадлежащій и патеру З. Сюда-то въ досужіе часы, патеръ часто пріѣзжалъ услаждать свой миссіонерскій духъ красотами мѣстности. Но видно красоты природы не долго занимали горячую душу патера; получивъ къ нимъ разочарованіе, онъ принялась искать другаго развлеченія. Мѣсто гулянья и красивыхъ видовъ превращено, такъ сказать, въ боевую батарею противъ православія. Прикрываемый деревьями, патеръ повелъ дѣло своей прпаганды съ особеннымъ энтузіазмомъ. Подъ видомъ приглашенія на работы въ хуторъ до 6 душъ сельскихъ обывателей изъ правос. фамиліи К—ихъ, патеръ, на самомъ дѣлѣ, заманивалъ и привлекалъ ихъ собственно для совращенія въ католицизмъ. Чего тутъ не пущено въ ходъ для попранія св. праславной вѣры? какъ хотѣлъ патеръ, такъ и глумился надъ православіемъ, лишь бы потрясти его чистоту въ очахъ простыхъ, невѣжественныхъ людей. И мудрено ли сбить съ толку, съ пути истины простячковъ? Мудрено ли опутать ихъ сѣтями ловкихъ и рѣзкихъ софизмовъ? Само собою, невѣжество селянъ не устояло противъ частыхъ и продолжительныхъ іезуитскихъ аттакъ патера: простодушные попали въ сѣть пропаганды, поддались разнымъ обольщеніямъ и приманкамъ миссіонера. Какъ намъ приходилось слышать отъ лица, вполнѣ знающаго это злокозненное дѣло, ксендзъ всего болѣе подѣйствовалъ на простяковъ тѣмъ лживымъ аргументомъ, будто въ прежнія времена, на нашей мѣстности господствовала латинская вѣра; но она вытѣснена яко бы отсюда русскимъ правительствомъ, будто предки совращаемыхъ, дѣдъ и отецъ принадлежали къ р. костелу и состоятъ въ его записяхъ.

Вотъ вамъ и новый особенный іезуитскій маневръ къ совращенію съ православія невѣжественныхъ душъ! Какъ бы то ни было, но только дѣло о совращеніи ксендзомъ въ католицизмъ до 6 душъ православныхъ, по рапорту священника села. Г., пошло на судъ к. консисторіи. Но чтоже? Правда, строго предписано ксендзу оставить свою затѣю и впредь не возобновлять ея, подъ опасеніемъ преданія

суду; но ожесточенный противъ православія патеръ до того напиталъ своихъ прозелитовъ ядомъ латинства, что они, бывъ приглашаемы священникомъ на усовѣщаніе, съ упрямствомъ повторяли однѣ и тѣже фразы: „наши предки были латинскаго обряда, и мы должны быть такими же. Если намъ не позволятъ исповѣдываться у ксендза, то мы не будемъ и у васъ". Не знаемъ о дальнѣйшемъ результатѣ ксендзовской пропаганды; но только сказывали намъ, что ксендзъ, изъ подтишка, изъ за вѣтвистаго дерева, подъ покровомъ вечернихъ сумерковъ безпощадно искореняетъ остатки прежней вѣры въ сердцахъ своихъ тайныхъ собесѣдниковъ, новыхъ прозелитовъ папства, и что ихъ нужно считать погибшими для православія.

Какія жалкія явленія! Откуда такая энергія у ксендза, откуда такая дерзость? Минуя всѣ историческія и догматическія условія, которыя конечно, много придаютъ фанатическаго энтузіазма патеру З., нѣтъ ли ближайшихъ, современныхъ, скрытныхъ причинъ, которыя такъ много распаляютъ нашего патера съ братіею? Въ Рус. Вѣдом., отъ 28 апрѣля, мы прочитали: „папа злобствуетъ на Россію, изрыгаетъ на нее хулы и проклятія, благословляя поляковъ на дальнѣйшія усилія продолжать рѣзню, изувѣрства, революціи. „Вотъ тутъ-то и весь секретъ?! Если голова больна, растроена, то что сказать объ остальныхъ членахъ! Могутъ ли и они, вмѣстѣ съ нею, не хворать, не юродствовать? Но больные члены организма часто излѣчиваются припарками, натираніями, обливаніями. Нашъ патеръ до того уже наэлектрызовался, до того разогрѣлся въ нашей атмосферѣ, что, право, не мѣшало бы ему переселиться въ болѣе свѣжую и прохлаждающую атмосферу, которая умѣрила бы слишкомъ раздражительные безпокойно бьющіеся нервы патера З. Не самое ли лучшее это для него лекарство? Кажись, что такъ!

Православный Священникъ.

Г. У. 30 мая 1864 года.

ИЗЪ АВГУСТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Письмо II).

«Удрученный нашей крестной
«Всю тебя, земля родная
«Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
«Исходилъ, благословляя».

Положеніе крестьянъ во время явнаго бунта помѣщиковъ въ августовской губерніи стало не легче, чѣмъ въ люблинской. Помѣщики въ особенности яро преслѣдовали русское населеніе, считая его, не безъ основанія съ *польской* точки зрѣнія,—наиболѣе измѣнническимъ. Но покорность, такъ свойственная русскимъ, но русское терпѣніе и догадливая уступчивость—въ чемъ-можно,—ни мало не помогали дѣлу, ни мало не улучшали отношеній крестьянъ и вообще простолюдиновъ, къ шляхтѣ и урядникамъ. [1]) Чѣмъ, кажется, уступчивѣе и покорнѣе были первые, тѣмъ требовательнѣе и злѣе дѣлались ясновельможные, поддерживаемые властями, которымъ выгодно было усиленіе мятежа и протягиваніе его усмиренія на возможно долгое время. Подкупъ—достаточно объясняетъ это жалкое поддержаніе бунта людьми, по видимому, призванными на утѣшеніе всякаго непорядка и непокоя. Не разъ подкупленные крамольники, ложно присягавшіе на вѣрную и безкорыстную службу русскому царю и отечеству, предавали суду и гибели неповиннаго крестьянина, еврея, или мѣщанина, доносившаго на помѣщика или указывавшаго на складъ оружія и мѣстопребываніе помѣщичьей вооруженной челяди.

«Свѣжо преданіе [2]), а вѣрится—съ трудомъ.» Боясь впасть въ голословное обвиненіе, я привожу одно мѣсто случайно мною прочитанной бумаги, писанной здѣшнимъ начальникомъ жандармской команды, капитаномъ Будагоскимъ къ г. Менгдену.

Вотъ это замѣчательное мѣсто. Бумага означена *23 февраля 1863 г. Сувалки.*

«Чтобъ уничтожить показанія Василія Борисова и Яблон-

---

[1]) Такъ называютъ крестьяне чиновниковъ.

[2]) Если только можно это преданіемъ назвать.

скаго, войтъ ложно обвинилъ ихъ въ разбоѣ и они содержатся подъ арестомъ (въ Кальваріи), не смотря на то, что всѣ крестьяне свидѣтельствуютъ объ ихъ невинности. Чрезъ это, крестьяне, видя несправедливость и не находя защиты у военнаго начальства, теряютъ довѣріе къ правительству и не только ни одинъ изъ нихъ не рѣшится уже обнаружить когда либо о злоумышленныхъ дѣйствіяхъ обывателей, но, изъ боязни подобной мести, едва ли не согласятся принять участіе въ мятежѣ, разсчитывая болѣе на силу и покровительство гражданской власти мятежниковъ. Вслѣдствіе сего. нахожусь вынужденнымъ, представляя В. П. показаніе крестьянъ, просить, если поступки г. Летовта и ксендза Дайлода найдете маловажными, по крайней мѣрѣ защитить арестованныхъ крестьянъ отъ претерпѣваемаго (ими) наказанія за одну преданность государству.»

Уже по возсоединеніи августовской губерніи съ областями, въ составъ которыхъ она прежде входила, разсмотрѣно, какъ слѣдуетъ, это дѣло. Ксендзъ Вайлода, подговаривавшій въ церкви крестьянъ къ бунту и войтъ Летовтъ, дѣлавшій насильственно наборъ и вооружавшій крестьянъ, а потомъ, какъ бунтовщиковъ, засадившій въ тюрьму тѣхъ изъ нихъ, которые первые открыто воспротивились измѣнѣ,—наказаны, какъ разбойники.

Разсказывая о благородномъ поступкѣ г. Будогоскаго, не могу не объяснить, что, во время оно, такое заступничество было подвигомъ, а прямое исполненіе долга—доблестью гражданской... Измѣна была всюду. Подкупленныя власти не дремали и, изъ боязни донесеній, готовы были помогать мятежникамъ всѣми бывшими въ ихъ рукахъ способами и путями.. Г. Будогоскому не разъ грозили. Не разъ—только одно Провидѣніе спасало вѣрнаго слугу царя отъ ножа, или отравы.

Понятно, послѣ сего, что слова мои въ первомъ письмѣ (8 книжка Вѣстника) о любви народа къ военному начальству—русскому нельзя приписать ни заблужденію, ни желанію польстить.. Крестьяне полюбили начальниковъ не за ихъ личныя качества,—но привязались къ нимъ отъ полноты простыхъ сердецъ, какъ къ якорю спасенія.. Всѣ ихъ прошедшія навсегда, какъ думали они, горёванья и бѣды отъ ига иноземнаго, всѣ свѣтлыя надежды на лучшее будущее,—влекли ихъ къ представителямъ вѣрнаго народу царя,—который, думали они, не

предастъ ихъ полякамъ на прежнія мученія — за ихъ вѣрность ему.

Это то томительное желаніе избавиться отъ ига польскаго, эти то блаженныя, далекія мечты о возможности жить и управляться по русски и сдѣлали имя ген. Муравьева самымъ извѣстнымъ, самымъ чтимымъ именемъ въ простонародьѣ августовской губерніи; но горе бѣднымъ мужикамъ, если любимое начальство не озаботится о скорѣйшемъ избавленіи ихъ отъ гнета, отъ грозной отместки. Изъ за лисьяго хвоста «Нямецкой работы» (т. е. чёртовой, такъ говорятъ бѣлоруссы) уже показываются зубы волковъ, которые, по природѣ,—отчего *не хотятъ* многіе этого понять,—по природѣ паны, по природѣ въ лѣсъ глядятъ, сколько ни ласкай ихъ уступками, сколько ни корми ихъ русскою кровью.

Чтобы объяснить, чего хотятъ крестьяне, такъ долго мучимые и такъ привязанные къ Царю, я долженъ ознакомить читателей «Вѣстника» съ положеніемъ ихъ въ августовской губерніи, совсѣмъ тѣмъ что они терпятъ, и объяснить, на сколько это возможно, почему продажныя власти губятъ ихъ болѣе, чѣмъ самые безчеловѣчнѣйшіе изъ пановъ.

Польскій языкъ признается въ августовской губерніи господствующимъ, правительственнымъ языкомъ. Указы Царя, распоряженія намѣстниковъ, передаются крестьянамъ на польскомъ языкѣ, на языкѣ ихъ враговъ и губителей и—враговъ Царя, пытающихся погубить его лестью и извѣтами.

На проклинаемомъ сословіемъ языкѣ—совершается богослуженіе, ведутся церковныя книги, учатся дѣти отступничеству, вѣроломству и клятвопреступничеству.

Правосудіе беззаконнаго суда шляхетскаго совершается на польскомъ языкѣ. Приговоры войтовъ, наряды и повѣстки— на томъ же языкѣ, ненавистно звучащемъ въ ушахъ простаго, вѣрнаго человѣка русскаго—надъ Ветою и Черною Ганжею, также, какъ и надъ Вислой, Вѣпремъ или Днѣстромъ.

Горькую чашу—да милуетъ она все наше бѣдное отечество,—приведётся до дна испить несчастнымъ мужикамъ августовскимъ, чашу—предательствомъ подносимую, полную отступничества, вражды, непримиримой ко всему, что свято чтили отцы,—если Царь освободитель не сниметъ оковъ съ рукъ и ногъ русскаго человѣка, не сброситъ ярма, давящаго шею его,

не скажетъ: «довольно!» льстецамъ, наушникамъ и иноземцамъ, продающимъ русскую землю.

Недаромъ крестьянство наше не любитъ нѣмцевъ. Замѣчательно, что и чорта они называютъ неиначе, какъ только нѣмцемъ, началомъ всякаго зла и силою зла.

Нѣмцевъ въ августовской губерніи населилось до 30,000 душъ и населеніе ихъ дѣлается правильно, постепенно, обдуманно. Болѣе всего они селятся въ маріампольскомъ уѣздѣ и, какъ извѣстно, въ сѣверной части ковенской губерніи, прилегающей къ Курляндіи.

Не знаемъ, имѣютъ ли въ виду нѣмцы отмѣтить весь сѣверъ нашей и ковенской губерніи и тѣмъ соединить еще болѣе Курляндію и всё Поморье со своимъ предполагаемымъ нѣмецкимъ Піемонтомъ,—но дѣло подвигается, при всей постепенности и неторопливости, весьма успѣшно и быстро, такъ что даже паны, приходящіе тогда въ отчаяніе за свою *благородную* sprawu,—не могутъ скрыть злобной радости, когда говорятъ: «Nie będzie tu Rossyi.. Jedno—lub Polska, lub Niemcy!»

О томъ положеніи, которое приняли нѣмцы колонисты, дворяне и чиновники въ мятежѣ помѣщиковъ, я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ, ибо знаю о нёмъ нѣкоторыя подробности, имѣя друзей нѣмцевъ ополяченныхъ и нѣмцевъ, какъ слѣдуетъ быть нѣмцамъ.. Однако не могу не замѣтить, что они весьма выгодное, не для Руси и Царя, но для себя и своего нѣмецкаго будущаго отечества—приняли положеніе такъ, что оправдываютъ *русскую* правду: «Рыбакъ рыбака видитъ изъ далека», или нѣтъ, лучше: свой—своему по неволѣ—помогаетъ..

Печально положеніе крестьянъ, положеніе совершенно одинакое и безпомощное и теперь. Указъ 19 февраля, не много обѣщающъ былъ,—какъ ни радостно принятъ былъ крестьянами,—не въ состояніи оказался ни осчастливить крестьянства, ни оградить его отъ утѣсненій крамольниковъ. Помѣщики и продажныя власти погубятъ до конца холопское сословіе, если не будутъ введены въ нашей губерніи русскіе законы и если не введётся у насъ русское просвѣщеніе.

Болѣе всего, конечно, въ настоящее время, занимаетъ наше общество крестьянское, русское, по преимуществу, дѣло. Понятно, что мы внимательно слѣдимъ за дѣйствіями враговъ

и что иногда удается намъ узнавать ужасы, способные убить въ русскомъ человѣкѣ всякую вѣру въ будущее любимаго нашего, отовсюду угрожаемаго и близкаго къ погибели отечества,—къ погибели неминуемой, если во время не спасётъ его твердою рукою Царь, если не задушитъ иноземную крамолу—Освободитель.

Вопросъ о покупкѣ здѣсь великороссами имѣній, къ сожалѣнію, не нашелъ сочувствія въ шайкѣ ополяченно-православной. Одинъ изъ поляковъ russkiej wiary хочетъ попытаться бросить тѣнь на дѣло и, если удастся, помѣшать составленію обществъ для пріобрѣтенія земель въ сѣверо-западной и юго-западной Руси. Какъ онъ или она [1]) это сдѣлаютъ, не знаемъ, пока, ничего. Не броситъ ли онъ камень въ свой огородъ.. Дескать, изъ за позорной прибыли хотятъ пріобрѣтать, лучше, да, помѣшайте имъ, а мы составимъ кружки. Поляки и жиды дадутъ деньги,—мы и пріобрѣтёмъ не имѣнія, что пустяки,—а кое что за свое имя,—и поляки останутся господами края по старому. И всё пойдётъ по старому,—а намъ это выгоднѣе всякаго *окончательнаго* возстановленія Руси, или обращенія помѣщиковъ—изъ поляковъ въ русскихъ,—изъ крамольниковъ, враговъ Царя—въ гражданъ, сыновъ отечества.

Посмотримъ, что будетъ, но поляки вездѣ трубятъ усердно, что общества, составляемыя въ Великоруссіи, не будутъ имѣть успѣха при покупкѣ имѣній.

Вездѣ то и все-то думаетъ всякій о своемъ карманѣ,—а бѣдная земля наша стонетъ во вражьей рукѣ. Неужели же вновь брошены будутъ крестьяне на жертву. Неужели войску русскому приведётся усмирять Русь.. А крестьянство уже снова начало удерживать свои стоны и жалобы, боясь друзей и враговъ.. А паны неустанно проповѣдуютъ, что Царь далъ слово оставить за ними августовскую губернію.. Что крестьяне, только соединясь съ панами и нѣмцами и возставъ противу Царя, сдѣлаются и сами панами богатыми и вольными.

Сейчасъ получили мы извѣстіе изъ Ломжи, что 1-го іюня приведены были къ присягѣ на вѣрную службу вновь избранные войты, лавники и солтысы 21 волости ломжинскаго уѣзда. Сна-

---

[1]) Шайка эта велика. Сила ея—въ Вильнѣ.

чала отслужили крестьяне молебенъ за Царя-Освободителя, въ котораго вѣру, пока еще, паны неуспѣли убить въ нихъ.

Но торжество было—торжествомъ пановъ, а не народа. Крестьяне молились горячо за Царя, за свое и его спасеніе, но были задумчивы, сдержаны,—такъ они были не передъ началомъ открытаго матежа помѣщиковъ, когда они убѣдились, что не вѣрности Царю требуютъ отъ нихъ всѣ.

О предполагаемомъ въ Гроднѣ обществѣ распространенія русскаго просвѣщенія въ гродненской и августовской губерніяхъ,—замолкли. Очень и очень жаль. Намъ всё еще не хочется вѣрить, что бы не нашли тамошнія власти удобнымъ учредить, или, лучше сказать, допустить учрежденіе такого общества. Не возьметъ ли насъ подъ свое высокое покровительство учреждаемое, при дѣятельномъ, говорятъ, содѣйствіи тамошняго губернатора г. Панютина, виленское братство? Впрочемъ, не смотря на участіе въ этомъ дѣлѣ такой особы, дѣло, говорятъ, не подвигается и мы долго останемся безъ отвѣта...

С. Инеумовъ.

15 іюня 1864 г.
Сувалки.

Оселъ—резонёръ.

(Басня).

Существенный характеръ всѣхъ Ословъ
Есть—совершенная безхарактерность.
Ни мысли собственной, ни пары умныхъ словъ
Не можетъ выдумать ослиная степенность;
Но за другими вслѣдъ они всегда мычатъ,
И резонёрствуютъ, и спорятъ, и кричатъ.—
Одинъ такой Оселъ, порядочнаго чина,
Хоть, впрочемъ, всё-таки тупоумный дѣтина,
Съ визитами пустился по лѣсамъ,
Дабы толкнуться здѣсь и тамъ
Для поддержанія знакомства и пріязни.
Вездѣ съ достоинствомъ, прегордо, безъ боязни
Умѣлъ явиться онъ,—разшаркаться умѣлъ,—

Вездѣ глубокомысленно сидѣлъ;
Но надо-жъ что-нибудь и говорить при этомъ:
Вотъ этимъ-то предметомъ
Оселъ похвастаться не могъ уже никакъ!—
Ну—размышляетъ онъ—вѣдь я же не дуракъ,—
Начну—тка говорить, о чемъ у насъ болтали
Въ лѣсу недавно волки и шакалы;
И началъ онъ: «скажу я новость вамъ,—
Что истина и честь не такъ поняты нами,
Какъ надо понимать ихъ намъ:
Ни истины, ни чести абсолютной
На свѣтѣ нѣтъ!
А если въ головѣ какой-либо безпутной
Еще понятіе объ этомъ всемъ живетъ,
Такъ это—призракъ, ослѣпленье!
Что нынче истина, то завтра—заблужденье!
Сегодня честнымъ васъ зовутъ,
А завтра вы—первѣйшій плутъ!
Все относительно на свѣтѣ!

Ну, хоть бы, на примѣръ, объ этомъ васъ предметѣ
Позволено было спросить,—
Чтобъ только васъ не оскорбить:
Волынскіе лѣса, подольскія селенья,—
Скажите—ка: чьи это все владѣнья?
Какое имя имъ приличнѣй дать?
Ну, какъ назвать ихъ—Польша, иль Россія?
Найдутся ли у васъ права какія
Всю эту сторону россійскою назвать?
Хе, хе, хе, такъ-то все у насъ на свѣтѣ...»

Хозяинъ, выслушавъ Осла,
Не позаботился ужъ объ отвѣтѣ,
Но просто — выгналъ отъ себя
Оратора съ предлинными ушами;
А надо молвить, истину любя:
Такихъ ораторовъ есть много между нами.—

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Циркуляръ кіевскаго военнаго губернатора уѣзднымъ исправникамъ.

Изъ дѣлъ губернскаго присутствія и полученныхъ мною донесеній, я ежедневно убѣждаюсь въ томъ, что подвѣдомственная мнѣ уѣздная полиція, не входя въ разсмотрѣніе причинъ неисполненія крестьянами своихъ обязанностей, часто прибѣгаетъ не къ указаннымъ въ положеніи постепеннымъ мѣрамъ и порядку дѣйствій въ отношеніи неплательщиковъ, а, пользуясь правомъ, предоставленнымъ для исключительныхъ случаевъ, требуетъ войска для принудительнаго исполненія своихъ рѣшеній.

Находя такой порядокъ дѣйствій противузаконнымъ и вреднымъ, я, на точномъ основаніи законовъ, предписываю подвѣдомственной мнѣ уѣздной полиціи принять слѣдующія правила къ неотступному руководству:

1. Полиція должна собственнымъ примѣромъ внушать населенію уваженіе къ существующимъ постановленіямъ.

2. Въ обращеніи съ народомъ она должна пріобрѣтать его довѣріе спокойнымъ, не запальчивымъ и строго-законнымъ образомъ дѣйствій.

3. Замѣшательствамъ и непорядкамъ, не заключающимъ въ себѣ преступленія и очевидно происходящимъ либо отъ незнанія крестьянами своихъ правъ и обязанностей, либо отъ сомнѣній и недоразумѣній, полиція не должна придавать значенія уголовнаго, а устранять непорядокъ разумными внушеніями и чтеніемъ на сходѣ подходящихъ къ случаю законовъ, объясняя ихъ, буде нужно, словесно по буквальному смыслу.

4. Къ болѣе строгимъ мѣрамъ приступать при очевидной необходимости и положительномъ обнаруженіи безпорядковъ преступнаго свойства.

5. Аресты производить только въ случаяхъ, указанныхъ ст. 14 и 15 нак. пол., передавая дѣло слѣдователю въ теченіи 24 часовъ. Обвиняемыхъ лицъ оставлять при полиціи, но въ острогъ не отсылать,

такъ какъ право это предоставлено наказами не полиціи, а слѣдователю.

6. Арестованныхъ не держать безъ допроса и безъ формальнаго объясненія причинъ задержанія.

Изложивъ за тѣмъ правила, которыми полиція должна руководствоваться въ отношеніи содѣйствія мировымъ учрежденіямъ и по праву требованія воинскихъ командъ, циркуляръ продолжаетъ: разъяснивъ полиціи ея прямыя обязанности въ отношеніи къ сельскому населенію, считаю нужнымъ обратить ея вниманіе на то обстоятельство, что законъ, установляя постепенность мѣръ взысканія, призналъ ихъ (кромѣ крайнихъ случаевъ) достаточными для пополненія недоимокъ. На полиціи лежитъ постоянно обязанность пріучать народъ не къ уступкамъ предъ появленіемъ матеріяльной силы, а къ сознательному и безпринудительному исполненію требованій закона. Ни отступленіе отъ общихъ правилъ, указанныхъ положеніемъ, ни преждевременное принятіе мѣръ, допускаемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ, не могутъ быть терпимы.

Инструкція для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ. Составленный, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, проектъ основныхъ правилъ, для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, внесенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе комитета гг. министровъ. Государь Императоръ, согласно положенію комитета, въ 8-й день мая сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Православными церковными братствами именуются общества, составляющіяся изъ православныхъ лицъ разнаго званія и состоянія, для служенія нуждамъ и пользамъ православной церкви, для противодѣйствія посягательствамъ на ея права со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ, для созиданія и украшенія православныхъ храмовъ, для дѣлъ христіанской благотворительности и для распространенія и утвержденія духовнаго просвѣщенія. 2) Братства учреждаются при церквахъ и монастыряхъ, съ благословенія и утвержденія епархіальнаго архіерея. 3) Каждое братство имѣетъ свой уставъ и можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на основаніи и въ предѣлахъ этого устава. 4) При учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть

сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе мѣстные обычаи. 5) Въ уставахъ братствъ могутъ быть излагаемы съ большею или меньшею подробностію, по желанію учредителей, цѣли учрежденія братствъ, обязанности, возлагаемыя на ихъ членовъ, условія, которымъ они подчиняются, и порядокъ исполненія или соблюденія этихъ обязанностей и условій. Но въ нихъ не можетъ быть постановляемо правилъ о такихъ взысканіяхъ или принудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приводимы въ исполненіе не иначе, какъ съ содѣйствіемъ правительственной власти. Равнымъ образомъ не допускается причисленіе къ предметамъ вѣдомства или занятій братствъ такихъ дѣлъ, которыя выходили бы изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго статьею 1-ю настоящихъ правилъ. 6) Желающіе основать или возстановить братство обращаются съ просьбою о томъ къ епархіальному архіерею и представляютъ проэктъ устава. Преосвященный, если найдетъ предположеніе правильнымъ, сообщаетъ проектъ устава, для соображенія, въ гражданскомъ отношеніи, начальнику губерніи, и, по полученіи его отзыва, утверждаетъ уставъ и разрѣшаетъ открытіе братства. **Примѣчаніе.** Уставы тѣхъ братствъ, кои были открыты до изданія настоящихъ правилъ, должны быть епархіальными начальствами сообщены для свѣдѣнія начальникамъ губерній. 7) Не допускается никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ для братствъ правилъ. Если бы оказалось нужнымъ что либо измѣнить или дополнить въ утвержденномъ уставѣ, то на измѣненіе и дополненіе испрашивается разрѣшеніе тѣмъ же порядкомъ, какъ на самый уставъ.

Изъ свенцянскаго уѣзда.—Виленской губ., свенцянскаго уѣзда, крестьяне сорокпольской волости, а равно казенные крестьяне свенцянскаго сельскаго общества, 19 мая собрались во множествѣ въ м. Сорокполѣ, гдѣ, по ихъ единодушному желанію, мѣстнымъ настоятелемъ кс. Волинскимъ, въ сослуженіи Коркожишскаго настоятеля кс. Цыбовича и въ присутствіи должностныхъ лицъ сельскаго общества, а также дворянства, совершена была божественная литургія и послѣ оной торжественное молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго дома. За тѣмъ отслуженъ былъ другой благодарственный молебенъ за здоровье главнаго началь-

ника края, начальствующихъ лицъ и всего русскаго воинства,—поработившихъ крамольниковъ и водворившихъ въ странѣ законность и спокойствіе. При чемъ ксендзомъ Волинскимъ произнесена была соотвѣтственная торжественности случая трогательная рѣчь, въ которой, говоря о милостяхъ, дарованныхъ крестьянамъ Царемъ-Освободителемъ, онъ внушаетъ имъ любовь и преданность къ Государю и проситъ вознести вмѣстѣ съ нимъ моленія о ниспосланіи благоденствія всему Августѣйшему дому. Потомъ, картинно разсказавъ о многознаменательныхъ трудахъ и заботахъ главнаго начальника края и храбраго русскаго воинства „и во время сна вашего бодрствовавшаго надъ вашимъ добромъ и оберегавшаго ваши жилища отъ злоумышленниковъ и извѣстныхъ негодяевъ“—призываетъ горячо молиться за нихъ.

По окончаніи богослуженія, устроенъ былъ общими издержками завтракъ, во время котораго сорокпольскій волостной старшина провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и всего Августѣйшаго дома, сопровождаемый продолжительнымъ и радостнымъ ура!— Потомъ провозглашены были тосты за здоровье г. главнаго начальника края, за русское воинство, за мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Ура долго неумолкало и до поздняго вечера въ кружкахъ крестьянъ слышались звуки русскихъ пѣсень, а наиболѣе—завѣтнаго гимна: „Боже, Царя храни!“. **(Вил. Вѣст.)**

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Епископъ сандомѣржской епархіи къ духовенству той же епархіи. 5-го мая (н. ст.) я получилъ отношеніе военнаго начальника сандомѣржскаго уѣзда. По смыслу распоряженія генералъ-лейтенанта Бельгарда 2, военнаго начальника радомской губерніи, усиливающаго предписанія военнаго положенія для поспѣшнѣйшаго прекращенія исчезающаго возстанія, я поручилъ духовенству ввѣренной мнѣ епархіи, въ первое воскресенье по полученіи настоящаго посланія—обратиться къ народу въ духѣ успокоенія и укрощенія этихъ несчастій, которыхъ мы теперь свидѣтели, и которыя могли бы еще усилиться, если бы помянутый приказъ не исполнялся. Не желая принимать на свою голову крови, которая должна была бы пролиться, призываю духовенство въ первое же воскресенье обратиться къ наро-

ду съ словами: Любезные братія! Столь долго уже были мы свидѣтелями несчастія, терзающаго нашу землю. Шестнадцать мѣсяцевъ длится неровная борьба, страшное кровопролитіе не прерывается, и съ каждымъ днемъ на насъ падаетъ новое несчастіе. Ужасно мы согрѣшили и провинились передъ Богомъ, если Онъ такъ тяжело насъ караетъ. Если всегда нужна молитва христіанину, то нынѣ она необходима. Объявленъ уже намъ и всѣ мы знаемъ военный приказъ новаго военнаго начальника. Какъ видите, онъ содержитъ въ себѣ строгія наказанія, которыя, если бы они были примѣнены, наполнили бы глаза наши слезами. Угрозы эти не суть только угрозы, но дѣйствительность: доказательствомъ тому повѣшеніе въ Опатовѣ 6-ти преступниковъ. Любезные братья! Мы, яко пастыри душъ, не можемъ быть равнодушны къ несчастіямъ, испытываемымъ народомъ; мы должны внушать ему, что, не желая ему несчастія, не желая принимать на свою совѣсть упрековъ въ несчастіяхъ, постигнувшихъ вашихъ братьевъ, во имя разума, по нашему призванію, обращаемся къ вамъ: воспользуйтесь распоряженіемъ военнаго начальника, пока еще есть время. „Кто любитъ опасность, въ ней же и погибнетъ“, говоритъ св. писаніе. Не возможно такъ добровольно гибнуть. Жизнь наша принадлежитъ Богу; нельзя такъ пренебрегать ею, тѣмъ болѣе, что несчастіе одного подвергаетъ отвѣтственности всю окрестность. Во имя человѣколюбія и разума, обращаемся ко всѣмъ, продолжающимъ безполезное сопротивленіе и поддерживающимъ безпокойство и несчастія края, добровольно предайтесь на милость Государя Императора. Начальникъ удостовѣряетъ и обѣщаетъ, что кара ваша будетъ смягчена.

Всеподданнѣйшій адресъ духовенства сандомѣрской епархіи подписанъ въ Сандомѣржѣ 9-го (21-го) мая 1864 г.; на немъ 26 подписей духовныхъ лицъ. (Р. Инв.)

ИЗЪ ВИЛЬНО. Наконецъ наступила у насъ давно желанная, давно предвидѣнная минута полнаго умиротворенія края. Но какъ, быть можетъ, заявленіе это покажется многимъ нѣсколько несвоевременнымъ, ибо всѣмъ извѣстно, что въ нашихъ мѣстахъ давно уже господствуетъ совершенное спокойствіе, по этому считаемъ небезполезнымъ пояснить, что, не смотря на спокойствіе дѣйствительное и ненарушимое, были еще до сихъ поръ такіе симп-

томы, которые въ глазахъ опытнаго партизана, проходящаго край съ своимъ отрядомъ, могли служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы, располагаясь на привалѣ, разставлять въ сомнительныхъ мѣстахъ пикеты. Симптомомъ этимъ были существовавшіе по сю пору сельскіе вооруженные караулы, невольно напоминавшіе каждому проѣзжающему и проходящему, что есть еще въ странѣ что то такое, чего не существовало въ былые годы, въ мирныя времена, когда добрый человѣкъ шелъ не оглядываясь, а лихой бѣжалъ безъ оглядки.

Но въ настоящее время и этотъ признакъ минувшаго мятежа болѣе не существуетъ. Какъ видно хмѣль революціи изъ буйныхъ головъ выстрѣлялся за зиму окончательно. Польскій панъ убѣдился, что съ сельскимъ населеніемъ онъ не имѣетъ никакихъ общихъ политическихъ и народныхъ интересовъ, что русскою землею и русскимъ человѣкомъ онъ владѣлъ только временно, и ксендзъ такъ же точно убѣдился, что онъ плохой боецъ, безсильный врагъ, неловкій проповѣдникъ и дурной христіанинъ; польская шляхта въ свою очередь убѣдилась, что завѣтное „veto“ потеряло свое прежнее значеніе и силу, что „хлопы“ не составляютъ болѣе ихъ неотъемлемаго достоянія, что и хлопы имѣютъ право называться и быть людьми; крестьяне удостовѣрились, что они дѣйствительно свободны и собственники, т. е. навсегда перестали быть рабами прихоти панской, наконецъ и пресловутая польская коса потеряла свой кредитъ, какъ оружіе смерти, окончательно внесена была въ списки мирныхъ земледѣльческихъ орудій. Однимъ словомъ, многое, многое перевѣялось зимнимъ вѣтромъ, унеслось съ весенними водами и остыло подъ благотворнымъ анализомъ холоднаго разсудка.

Возвратимся однако-же къ сельскимъ вооруженнымъ карауламъ. Давно уже гроза беззащитныхъ мирныхъ поселянъ—шайки мятежниковъ, перестали появляться и неистовствовать; даже въ послѣднее время, одинокіе бродяги, грабившіе изрѣдка, во имя польской свободы и равенства, односелья и хутора, перестали появляться; наконецъ съ наступленіемъ лѣта, когда лѣса покрылись густою темною зеленью, луга зацвѣли, а въ травѣ зардѣлась лѣсная ягода, встрѣтилась необходимость обратить всѣ свободныя и сильныя руки къ болѣе производительному труду, а потому г. главный начальникъ

здѣшняго края, признавая возможнымъ распустить сельскую стражу, предложилъ циркулярно начальникамъ губерній сдѣлать надлежащія по сему предмету распоряженія, а оружіе, которымъ она была снабжена правительствомъ въ прошломъ году, сдать начальникамъ уѣздныхъ жандармскихъ управленій.

Между прочимъ въ ковенскомъ уѣздѣ, всѣ 24 русскія деревни, 22 іюня, сдали все находившееся оружіе, именно: 819 ружей, 15 пистолетовъ, 28 сабель и 2400 боевыхъ патроновъ—которое и доставлено въ Ковно для склада.

По этому случаю старшины русскихъ обществъ ковенскаго уѣзда представили г. главному начальнику края письмо, съ выраженіемъ ихъ благодарности, слѣдующаго содержанія:

„Тревожная година мятежныхъ неурядицъ миновала. Возвращая нынѣ ввѣренное намъ оружіе, мы, вѣрные люди русскіе, жители ковенскаго уѣзда, посылаемъ тебѣ, защитникъ нашъ и благодѣтель, глубокій земной поклонъ и усердное благодареніе за спасеніе насъ и всего края отъ губительной польской крамолы. Мы, наши дѣти, внуки и правнуки, будемъ творить за тебя и твой доблестный боярскій домъ непрестанныя молитвы, и своею преданностію нашему великому и преславному Государю, покорностію закону и повиновеніемъ властямъ, сохранимъ наше русское имя—во всей его чистотѣ“.

Праздникъ Преполовенія въ г. Каменцѣ-Подольскомъ.

Никогда почти не удавалось русскимъ жителямъ г. Каменца видѣть такую торжественную церемонію, какъ въ праздникъ Преп. 13 мая. Бѣдность и небольшое число православныхъ церквей города, въ сравненіи съ 6-ю великолѣпными костелами, богатство католическаго духовенства, преимущество польскаго населенія страны, отодвигало все русское на далеко задній планъ, а потому не мудрено, что нѣкоторые русскіе рѣдко посѣщали свои церкви, охотно слушали мессы (обѣдни) въ костелахъ и скупились удѣлить лепту на благолѣпіе православныхъ храмовъ. Недостатки церковной утвари, обветшалыя облаченія и рѣзкая картина бѣдности и какъ бы униженія и теперь еще проглядываютъ въ этихъ церквахъ, даже въ губернскомъ городѣ,

не говоря уже о церквахъ въ уѣздныхъ городахъ и особенно въ селахъ. Но послѣднія польскія смуты, или, вѣрнѣе, ихъ настоящее сумазбродство, принеся вредъ этому издавна безпокойному народу, открыло глаза благодушному русскому люду. Крестьянское же населеніе начало къ тому же новую эру съ манифеста 19 февраля, получило свѣжую жизнь. И дожила Подолія до тѣхъ дней, когда въ ней сталъ слышанъ говоръ чистый русскій, когда ей начали доказывать ясно, что она древнее достояніе Руси, когда русскій не стыдится своего имени и смѣло обращаетъ взоръ свой къ сторонѣ Москвы. Русскіе люди съ чистыми патріотическими чувствами стремятся сюда и будутъ современемъ служить неразрывною связью этого забытаго уголка съ главною частію Россіи. Счастливы русскіе въ Подоліи и тѣмъ, что судьба послала имъ пастыря—ясно сознающаго свое положеніе, вполнѣ понимающаго свое святое дѣло и готоваго на поддержку оживляющагося русскаго здѣсь духа. Вотъ почему и праздникъ 13 мая былъ отраднымъ для насъ днемъ и на долго останется въ памяти нашей.

Литургія въ этотъ день совершена была его преосвященствомъ въ церкви при архіерейскомъ домѣ,—отъ коей и начался крестный ходъ для водоосвященія, къ мосту на р. Смотричь. Духовная процессія съ священными хоругвями изъ всѣхъ православныхъ церквей города, крестами и образами, шествовала по базарной площади и почтовой улицѣ, по спуску—къ самой рѣкѣ. По пути слѣдованія процессіи разставлены были войска каменецкаго отряда: козаки, пѣхота, команды отъ артиллеріи и отъ мѣстнаго баталіона внутренней стражи. При прохожденіи процессіи къ ней присоединились знамена и музыка играла гимнъ: „Коль славенъ“. При погруженіи святаго креста въ воду и пѣніи псалма: „Спаси, Господи, люди твоя“—произведена пальба изъ орудій, а при возглашеніи многолѣтія Государю Императору и Царствующему дому—залпъ изъ всей батареи.

Нельзя было не восхищаться дивною картиною, представлявшеюся при водоосвященіи. Утесистые берега р. Смотрича были усыпаны народомъ, составляя раму картины; стройные ряды войскъ, духовенство въ бѣлыхъ ризахъ, хоругви и знамена были основаніемъ этой панорамы. Жаль только, что вся эта масса преимущественно состояла изъ простаго народа и военныхъ; жителей высшаго город-

скаго сословія и ихъ семействъ было мало замѣтно, такъ какъ день Преполовенія—день присутственный.

Нельзя не замѣтить, что изъ гражданскаго начальства на водоосвященіи никто не былъ,—тогда какъ на польскихъ духовныхъ процессіяхъ бывали, и бискупа подъ руку водили.

Ѳ. Же—овъ.

Объ евреяхъ и общественномъ ихъ образованіи въ юго-западномъ краѣ.

Мы отъ души благодаримъ тѣхъ изъ христіанскихъ нашихъ собратьевъ, которые, изъ любви къ роду человѣческому, занимаются разработкою еврейскаго вопроса въ Россіи вообще, энергически защищаютъ дѣло образованія евреевъ, серіозно пріискиваютъ средства къ распространенію его между ними и не безъ внутренняго, сердечнаго сожалѣнія отзываются о жалкомъ положеніи еврейскихъ училищъ, и указываютъ на необходимость улучшенія быта еврейскаго населенія.

Но при всемъ уваженіи, которое питаемъ къ подобнымъ личностямъ, при всемъ желаніи видѣть въ нихъ ходатаевъ въ дѣлѣ улучшенія гражданскаго быта нашего народа, мы должны сознаться откровенно, что въ воззрѣніи и взглядѣ на евреевъ вообще люди эти часто расходятся.

Они приписываютъ общій нравственный застой евреевъ различнымъ наружнымъ, кажущимся причинамъ, въ которыхъ, мимоходомъ скажемъ, хранится и доля правды, тогда какъ корень зла питается непримѣтнымъ вліяніемъ извнѣ, могуществу котораго народъ поневолѣ покоряется. Вліяніе это усиливается по мѣрѣ дѣятельности двухъ предводительствующихъ имъ вожатыхъ—цадиковъ и капиталистовъ.

Христіане смотрятъ на первыхъ, увлекающихъ невидимою силою за собою большинство, съ одной стороны, какъ на ничтожныя существа, недостойныя критики и проходятъ о нихъ молчаніемъ, съ другой цадикъ въ глазахъ христіанина является какъ неразгаданный іероглифъ, таинственный покровъ котораго онъ не отваживается поднимать. Ко вторымъ опять питаютъ они безграничное довѣріе, основывая его на совершающихся

фактахъ, говорящихъ, повидимому, въ пользу благонамѣренности капиталистовъ, ихъ безпристрастія и любви къ своимъ единовѣрцамъ.

Мы же, не обинуясь, скажемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе—дѣйствуютъ для собственныхъ выгодъ: цадикъ для пріобрѣтенія несмѣтныхъ богатствъ, роскоши, удовольствій; капиталистъ, владѣя несмѣтными богатствами, употребляетъ всевозможныя средства для достиженія громкихъ названій въ народѣ, для стяжанія всемірной чести, всемірнаго уваженія....

Народъ играетъ у этихъ господъ послѣднюю роль. Одни эксплуатируютъ его недальновидности, другіе пользуются его нуждою.

Указывая слѣпой толпѣ смотрѣть постоянно въ неизмѣримую, невѣдомую даль и заставляя ее не чувствовать подъ собою земли, цадики сами утопаютъ въ роскоши, излишествѣ и разныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ; рисуя ей розовое грядущее за пренебреженіе, питаемое ею ко всѣмъ общечеловѣческимъ познаніямъ, цадики пользуются благопріятною для нихъ дѣйствительностью и парализируютъ такимъ образомъ духъ народа. Капиталисты, для достиженія своихъ цѣлей, проектируютъ учрежденіе какихъ-то благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ своею задачею — распространять грамотность между евреями, поддерживать бѣдныхъ студентовъ, поощрять бѣдныхъ литераторовъ и вообще дѣйствовать для блага своихъ единовѣрцевъ.

Казалось, что отъ такихъ многознаменательныхъ обѣщаній можно было ожидать обильныхъ плодовъ. Едва ли. Обыкновенно результатомъ чрезвычайныхъ совѣщаній членовъ комитета, [1]) о дѣйствіяхъ котораго мы еще понятія не имѣемъ, ограничивается зачисленіемъ еще двухъ, трехъ студентовъ въ стипендіаты, приращеніемъ еще двухъ двадцатипятирублевыхъ членовъ. Цѣль правительства въ учрежденіи подобнаго комитета весьма благородна. Что же дѣлать, когда тѣ, отъ которыхъ зависитъ приведеніе въ исполненіе благихъ начинаній правительства, дѣйствуютъ всегда не безъ заднихъ мыслей... Словомъ,

---

[1]) Между тѣмъ отчетъ его напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

Ред.

цадикъ и капиталистъ въ стремленіяхъ своихъ—братья между собою, съ тою только разницею, что первый имѣетъ въ своемъ распоряженіи толпу, которая не въ состояніи подмѣчать всѣ фокусы, клонящіеся къ набиванію однихъ кармановъ его; другой, покровительствуя значительному меньшинству — бѣдному образованному молодому поколѣнію, думаетъ больше о чести, чѣмъ о сущности дѣла...

Мы любимъ свой народъ, мы вздыхаемъ о жалкомъ его положеніи, мы преданы ему душой и тѣломъ, не имѣя при томъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и потому уповаемъ, что слова наши, вылитыя прямо изъ сердца, найдутъ отголосокъ въ сердцахъ людей благомыслящихъ и будутъ считаться словами истины и правды.

Пора разбудить еврейскій народъ отъ летаргическаго его сна, пора разрушить шаткую основу его созерцаній, его воздушные замки, сулящіе ему небо, пора вырвать его изъ заколдованнаго круга, въ которомъ онъ, какъ опьянѣлый, не можетъ держаться на ногахъ и смотрѣть на жизнь и предметы нормально. Пора также освободить и молодое еврейское поколѣніе изъ подъ опеки капиталистовъ, которыми мы должны пользоваться на столько, на сколько фортуна сдѣлала ихъ для насъ полезными.

При развитіи, при надлежащемъ направленіи духовныхъ силъ, въ которыхъ еврейская нація недостатка не имѣетъ, послѣдняя могла бы быть полезной самой себѣ и своимъ ближнимъ. Гибкость и воспріимчивость ума еврея признаны болѣе ихъ компетентными судьями и не евреями.

Но пользуется ли въ сущности еврей своими способностями? Мальчикъ, одаренный матиматическими способностями, оканчиваетъ карьеру всегда ловкимъ прикащикомъ, умѣющимъ въ минуту сосчитать сколько, за такое-то количество аршинъ сукна, слѣдуетъ уплатить денегъ, рѣдко когда онъ попадаетъ въ аренду, гдѣ славится рохмистромъ. Еврей, долженствующій быть скульпторомъ, ограничивается рѣзчикомъ печатей; механикъ—часовыхъ дѣлъ мастеромъ или операторомъ гораменъ; живописецъ является въ народѣ писателемъ *мизрахомъ*, или такъ называемыхъ картинъ, помѣщаемыхъ у евреевъ на стѣнѣ, обращенной къ востоку, дабы чужой, вошедъ въ комнату, могъ знать, въ какую сторону обращаться съ молитвою. Литографы суще-

ствуютъ у насъ подъ именемъ *софоровъ*, писателей свитковъ св. писанія, или составителей отрывковъ изъ него нужныхъ для баретъ и дверныхъ косяковъ. Онъ на все способенъ, и ни къ чему не годенъ.

Больно видѣть, когда на глазахъ нашихъ дары, засѣянные въ человѣкѣ щедрою рукою Творца, гибнутъ безвозвратно въ самомъ зародышѣ. Это печальное явленіе тѣмъ рельефнѣе замѣчается у евреевъ, чѣмъ крѣпче будетъ онъ связанъ съ своимъ прошедшимъ, которое, лелѣя его воображеніе, заставляетъ его предаваться сладкимъ ожиданіямъ, уносящимъ его надъ дѣйствительностью. Сохранивъ въ основѣ свою національность, еврей долженъ во всемъ прочемъ слиться съ коренными обитателями страны. Способность эта, какъ факты доказываютъ, врожденная ему. Упорнымъ остается онъ только въ юго западномъ краѣ Но пора уже знать нашему еврею, что время чванства, дѣтской безсознательной гордости прошло для него. Со стороны туземнаго населенія онъ не только не угнетенъ, но радушно принятъ, терпимъ. Весь христіанскій міръ признаетъ обвиненія, которымъ нѣкогда подвергали его, ложными,—угнетенія, истязанія, испытанныя имъ, жестокими, несправедливыми, безчеловѣчными. Это одно признаніе должно воодушевлять его и, воодушевляясь, онъ доженъ подвигаться впередъ, а не гордиться и оставаться въ невѣжествѣ.

Успѣхъ еврейскихъ училищъ, вступающихъ во второе десятилѣтіе своего существованія, краснорѣчиво говоритъ въ пользу воспринимапія евреями элементарнаго образованія.

Хедери далече ушли въ тоже самое время: они породили сотни молодыхъ энергическихъ послѣдователей хасидисма,—а много ли могутъ училища насчитать еврейскихъ юношей, умѣющихъ читать и писать по русски [1]) и освобожденныхъ, по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ зловредныхъ наплывовъ, какихъ набирается еврейскій мальчикъ до десятилѣтняго своего возраста.

Нападки на безуспѣшность этихъ заведеній весьма различны. Одни обвиняютъ программу, назначенную для этихъ

---

[1]) Мы знаемъ нѣсколькихъ, статьи которыхъ помѣщались въ Сѣверной Пчелѣ и другихъ петербургскихъ газетахъ. Ред.

училищъ, другіе смотрителей, завѣдывающихъ ими, третіе учителей, окончившихъ курсъ наукъ, четвертые учителей, взятыхъ правительствомъ на время изъ сословія меламедовъ. Нѣтъ конца исчисленію причинъ.

Мы съ своей стороны прибавимъ, что програмы дѣйствительно не удовлетворяютъ любознательности еврея, что нѣкоторые смотрители, взятые изъ несозрѣвшихъ семинаристовъ, своимъ узкимъ воззрѣніемъ на жизнь и людей, въ самомъ дѣлѣ, успѣли, благодаря ихъ дѣятельности, поселить въ сердцахъ евреевъ отвращеніе къ училищамъ. Окончившіе же еврейскіе педагоги, вынеся изъ заведенія юныя силы, энергію, отвагу, изъ одного желанія быть преобразователями своей націи, встрѣчали на пути непреодолимыя для нихъ преграды и остыли; или же, за отсутствіемъ такта практической жизни, не попадали на свою дорогу, и вышло, что нѣкоторые изъ нихъ совершенно во всемъ потворствовали обществу, другіе вполнѣ отъ него удалились и въ обоихъ случаяхъ вліяли не благотворно на заведенія. Что касается переодѣтыхъ меламедовъ, то они ни больше, ни меньше, какъ меламедствовали въ званіи учителей. Къ сожалѣнію, скажемъ, Подолія и кіевская губернія изобилуютъ еще по нынѣ этими грамотеями...

Училища въ настоящее время, на сколько мы успѣли убѣдиться, не пользуются довѣріемъ евреевъ не потому, что не имѣютъ достойныхъ во главѣ представителей, не потому, что читается любой еврейскій предметъ юношею новаго покроя, а потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все еврейское населеніе состоитъ изъ однихъ ярыхъ фанатиковъ, не находящихъ вовсе никакой надобности въ элементарномъ образованіи. Такъ точно нѣкоторыя училища, своею многолюдностью, обязаны не одному усердію смотрителей, а процвѣтаютъ потому, что основаны на хорошей, воздѣланной почвѣ. Неудивительно, если въ какомъ нибудь Бердичевѣ, Могилевѣ на Днѣстрѣ училища набиты учениками. Нѣтъ слова, что это отрадное явленіе зависитъ и отъ усердія преподавателей, но пусть укажутъ намъ въ этихъ училищахъ, что гг. смотрители усердіемъ своимъ успѣли заманить хоть одного мальчика, отецъ котораго три раза въ годъ ѣздитъ къ почитаемому своему раввину. Тамъ, гдѣ находимъ десять цивилизованныхъ еврейскихъ семействъ, тамъ не

мудрено собирать, содѣйствіемъ благомыслящихъ, до 100 учащихся и болѣе. Но въ сравненіи съ остальною массою, цифра эта — нуль!

Мы не любимъ предаваться утопіямъ, созидать пылкимъ воображеніемъ неудобопримѣнимыя теоріи, не скажемъ, что поведеніе можно насильно навязывать народу, мы знаемъ, что народъ не такъ легокъ на подъемъ—особенно когда дѣло идетъ объ образованіи. При появленіи свѣта летучія мыши поднимаютъ шумъ, тревогу и разбѣгаются во всѣ стороны, чтобы какъ нибудь укрыться въ темныхъ уголкахъ.

Мы представляемъ глазамъ читателей вѣрный снимокъ еврейскихъ училищъ въ настоящемъ ихъ видѣ, за тѣмъ каждый согласится въ томъ, что, для ихъ процвѣтанія, необходимы коренныя существенныя мѣры, помощію которыхъ устранятся затрудненія къ достиженію цѣли правительства, устранится необходимость — требовать отъ молодыхъ педагоговъ быть миссіонерами просвѣщенія въ народѣ. Обстоятельство не весьма легкое. Довольно, если педагоги, при улучшеніи матеріальнаго ихъ быта, будутъ усердными преподавателями.

Въ началѣ евреи встрѣчали училища съ предубѣжденіями, стали требовать отъ нихъ того, чего учредителями ихъ не полагалось, коситься то на молодыхъ учителей, то на подчиненіе народныхъ учителей (меламедовъ) училищному начальству и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не посылали дѣтей своихъ въ училище.

Правительство за всѣмъ этимъ наблюдало и стало принаравливать училища къ духу и требованіямъ народа. Отмѣнило одно, исправило другое. Видя, что преподаваніе еврейскаго закона въ школѣ не въ желаніяхъ евреевъ, правительство предоставляетъ имъ свободу въ изученіи этого предмета, гдѣ угодно, въ какой мѣрѣ кто захочетъ. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ, зависимость меламедовъ отъ училищнаго начальства была также отмѣнена. Казалось, что для изученія однихъ общихъ предметовъ, они должны были бы послать дѣтей своихъ въ училище. Но не тутъ-то было. Воспользовавшись и тѣмъ и другимъ, еврей все таки не думаетъ объ элементарномъ образованіи. Дѣло вотъ въ чемъ. Для него все равно, будетъ ли руководствовать сына его. въ изученіи русскаго языка, человѣкъ, получившій образованіе, или отставной канцелярскій

писарь. Онъ учитъ его на столько, на сколько онъ могъ бы быть полезнымъ своему кабаку, своей лавочкѣ....

А для пріобрѣтенія нужныхъ ему познаній, къ чему ему школа? Большинство же нашего народа, вовсе не находя нужнымъ знанія отечественнаго языка, оставляетъ дѣтей безъ всякаго начальнаго общаго образованія. Такъ проходятъ десятки лѣтъ, поколѣнія за поколѣніями завѣщаютъ другъ другу остерегаться заманчивыхъ еврейскихъ школъ, не держать въ рукѣ книги, не писанной еврейскимъ языкомъ, — потомство же буквально исполняетъ завѣщаніе своихъ дѣдовъ.

Среди такой благопріятной обстановки, существуютъ эти разсадники просвѣщенія, долженствующіе по своимъ началамъ вошедшимъ въ ихъ основаніе, распространить первоначальную грамотность между евреями. Произвели ли они надлежащее свое дѣйствіе? Въ дѣлопроизводствѣ этихъ заведеній уже принято за правило бюрократизма исписывать цѣлые листы рапортами о несочувствіи народа къ заведеніямъ и о маломъ числѣ учащихся. Директоры съ своей стороны предписываютъ привлекать народъ силою убѣжденія, посредствомъ почетныхъ блюстителей, которые большею частью имѣютъ столь мало общаго съ училищемъ, сколько Пекинъ съ европейскимъ образованіемъ. Усердіе этихъ господъ оправдывается фактами. Такъ одинъ изъ нихъ, который, своимъ богатствомъ и вѣсомъ, могъ имѣть вліяніе на развитіе училища, при которомъ онъ былъ назначенъ, по окончаніи предполагаемаго имъ дѣла, распростился съ своимъ званіемъ. Пока сынъ его считался ученикомъ училища, онъ, отдавая дань справедливости, жертвовалъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ заведенія, занимался, интересовался имъ. Перешагнулъ сынъ его за порогъ школы, и этотъ молодой почетный блюститель, не долго думавъ, вышелъ въ отставку. Въ такомъ или другомъ духѣ дѣйствуютъ и прочіе евреи, разыгрывающіе роль представителей своего народа.

Мы полагаемъ, что народъ еврейскій въ настоящее время не имѣетъ никакихъ представителей; по крайней мѣрѣ, съ существующими въ дѣлѣ образованія онъ не имѣетъ ничего общаго. Да къ чему они ему въ этомъ отношеніи? У семи нянекъ дитя безъ глаза бываетъ! Онъ нуждается въ исцѣленіи душевнаго своего недуга и если больной не принимаетъ лекарствъ, то мы подчасъ заставляемъ его насильно проглотить

горькую пилюлю. Кстати приведемъ здѣсь слова ученаго галиційскаго еврея Іосифа Перля, посвятившаго всю жизнь благу своихъ единовѣрцевъ учрежденіемъ школъ и другихъ благотворительныхъ заведеній. Видя какимъ нападкамъ, нарѣканіямъ подвергается онъ со стороны толпы, жена однажды его спросила: »къ чему тебѣ эти учрежденія, оставь евреевъ въ покоѣ, вѣдь они страшно злятся на тебя«.—Тогда Перль хладнокровно сказалъ ей въ отвѣтъ:—»Когда дитя кричитъ и плачетъ, то не должны ли мы унимать его«? — Сказанное можемъ примѣнить въ настоящемъ случаѣ и къ нашимъ евреямъ. Спасеніе гражданской ихъ жизни зависитъ отъ одного образованія, цѣль и польза котораго на долго могутъ оставаться неузнанными евреями, если со стороны благодѣтельнаго правительства нашего не будутъ предприняты энергическія къ тому мѣры. Оно испытывало разныя легкія средства для склоненія евреевъ къ элементарному образованію, оно поощряетъ ихъ привилегіями и матеріальнымъ поддержаніемъ къ посѣщенію высшихъ учебныхъ заведеній. Не смотря на все это, элементарнаго образованія нѣтъ у евреевъ; цифра учащихся евреевъ въ гимназіяхъ юго-западнаго края весьма не отрадна.

Но что всего важнѣе, на что всего нужно больше обращать вниманіе — это то обстоятельство, что щедротою правительства пользуются только нѣкоторые отдѣльные евреи, а образованіе не проникаетъ во всѣ слои общества.

Чтобы пособить горю, нужно только остановить еврея въ его пустыхъ утопіяхъ и заставить его оглянуться на дѣйствительность, напомнить ему, что онъ не можетъ оставаться такимъ, какимъ онъ есть. Стоитъ только поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ принужденъ былъ позаботится о воспитаніи своихъ дѣтей. Обыкновенно въ жизни еврея повторяются завѣтныя, патріархальныя сцены. Преспокойно доростаетъ мальчикъ до шестнадцатилѣтняго возраста, возраста его оженія,—и онъ, въ свою очередь, выводитъ иной родъ, съ которымъ тоже поступаютъ, какъ поступали ихъ отцы и дѣды.

При такомъ положеніи дѣлъ, первоначальное образованіе, которое въ другихъ сторонахъ Европы бываетъ обязательнымъ, не можетъ безъ обязательства прозябать у евреевъ Россіи. Если бы каждый еврей долженъ былъ, при извѣстныхъ случаяхъ, отдавать отчетъ о своихъ первоначальныхъ познаніяхъ, то

непремѣнно постарается, не утруждая правительство многими хлопотами, пріискать средства для развитія у себя реальнаго элемента основаніемъ повсемѣстно ремесленныхъ училищъ, способныхъ спасти край отъ конечной бѣдности, постарается непремѣнно, чтобы въ существующихъ училищахъ не терялось по напрасну ни времени, ни денегъ. Тогда не нужно будетъ требовать, отъ молодыхъ педагоговъ, для привлеченія учащихся, потворствовать во всемъ толпѣ: училища сами будутъ переполнены учениками. Слѣдуетъ только, подобно Австріи, воспретить брачные союзы всѣмъ евреямъ безъ изъятія, если не заявлено будетъ ими свидѣтельства объ окончаніи курса наукъ элементарнаго учебнаго заведенія, или первыхъ трехъ классовъ гимназіи. — Тогда богатства, какія истощаются на удовлетвореніе прихотямъ народныхъ божковъ, обратятся въ пользу самихъ евреевъ.

Бѣдный классъ народа, который, отъ недостатка, тунеядничаетъ и проводитъ въ праздности свою жизнь, въ состояніи будетъ трудами заработывать насущный свой хлѣбъ, не падая никому въ тягость. Явятся полезные ремесленники и купцы, и аристократы, готовые, изъ одного безсознательнаго уваженія къ высокой своей генеалогіи, оставаться чуждыми общаго образованія, будутъ по крайней мѣрѣ знать свой отетечественный языкъ. Тогда наконецъ умолкнутъ нареканія, замолкнутъ жалобы на растлѣніе образованіемъ нравственности евреевъ, и въ молодыхъ педагогахъ, съ которыми придутъ тогда по необходимости въ большее соприкосновеніе, найдутъ евреи настоящихъ вожатыхъ на пути религіи, прогресса и цивилизаціи.

І. Бардманнъ.

Балта, 28 го мая 1864 г.

Процессъ познанскихъ поляковъ.

Изъ Allgemeine Zeitung.

Черезъ нѣсколько дней предстанутъ передъ государственнымъ уголовнымъ судомъ прусской монархіи 154 поляка, которые болѣе года находились подъ слѣдствіемъ. Процессъ приметъ весьма большіе размѣры; полагаютъ, что онъ продолжится шесть недѣль. Обвинительный актъ, на прочтеніе котораго при-

дется употребить не менѣе восьми часовъ, составляетъ въ печати довольно большую книгу. Корреспондентъ лейпцигской *Всеобщей Газеты* сообщаетъ изъ этого акта слѣдующее извлеченіе:

«Хотя съ достовѣрностью можно предположить,—сказано во введеніи къ обвинительному акту,—что демократическая партія польской эмиграціи, пытавшаяся въ 1846 году возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г. и въ 1848 завѣдывавшая мятежомъ въ познанскомъ герцогствѣ, въ слѣдовавшее за тѣмъ десятилѣтіе не только не забыла своихъ прежнихъ плановъ, но и не отказывалась отъ намѣренія исполнить ихъ, однакожь, только въ 1858 году сдѣлалось очевидно, что она возвратилась къ нимъ. Къ этому году относятся: основаніе въ Парижѣ періодическаго изданія демократической партіи; неоднократныя воззванія къ польскимъ эмигрантамъ, чтобъ они собрались въ Парижѣ и Лондонѣ; воззваніе лондонскаго революціоннаго союза, Якоба Магевскаго (Ревзи); празднованіе эмигрантами ноябрьскаго возстанія 1830 года. Безпрерывно усиливавшееся стремленіе Италіи насильственно добиться сліянія всѣхъ ея частей въ одно государство сильно расшевелило національныя чувства и желанія во всѣхъ частяхъ Польши, и взрывъ италіянской войны весною 1859 г. сообщилъ этимъ чувствамъ и желаніямъ новое напряженіе и новую пищу. Даже монархической партіи эмиграціи—приверженцамъ фамиліи князей Чарторыйскихъ въ Парижѣ—показалось, что наконецъ настала благопріятная минута, когда они могутъ выступить съ своими притязаніями, и возстановить польское королевство, при помощи французскаго вмѣшательства. Правда, неожиданное заключеніе Виллафранскаго мира не преминуло разочаровать ихъ; но они все еще надѣялись, что мирный конгрессъ европейскихъ державъ, который Франція нѣсколько времени предполагала созвать, доставитъ возможность примѣнить принципъ національностей и къ Польшѣ. Журналы, преданные Чарторыйскимъ, предложили, чтобы польскіе депутаты герцогства Познанскаго просили у конгресса помощи Польшѣ, и въ прусскихъ журналахъ (польскаго направленія) дѣятельно обсуждался вопросъ: принять ли это предложеніе, или не лучше ли будетъ, чтобы съ упомянутою просьбою обратилась къ конгрессу сама эмиграція. Въ празднованіи ноябрьской революціи (въ 1859 г.)

участвовала въ первый еще разъ и фамилія Чарторыйскихъ, и при этомъ было прочтено письмо князя Адама Чарторыйскаго, въ которомъ онъ требовалъ поддержки націи для себя и своей династіи, для своего сына и зятя, графа Дзялыньскаго. Болѣе практическаго и непосредственнаго успѣха, чѣмъ отъ обращенія къ конгрессу и дипломатіи, ожидала и надѣялась юная эмиграція, во главѣ которой стоялъ Лудвигъ Мѣрославскій, отъ дѣятельнаго участія въ предпріятіяхъ генерала Гарибальди, направленныхъ противъ южной Италіи, и потому, слѣдуя своимъ революціоннымъ влеченіямъ, многіе изъ членовъ этой партіи сражались въ Италіи и Неаполѣ подъ знаменами Гарибальди. Въ октябрѣ 1860 года, Гарибальди назначилъ Мѣрославскаго главнымъ начальникомъ польскаго легіона, который было тогда предположено сформировать.

«Весною 1861 года намѣревались открыть новый походъ противъ Австріи: польскій легіонъ назначался для того, чтобы возмутить румыновъ, славянъ и мадьяровъ, и внести войну въ самое сердце древняго польскаго королевства.

«Какимъ образомъ завязались потомъ сношенія между Мѣрославскимъ и движеніемъ въ Варшавѣ, видно изъ письма, захваченнаго австрійскими властями во Львовѣ у главнаго агента Мѣрославскаго, эмигранта Яна Куржины,—письма, съ котораго доставлена въ Берлинъ засвидѣтельствованная копія. Янъ Куржина показалъ, что письмо это онъ получилъ, какъ корреспондентъ варшавскаго центральнаго комитета, изъ Варшавы отъ одного изъ своихъ пріятелей, котораго имя отказался объявить. Не теряя бодрости отъ неудачи своей попытки сдѣлаться главою революціоннаго движенія въ Варшавѣ, Лудвигъ Мѣрославскій перемѣнилъ свою операціонную базу только въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ избралъ центромъ своей дальнѣйшей дѣятельности Галицію и Львовъ. Отсюда, тотчасъ по распаденіи первой организаціи, приступилъ онъ къ образованію новаго революціоннаго союза. Въ письмѣ изъ Парижа, отъ 18-го іюня 1863 года, которое подписано Лудвигомъ Мѣрославскимъ и однимъ изъ президентовъ комитета въ Галиціи, содержатся основы устава для этого новаго тайнаго революціоннаго союза, котораго главою былъ Лудвигъ Мѣрославскій, и исчислены условія, въ какихъ онъ договорился съ провинціальнымъ галиційскимъ комитетомъ. Главный комитетъ долженъ былъ имѣть

свое мѣстопребываніе внѣ предѣловъ польскихъ областей; провинціальному комитету въ Галиціи было поручено распространять національное движеніе въ Галиціи и учредить связь между имъ и движеніемъ въ другихъ польскихъ областяхъ; общее спеціальное завѣдываніе приготовленіями къ возстанію предоставлялось Лудвигу Мѣрославскому, который взялся дополнить вооруженіе для легіона, и обязался сноситься съ Яномъ Куржиною, которому поручены «политико-административныя» приготовленія къ возстанію. Повидимому, уже въ сентябрѣ 1862 г. центральный національный комитетъ въ Варшавѣ, пользуясь разными поводами, принялъ на себя титулъ и началъ предъявлять притязанія временнаго правительства всей Польши, и сообразно съ этимъ составлять для себя органы внѣ предѣловъ Царства Польскаго. Между тѣмъ какъ въ Галиціи Мѣрославскій избралъ для революціонныхъ организацій средоточіемъ Львовъ, въ Краковѣ сосредоточилъ свои усилія варшавскій центральный комитетъ. Здѣсь, сообразно съ его правилами, учредился верховный совѣтъ для Галиціи, который, по предварительномъ сношеніи съ варшавскимъ делегатомъ, подчинился, 15-го октября 1862 года, варшавскому національному центральному комитету, какъ временному правительству. Формальнымъ объявленіемъ, отъ 25-го ноября того же года, галиційскій верховный совѣтъ отказался отъ намѣренія самостоятельно произвести возстаніе въ Галиціи, и обѣщалъ соблюдать положеніе выжидательное и вспомогательное, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства созрѣютъ для открытія революціи во всѣхъ польскихъ областяхъ.

Національное движеніе въ прусской Польшѣ, до самаго возстанія 1863-го года, въ общихъ чертахъ своихъ, вѣрно выражало направленіе дѣйствій эмиграціи, имѣвшихъ въ виду низвергнуть сначала русское владычество, а потомъ приступить къ возстановленію и всего польскаго королевства. Пользуясь движеніемъ, возникшимъ при установленіи въ 1858 году регенства въ Пруссіи и послѣдовавшею за тѣмъ перемѣною министерства, поддерживаемые вліяніемъ католическаго духовенства на крестьянское населеніе и подкрѣпляемые отчасти сдѣлкою съ еврейско-нѣмецкими жителями, поляки успѣли выслать въ прусскую палату депутатовъ гораздо болѣе приверженцевъ національно-польской партіи, чѣмъ въ прежніе годы. Обвинительный актъ обозрѣваетъ парламентскую дѣятельность польской оппо-

зиціи въ берлинской палатѣ депутатовъ, организацію дозволенныхъ закономъ обществъ въ Познанскомъ герцогствѣ, административныхъ, училищныхъ, лингвистическихъ и т. д., и наконецъ переходитъ къ варшавскимъ событіямъ. Послѣ этихъ событій начинается національное движеніе въ Познани, проявлявшееся траурами и политическими празднествами. Наконецъ, національное движеніе прусской Польши вступаетъ въ прямое тайное общеніе какъ съ эмигрантами партіи Мѣрославскаго, такъ и съ варшавскимъ центральнымъ комитетомъ. Задачей такъ называемыхъ организаціонныхъ работъ было только подготовить почву для возстановленія самостоятельной, нераздѣльной Польши, безъ опредѣленія времени и ясной формы для этого, а заговоръ въ Познани долженъ былъ принять на себя непосредственное практическое исполненіе упомянутой задачи, приготовивъ общее возстаніе. Этому дѣлу преимущественно посвятилъ свою дѣятельность помѣщикъ и членъ прусской палаты депутатовъ, А. Гуттри. Нашли, что онъ наиболѣе способенъ къ этому. Въ числѣ писемъ, ему принадлежащихъ, захваченныхъ 28 го апрѣля 1863 г. въ домѣ графа Дзялыньскаго, находятся два препровожденныя къ нему письма, собственноручно писанныя Мѣрославскимъ, изъ Парижа, отъ 5-го іюня и 30-го іюля 1860 г., а также рекомендательное письмо для подателя, также изъ Парижа, писанное въ январѣ Первое изъ этихъ писемъ на польскомъ языкѣ и подписано псевдонимомъ: *Укротитель свиней*, а второе на французскомъ за подписью *вдова Этьенъ Дюмонъ*.

И въ томъ и въ другомъ письмѣ говорится объ отношеніяхъ эмиграціи къ Италіи, Венгріи, о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя будто даны полякамъ королемъ Италіи (*усачъ*), графомъ Кавуромъ (*умершій*) и Гарибальди (*герой*). И теперь, какъ въ 1844 году, А. Гуттри занимался, повидимому, сборомъ и высылкою денегъ для эмиграціи, такъ какъ въ первомъ изъ упомянутыхъ писемъ Мѣрославскій проситъ прислать 5,000—6,000 франковъ, и такъ какъ у Гуттри найдены квитанціи, одна въ полученіи посланныхъ еще въ 1861 году 1,400 талеровъ (5,785 франковъ) по указанному Мѣрославскимъ адресу, къ какому-то г. Делакуру въ Парижѣ, а другая отъ 17-го ноября 1862 г., въ полученіи 8,750 талеровъ (72,871 фран-

ка), препровожденныхъ къ старшинѣ парижской эмиграціи, Галиковскому.

На этомъ прерывается извлеченіе изъ обвинительнаго акта, сообщенное въ нѣмецкихъ газетахъ. По мѣрѣ появленія свѣдѣній объ этомъ предметѣ, мы не замедлимъ сообщеніемъ ихъ нашимъ читателямъ.

ЗАМѢТКА.

Конечная цѣль работы всякаго русскаго человѣка, призваннаго въ западной Руси [1]) сослужить великую службу землѣ— снятіемъ иноземнаго ига съ этого края,—далеко не достигнута. Работа можно сказать еще впереди. Власти сдѣлали свое дѣло, подавивъ *явное* возмущеніе; болѣе онѣ ничего не могутъ сдѣлать безъ дѣятельнаго участія русскаго общества въ новомъ, нравственномъ отвоеваніи западной Руси у поляковъ.

Трудна борьба, силенъ врагъ, но великъ Богъ земли русской: не погибнетъ западная Русь, пока отъ всего сердца и всею душей темная сила—великая сила мужицкая—предана Царю земному. Враги наши знаютъ это лучше насъ.

Отрекшіеся отъ народности и вѣры отцовъ, паны губили Русь,—воспитывая народъ въ духѣ ненависти къ родной землѣ и избравъ для проповѣдыванія слова Божія, по обряду западному, чуждый народу польскій языкъ. На сколько успѣли они въ своемъ замыслѣ, краснорѣчиво говорятъ кровавыя лѣтописи мученичества западной Руси. Избавить народъ отъ отступничества и отъ угнетенія отступниками мы будемъ въ состояніи только тогда, когда сознаемъ ясно, что *обязаны*, рано или поздно, воспитать народъ нашъ въ духѣ народномъ и дать ему возможность молиться по русски и на русскомъ языкѣ слышать слова спасенія и вѣчной истины.

Не будемъ забывать, что къ этому дѣлу должно приступить *теперь* нимало не медля, иначе близко время, когда сдѣлать это будетъ *поздно*. Темныя, грозныя тучи стоятъ еще надъ землею, десять вѣковъ стенящею.

---

[1]) Бывшее западно-русское или литовское великое княжество.

Оставляя до другаго раза рѣчь о проповѣдываніи на родномъ языкѣ слова Божія исповѣдывающимъ латинское католичество, я рѣшаюсь предложить на общественное обсужденіе одно практическое соображеніе по вопросу о воспитаніи. При обсужденіи этого дѣла совсѣмъ, кажется, ускользнуло, отъ общаго вниманія, обстоятельство, показывающее, какъ злоупотребляли своимъ преобладаніемъ и числомъ голосовъ въ гимназическихъ совѣтахъ ополяченные наставники.

Въ виленскомъ учебномъ огругѣ число учениковъ [1]) слѣдующее по губерніямъ:

а) *виленской:*

Въ виленской гимназіи	423
— свѣнцянской	155
— виленской прогимн.	217
— лидскомъ двор. уѣздн. учил.	32
	827

б) *минской:*

Въ минской гимназіи	253
— пинской	221
— новогрудской	194
— слуцкой	147
— мозырской	111
— бобруйскомъ двор. уѣздн. уч.	28
	954

в) *гродненской:*

Въ гродненской гимназіи	169
— бѣлостокской	159
— свислочской прогин.	89
— слонимскомъ двор. уѣздн. учил.	55
— брестскомъ	63
— дрогичинскомъ	29
	555

г) *ковенской:*

Въ ковенской гимназіи	214
— кейданской	145

[1]) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ поневѣжской	192
— шавельской	206
— тельшевской прогимназіи	103
— вилькомирскомъ дв. уѣзд. учил.	41
— россіенскомъ	76
	977
Всего . .	3,313

Изъ этого числа:

	Правосл.	Католич.	Лютеран.	Реформ.	Евреевъ.	Магомет.	Всего.
Казеннокоштн. . . .	7	8	1	—	—	—	16
Фундушев.	9	133	20	26	—	—	188
Стипендіат.	13	27	2	—	44	—	86
Воспит. приз. . . .	—	8	—	—	—	—	8
Внос. плату	323	1733	81	—	149	37	2323
Увол. отъ платы . .	230	385	21	—	53	3	693
Всего. . .	582	2294	125	26	246	40	3313

И такъ, православные учащіеся составляютъ едва $1/6$ часть общаго числа; а изъ числа казеннокоштныхъ, фундушевыхъ, стипендіатовъ и воспитанниковъ приказовъ, православные составляютъ одну десятую часть.

Гораздо болѣе благопріятныя отношенія, сравнительно съ православными, представляютъ ученики р. католики. А извѣстно, что господствующія здѣсь слои населенія католическо-польскія наименѣе нуждаются въ пособіи... Только польскому составу совѣтовъ можно приписать эту очевидную несправедливость въ назначеніи пособій.

Самые бѣдные слои населенія въ краѣ православные. Они наиболѣе нуждаются въ пособіи для образованія дѣтей и, конечно, должно обратить вниманіе на это. Въ настоящее время всѣ, безъ исключенія, дѣти православныхъ крестьянъ, мѣщанъ, солдатъ, чиновниковъ, учителей и лицъ духовнаго званія, могли бы быть освобождены отъ платы за ученіе. Пособія же должны

бы выдаваться преимущественно воспитанникамъ изъ низшаго темнаго слоя общества, такъ нуждающагося въ неведущемъ къ измѣнѣ просвѣщеніи и всѣмъ сердцемъ и всею душою преданнаго Царю-Освободителю.

Николай Виноградовъ.

«День» о современномъ фазисѣ польскаго вопроса въ западномъ и юго-зап. краѣ Россіи.

Москва, 27 іюня.

Говорятъ, кто-то сказалъ, что пресловутый польскій «народовый жондъ», изгнанный изъ Вильна и изъ Варшавы, пріютился гдѣ-то внутри Россіи. Разумѣется, это слово не болѣе какъ шутка, въ которой никто и не станетъ искать какого-либо правдоподобія, но нельзя не сознаться, что въ русскомъ обществѣ и даже въ литературѣ встрѣчается иногда цѣлый рядъ такихъ сужденій о польскомъ вопросѣ вообще и о западнорусскомъ краѣ въ особенности—сужденій повидимому благонамѣренныхъ, гуманныхъ, безпристрастныхъ и принадлежащихъ людямъ, искренно считающимъ себя патріотами,—что бывшему польскому жонду они, эти сужденія, были бы какъ разъ на руку. Польскій жондъ ни о чемъ такъ и не хлопочетъ въ настоящее время, какъ о томъ, чтобы воспроизвести на свѣтъ въ русскомъ обществѣ реакцію чувствъ, одушевлявшихъ его въ прошломъ году, и усыпить русскую бдительность сладкою пѣснью о благодушіи, примиреніи, справедливости... Польскій тайный жондъ все еще надѣется, что смазанныя елеемъ этихъ высокихъ чувствованій колеса нашей администраціи покатятся опять по старой торной колеѣ, которая такъ незамѣтно, такъ покойно ведетъ прямо къ цѣли, желанной жондомъ и вообще поляками. Надежда дерзкая и, разумѣется, не сбыточная, но поддерживаемая въ польской партіи нашими же русскими дешевыми гуманистами, безъ вѣдома конечно для нихъ самихъ и къ великому несчастію для поляковъ. Мы нисколько не думаемъ заподозривать этихъ гуманистовъ въ недостаткѣ патріотизма,—но не можемъ не упрекнуть ихъ въ слабости народнаго чувства, въ

неразвитости мысли вообще и сознанія своей русской національности. Мало быть россійскимъ патріотомъ,—надо еще быть вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Только слабымъ развитіемъ народности въ русскомъ обществѣ можно объяснить у насъ этотъ приторный, дешевый, салонный, фальшивый гуманизмъ, который спѣшитъ стяжать одобреніе Европы, разсыпаясь въ любезностяхъ предъ европейскимъ аристократическимъ ореоломъ польской знати, и готовъ ей, вовсе не гуманно, принести въ жертву милліоны грубой нецивилизованной *сволочи*—русскихъ мужиковъ. Вообще есть цѣлая среда въ русскомъ обществѣ, гдѣ «православіе» и «народность» считаются какимъ-то руссофильствомъ, мужикоманіею, однимъ словомъ чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ просвѣщеннымъ патріотизмомъ (un patriotisme eclaire) и съ либеральными требованіями нашего вѣка: среда, гдѣ всякое живое чувство и горячее убѣжденіе признаются вещью крайне некомфортабельною, неудобною, неопрятною, способною смять и привесть въ безпорядокъ тотъ тщательно справленный туалетъ—то накрахмаленное comme il faut «европейскаго человѣка», въ которое эта среда старается рядить не только тѣло, но и душу. При этомъ надо замѣтить, что европейскаго человѣка *вообще*, какъ *таковаго*,—als solcher, какъ сказали бы нѣмцы,—въ Европѣ не существуетъ: тамъ имѣются англичане, французы, нѣмцы, итальянцы и проч —типы живые, конкретные; этотъ же типъ, совершенно отвлеченный, созданъ только у насъ, въ безвоздушномъ или, вѣрнѣе, безнародномъ пространствѣ нашей извѣстной общественной среды. Вотъ на этихъ-то нашихъ «европейцевъ» и возлагаетъ въ особенности свое упованіе польское общество западнаго края, искусно играя на чувствительныхъ для нихъ струнахъ либерализма, гуманности, европеизма, и коротко вѣдая, какъ падки мы, русскіе, на всякую лесть, обращенную къ намъ, варварамъ, цивилизованною Европой... Можно было уже полагать, что мы наконецъ очнулись, что урокъ, заданный намъ польскимъ мятежомъ, врѣзался неизгладимо въ нашу память, что гроза, пронесшаяся надъ нами, разорвала въ куски сѣрую темь нашего облачнаго небосклона и озарила молніей и прорвавшимися лучами солнечнаго дневнаго свѣта—и бездну, на краю которой мы стояли, и позоръ нашихъ ошибокъ, нашего невѣжества, нашей лѣни, нашей вины противъ русской народности. И большинство русскаго общества дѣйствительно очну-

лось, но часть его,—и вовсе не маловажная по своему общественному значенію,—быстро оправилась отъ временнаго смущенія: ей очень легко и скоро отлегло отъ сердца и она снова проповѣдуетъ политику примиренія, т. е. политику стушевыванья, сглаживанья, замазыванья всѣхъ рѣзкихъ тѣней и слишкомъ видныхъ неровностей, и наведенія на нихъ общей глянцовитой политуры...

Къ такого рода проповѣди словомъ и дѣломъ—принадлежитъ и пресловутый банкетъ, данный въ Кіевѣ и описанный М. В. Юзефовичемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—банкетъ, на которомъ нѣкоторые торжествовали примиреніе русской и польской національностей въ Кіевѣ, не вѣдая въ слѣпотѣ, простотѣ и душевной пустотѣ своей, что этимъ самымъ утверждали право гражданства за *польскою* народностью въ *Кіевѣ!* Мы не знаемъ ни одного польскаго публициста,—ни одной печатной польской строки (а настрочили поляки цѣлыя горы всякихъ книгъ, книжицъ и книжонокъ политическаго содержанія), которая бы содержала въ себѣ отреченіе отъ ихъ наглыхъ притязаній усвоить кіевскую область польской національности. Этимъ притязаніямъ еще недавно, почти на дняхъ, данъ отпоръ русскимъ народонаселеніемъ края,—и вотъ въ виду этого-то народонаселенія, еще полнаго тревожныхъ и основательныхъ опасеній,—въ виду постоянно раскрывающихся польскихъ заговоровъ и козней,—фальшивая политика примиренія упрочиваетъ снова, уже было разбитую, позицію поляковъ, которые, какъ бурбоны, ни отъ чего не отреклись и ни къ чему новому не пристали [1]). Впрочемъ настоящая наша статья вызвана вовсе не кіевскимъ банкетомъ, а тѣми совѣтами русскимъ дѣятелямъ и повѣроч-

[1]) Впрочемъ, этой, дѣйствительно фальшивой, политикѣ слѣдуетъ только меньшинство кіевскаго русскаго общества, собственно такъ называемые гуманисты-космополиты; большинство же и администрація желаютъ и ищутъ не примиренія съ поляками, а умиротворенія страны и приведенія поляковъ, разными благоразумными мѣрами, къ сознанію, что они не хозяева, но гости на здѣшней русской территоріи и отличаютъ своею дружбою тѣхъ изъ нихъ, которые, не на словахъ только, но на самомъ дѣлѣ высказали это сознанье. Ред.

нымъ коммиссіямъ въ сѣверозападномъ краѣ, которые мы прочли на дняхъ въ одной петербургской газетѣ. Мы однакожъ необратили бы никакого вниманія на эти совѣты, если бы упомянутая газета не выдавала себя за органъ дворянства и high-life въ особенности, и еслибъ дѣйствительно въ этихъ строкахъ не слышался намъ—увы! слишкомъ знакомый голосъ, который воздвигъ столько помѣхъ и преградъ крестьянскому дѣлу внутри самой Россіи, а въ прошломъ году и на западной ея окраинѣ! Этотъ голосъ продолжаетъ и теперь пугать публику страшилищемъ соціализма и силится парализировать дѣятельность честныхъ людей, устремившихся въ западный край на служеніе дѣлу русской народности. Для среды, изъ которой исходитъ этотъ голосъ,—голосъ по видимому мудрости и благоразумія самаго дешеваго,—для этой среды принципъ аристократическій, принципъ патримоніальной власти, важнѣе принципа національности,—отвращеніе къ простонароднымъ массамъ сильнѣе отвращенія къ высшимъ слоямъ, отрицающимъ права нашей русской народности. Извѣстно, что теперешніе польскіе магнаты и аристократы, уроженцы западнорусскаго края, оправдываютъ измѣну своихъ предковъ православію и русской народности тѣмъ, что они испугались преобладанія грубыхъ необразованныхъ народныхъ массъ, а потому и предпочли тѣснѣйшее соединеніе съ національностію польской шляхты, носительницей просвѣщенія и аристократическаго духа. Съ такой же точки зрѣнія, конечно не отдавая самимъ себѣ въ этомъ отчета, смотрятъ и теперь тѣ наши русскіе, которые держатъ сторону польскаго помѣщичьяго класса въ западной Россіи потому только, что это классъ помѣщичій, «цивилизованный» и потому, что они, эти русскіе, пуще преобладанія польской національности, боятся призрака соціализма, созданнаго ихъ же собственнымъ воображеніемъ.

«Въ настоящее время—говоритъ газета *Вѣсть* въ передовой статьѣ 24-го №,—полное спокойствіе царствуетъ въ нашихъ *литовскихъ* (?) губерніяхъ. Польская агитація *навсегда* подавлена и русскій элементъ торжествуетъ». Приступъ по видимому совершенно благонамѣренный,—но самъ авторъ этихъ строкъ не можетъ не знать, что агитація подавлена только наружнымъ образомъ, что борьба настоящая, общественная борьба теперь только и начинается,—борьба православія и русской національности съ латинствомъ и полонизмомъ. Но авторъ для

того такъ громко и возвѣстилъ торжество русскаго элемента, чтобъ имѣть основаніе устранить всякой вопросъ о національностяхъ. «Теперь—продолжаетъ онъ—говоря о западномъ краѣ, рѣчь можетъ идти конечно не о мятежныхъ шайкахъ, а о вопросахъ, подлежащихъ мирному холодному разрѣшенію, вопросахъ, которые находятся въ рукахъ тамошней русской администраціи. Крестьянскій вопросъ, дѣятельность повѣрочныхъ коммиссій—вотъ о чемъ можно теперь говорить. Объ этой дѣятельности, къ сожалѣнію, носятся слухи далеко неутѣшительные. Говорится о пристрастіи чиновниковъ въ пользу одной стороны, въ пользу *низшихъ* классовъ населенія». Обвиненіе не только несправедливое само по себѣ, но и неправильно формулированное. Авторъ долженъ былъ бы выразиться такъ: говорится о пристрастіи чиновниковъ въ пользу *русскаго* народа, *русской* части населенія, потому что—не безъизвѣстно *Вѣсти*—*низшіе* классы, вмѣстѣ съ духовенствомъ, тамъ единственные представители русской народности. Публицистъ *Вѣсти* и ему подобные не хотятъ знать въ западномъ краѣ ни русскихъ, ни поляковъ, видятъ только низшіе и высшіе классы,—а что сочувствіе ихъ вездѣ и всюду принадлежитъ *высшимъ*—это они объявляютъ и печатаютъ постоянно. Мы же не хотимъ видѣть тамъ ни низшихъ, ни высшихъ классовъ, видимъ только русскихъ, которыхъ народность нѣсколько вѣковъ сряду подвергалась всяческому уничиженію, и поляковъ или ополячившихся туземцевъ, которыхъ польская національность, въ теченіи вѣковъ, незаконно преобладала въ русской землѣ надъ русскимъ народомъ, да и до сихъ поръ преобладаетъ, благодаря своему положенію, какъ класса высшаго и землевладѣльческаго. Для насъ лично, да вѣроятно и для всякаго русскаго, интересы русской народности, слѣдовательно простаго народа въ западномъ краѣ, стоятъ выше интересовъ польской національности и польскаго дворянскаго класса, пока дворяне не отреклись отъ польской національности, или, вѣрнѣе сказать—отъ ренегатства, совершеннаго ихъ русскими, не устоявшими противъ соблазна предками!

«Слухи эти должны имѣть дѣйствительное основаніе—продолжаетъ *Вѣсть*—если мы припомнимъ тѣ странныя фразы, которыми испещрена знаменитая записка г. Карпова». Эта записка помѣщена была въ 13 № *Дня*. Мы рады, если этотъ добросовѣстный, дѣльный трактатъ пріобрѣлъ знаменитость. Въ

этой запискѣ г. Карповъ разсказываетъ, съ какими трудностями приходится бороться членамъ повѣрочныхъ коммиссій, сколько терпѣнія, мужества, любви къ дѣлу и преданности убѣжденіямъ требуется отъ нихъ при повѣркѣ лживо-составленныхъ помѣщичьихъ уставныхъ грамотъ. Нельзя довѣрять цифрамъ крестьянскаго надѣла, показаннымъ польскимъ помѣщикомъ въ грамотѣ; необходимо измѣрить этотъ надѣлъ на мѣстѣ, а для этого необходимо членамъ коммиссіи обойти пѣшкомъ по болотамъ весь крестьянскій надѣлъ, разбитый иногда (какъ мы сами видѣли на планѣ) на тысячу кусочковъ для какихъ-нибудь 18 крестьянскихъ дворовъ. И польскіе помѣщики еще позволяютъ себѣ жаловаться на недовѣріе, на притязательность, на низкую оцѣнку! и русская газета еще вторитъ этимъ жалобамъ, въ ущербъ русскимъ крестьянамъ! Мы потому въ особенности не можемъ оставаться равнодушными къ этимъ нападкамъ *Вѣсти*, что несправедливыя жалобы польскихъ помѣщиковъ, повторенныя петербургскимъ эхомъ, уже много запутали дѣло и даже нѣсколько смутили дѣятельность мѣстной администраціи. Къ счастію, главный начальникъ сѣверозападнаго края, какъ намъ пишутъ, убѣдился въ неосновательности большей части жалобъ и въ справедливости доводовъ, представленныхъ ему коммиссіями. Но пойдемъ далѣе.

«Прежде строгость къ польскимъ помѣщикамъ со стороны русской администраціи—разсуждаетъ *Вѣсть*—имѣла совершенно справедливое основаніе въ причинахъ политическихъ. Но теперь, въ силу послѣднихъ событій, *причины эти не существуютъ.*» Какъ это? въ силу какихъ событій? вооруженнаго возстанія, вспомоществованія мятежу деньгами и вліяніемъ, сочувствія польскимъ замысламъ и солидарности съ ними? Какія же другія послѣднія событія разумѣетъ *Вѣсть*? Адресы дворянства и усмиреніе мятежа военною силою? Адресы, противъ которыхъ былъ опубликованъ протестъ польскою тайною прессою, — протестъ, который въ свою очередь *остался безъ возраженія* состороны подписавшихъ его помѣщиковъ!! Усмиренія мятежа—такое, однако, которое еще не позволяетъ снять военнаго положенія, и побудило еще на дняхъ прибѣгнуть къ учрежденію военнополицейскаго управленія даже въ разныхъ округахъ югозападнаго края!!

»Въ настоящее время — возглашаетъ авторъ разбираемой

нами статьи—въ западномъ краѣ уже нѣтъ болѣе поляковъ—поляковъ въ смыслѣ національности: остались одни только русскіе подданные, находящіеся подъ равнымъ покровительствомъ русскихъ законовъ!« Кого обманываетъ вѣстовщикъ *Вѣсти?* Развѣ самого себя, не болѣе. Онъ одинъ только расположенъ признать искомое за дѣйствительность, или потому, что вовсе не знакомъ съ дѣломъ, о которомъ пишетъ, или потому, что настоящія дѣйствительныя отношенія поляковъ и русскихъ въ западномъ краѣ не слишкомъ смущаютъ его народное чувство. »Остались одни только русскіе подданные« и пр.! Да два года, десять, двадцать лѣтъ тому назадъ развѣ было иначе? Развѣ не говорили и тогда, развѣ не имѣли вы законнаго основанія сказать и въ то время, что поляковъ нѣтъ, а существуютъ только русскіе подданные, пользующіеся равнымъ покровительствомъ русскихъ законовъ? Или два года, 10, 20 лѣтъ тому назадъ, поляки, по вашему, точно были, а теперь ихъ уже нѣтъ! Въ чемъ же разница? Куда же они дѣвались? Измѣнились развѣ поземельныя отношенія? Чѣмъ заслужили они отъ васъ, именно теперь названіе русскихъ? Тѣмъ развѣ, что недальше какъ вчера провозгласили этотъ русскій край польскимъ и возстали на русское владычество вооруженною рукою? Или же всѣ они внезапно переродилились, удостовѣрились въ своемъ историческомъ заблужденіи, повинились, покаялись, отреклись отъ польской національности и стали русскими, настоящими русскими? Или вы полагаете, что русскимъ быть не зачѣмъ, а достаточно быть русскимъ подданнымъ, чтобъ на этомъ основаніи пользоваться полнотою правъ гражданскихъ? Но если гдѣ либо особенно вредною оказывается эта доктрина, устраняющая значеніе народности въ государствѣ,—такъ именно въ приложеніи къ западнорусскому краю. Дѣло идетъ не о внѣшнемъ покореніи края русской державѣ, не о внѣшнемъ признаніи русской власти, а объ утвержденіи русской народности и православія въ русскомъ краѣ, испытавшемъ сильное, пагубное вліяніе латинства и полонизма. Въ этомъ и состоитъ теперь вся задача и русскаго правительства и русскаго общества. Это, кажется, ясно для всѣхъ. А между тѣмъ *Вѣсть* возглашаетъ ниже: »вопросъ (въ западномъ краѣ) идетъ совсѣмъ не о національностяхъ»!? Это же повторяютъ теперь на всѣ лады и поляки. Они только того и добиваются, чтобъ вопросъ о

національностяхъ былъ отложенъ въ сторону, чтобъ имъ дозволено было, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, сохранить въ краѣ преобладающее значеніе. Адамъ Чарторижскій, такъ много способствовавшій ополяченію западныхъ губерній, дѣйствовалъ не только какъ русскій подданный, но подъ покровомъ законной власти. Всѣ учителя западнорусскихъ гимназій, внѣдрявшіе чувство польской національности въ сердцахъ русскихъ дѣтей, были и есть русскіе подданные. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему смѣнять мировыхъ посредниковъ, исправниковъ, становыхъ, писарей, учителей—поляковъ? Оставить ихъ всѣхъ на мѣстахъ, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, по совѣту газеты *Вѣсть*, отдать весь край въ распоряженіе *высшимъ* туземнымъ классамъ! Вѣдь это классы помѣщичьи, классы *высшіе*.. Но это другими словами значитъ: бросить весь край на жертву польской пропагандѣ, подчинить всѣхъ русскихъ людей полякамъ, слѣдовательно — отступиться отъ защиты русской народности, подготовить отпаденіе края или заложивъ въ немъ источникъ вѣчныхъ смутъ, безпокойствъ и, можетъ быть, бунтовъ противъ польскихъ высшихъ классовъ со стороны доведеннаго до отчаянія русскаго простаго народа! До этого вѣрно не додумалась благовоспитанная газета *Вѣсть*, но вотъ къ чему ведетъ ея доктрина, къ чему ведутъ эти совѣты, которые коварно преподаются намъ поляками, а нашими русскими публицистами и повторяются спроста! Но это такая простота, о которой говоритъ пословица очень худо, — такая простота русскому не извинительна. *Вѣсть*, конечно, возразитъ намъ, что русскіе подданные поляки, обличенные по суду въ распространеніи полонизма, должны подвергаться наказанію: черезъ это устраняется всякая опасность, а между тѣмъ легальность будетъ соблюдена .. Да, внѣшняя формальная легальность будетъ соблюдена, а высшая правда будетъ нарушена. И кто же не знаетъ, что пропаганда употребляетъ пути и способы невещественные, нравственные, неуловимые для формальнаго суда, — что она имѣетъ полную возможность разливать свой опасный ядъ—оставаясь въ предѣлахъ внѣшней законности, избѣгая благополучно всякого юридическаго обличенія? Нужно ли, наконецъ, напоминать о польскомъ катихизисѣ, который не только не опровергнутъ тѣмъ, что раскрылось по многочисленнымъ слѣдствіямъ, но вполнѣ подтвержденъ и оправданъ?

Мы видимъ главную причину зла, т. е. успѣховъ польской пропаганды, въ нашемъ »индиферентизмѣ«, т. е. безразличномъ отношеніи къ русской народности; мы считаемъ необходимымъ участіе въ борьбѣ, съ нашей стороны, элементовъ общественныхъ, т. е. народнаго самосознанія, выработаннаго въ нашемъ обществѣ. Мы призываемъ къ дѣятельности въ томъ краю людей ***русскихъ***, преданныхъ дѣлу народности, людей ***убѣжденныхъ***, способныхъ противостать силою этихъ своихъ національныхъ убѣжденій пресловутой и хваленой силѣ польскаго патріотизма; мы напоминаемъ каждому, отправляющемуся въ тотъ край, что его призваніе—миссіонерство русской народности,—а вотъ что старается внушить ***Вѣсть***, и къ сожалѣнію не одна ***Вѣсть***, дѣятелямъ, отправляющимся въ западный край, въ противуположность внушеніямъ ***Дня***: »обязанности повѣрочныхъ коммиссій очень просты. Онѣ призваны, на основаніи ясно опредѣленныхъ инструкцій, окончить поземельный споръ между помѣщиками и крестьянами. Всякій чиновникъ коммиссіи, которому пришло бы въ голову, что онъ призванъ въ западный край для возвеличенія ***русско-жмудинской*** національности (какъ умѣстна эта иронія!), впалъ бы, конечно, въ большое заблужденіе. ***Вопросъ идетъ совсѣмъ не о національности!***... Чиновники, которые взяты въ повѣрочныя коммиссіи, совсѣмъ не миссіонеры. Они простые исполнители закона и начальническихъ инструкцій. Чѣмъ проще будутъ они исполнять свои обязанности, тѣмъ болѣе заслужатъ они передъ правительствомъ и передъ обществомъ«. Мы не беремся рѣшить, по примѣру ***Вѣсти***, что именно составляетъ заслугу передъ правительствомъ, но конечно они заслужатъ только презрѣніе предъ русскимъ обществомъ, если забудутъ, что въ томъ краѣ главный вопросъ есть именно вопросъ о національностяхъ! Только тѣ русскіе, которыхъ ***Вѣсть*** есть отголосокъ, въ состояніи забыть это, забыть, что край находится не въ нормальномъ положеніи, что теперь совершается расплата старыхъ историческихъ долговъ, воздвигается попранная народность, возстановляются древнія непризнанныя права, — что задача эта требуетъ, для своего исполненія, самыхъ напряженныхъ усилій не только правительства, но и всего русскаго общества. Теперь-то и нужно русскимъ людямъ дать свидѣтельство истинной любви къ своей народности, или

пожалуй »патріотизма« (то слово понятнѣе для *Вѣсти*), а не откладывать патріотизмъ въ сторону, какъ совѣтуетъ *Вѣсть*, и ограничиваться чисто-чиновническою формальною обязанностью. Знаетъ ли г. совѣтчикъ, что если членъ повѣрочной коммиссіи остановится у польскаго помѣщика въ какомъ-нибудь пустомъ флигелѣ, приметъ отъ него самое невинное угощеніе (все это нисколько не запрещено закономъ и было бы совершенно легально), то онъ лишился бы тотчасъ всякаго довѣрія крестьянъ, — крестьяне не посмѣли бы ему разсказать правды, а не добившись отъ нихъ правды, онъ невольно долженъ былъ бы поступить по указаніямъ только одной стороны, слѣдовательно большею частью несправедливо? Мы нисколько не намѣрены оправдывать поступковъ, несправедливыхъ, насильственныхъ и такъ далѣе, но признаемъ непремѣнною обязанностью каждаго русскаго тамъ пребывающаго—помнить каждую минуту, что каждый его шагъ, каждое дѣйствіе могутъ служить къ возвеличенію или къ униженію—чисто-нравственному — русскаго имени и русскаго народнаго чувства въ мѣстномъ населеніи. Ему нѣтъ надобности совершать противузаконные поступки, превышать свою власть и чинить насиліе и грубость польскимъ помѣщикамъ, для того, чтобы быть, въ предѣлахъ для него возможныхъ, именно миссіонеромъ, т. е. развивать сознаніе, укрѣплять чувство русской національности, поднимать духъ забитаго поляками и жидами русскаго простаго народа въ западномъ краѣ... Мы надѣемся, что совѣты *Вѣсти* и всей среды, раздѣляющей ея мнѣнія, останутся втунѣ. Успѣхъ ея совѣтовъ, — безъ вѣдома для нея самой, конечно, — былъ бы на бѣду русскому дѣлу и на радость польскому жонду!

Далѣе *Вѣсть* прибѣгаетъ къ своему обычному аргументу, къ несчастію, довольно сильному для многихъ: она хочетъ заставить видѣть во всѣхъ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ коммиссій »извѣстную соціальную пропаганду, могущую повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ«, и разумѣется, по своему обыкновенію, обвиняетъ въ соціализмѣ *Дѣнь* и все такъ называемое славянофильское направленіе... Закончимъ обзоръ внушеній с.-петербургской газеты *Вѣсть* выпискою изъ недавней, весьма любопытной передовой статьи краковскаго *Часа*, этого яраго шляхтича, отъявленнаго ненавистника Россіи и преданнѣйшаго слуги польской справѣ (см. № 56). Эта статья особенно замѣ-

чательна по своему сдержанному тону, уже совершенно не похожему на прежній обыкновенный тонъ *Часа.*

»Краковъ, 8 іюня. Удивительное дѣло!.. Введеніе въ дѣйствіе (въ Царствѣ Польскомъ) указа 19 февраля (2 марта) взяла на себя не администрація, какъ бы этого слѣдовало ожидать, а *школа.* Школа эта дѣйствуетъ съ полною систематичностью и на этотъ разъ нельзя сказать того, что прежде повторялось такъ часто: что русскій произволъ можно сдержать *подкупомъ!* Коммиссіи, посланныя для введенія указовъ, составлены, какъ насъ извѣщаютъ, изъ людей независимыхъ, относительно образованныхъ, по большей части даже привѣтливыхъ... Пріѣзжаютъ въ страну съ миссіей цивилизаторовъ и кажется совершенно убѣждены, что оказываютъ заслугу не только своему правительству и своему отечеству, но всему человѣчеству» (т. е. надѣленіемъ крестьянъ землею и правами). «Фридрихъ II, кажется, говаривалъ: еслибъ я хотѣлъ наказать какую нибудь провинцію, то отдалъ бы ее на нѣкоторое время подъ управленіе философовъ. Вотъ болѣе или менѣе такое же наказаніе низпослано и теперь на Польшу Россіей...» Далѣе *Часъ* разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «крестьяне перестали наниматься, а челядь служить», и старается запугать русское правительство вредными послѣдствіями для него самаго крестьянской реформы. (О чемъ же хлопочетъ *Часъ?* Тѣмъ лучше для *Часа,* если послѣдствія крестьянской реформы будутъ опасны для русскаго владычества? Но онъ прежде всего шляхтичъ, а крестьяне—хлопы!)... «Какъ поляки, говоритъ онъ, можемъ жалѣть объ этомъ; политическіе люди будутъ удивляться русскому правительству. Русскіе государственные люди должны подумать», убѣждаетъ *Часъ,* «что они могутъ нанести этимъ зло и самой Россіи. Очень интересно самое заключеніе, статьи *Часа:* «нѣтъ мѣлочей въ томъ, что мы пишемъ. Каждый шагъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ свое значеніе, поэтому не можемъ оставить безъ вниманія и слѣдующаго обстоятельства. До какой степени коммиссіи стараются избѣгать показывать даже видъ сочувствія къ помѣщикамъ, можно видѣть изъ того, что *коммиссіи ни въ одномъ помѣщичьемъ домѣ не приняли угощенія:* собираются въ корчмахъ, куда, вѣроятно изъ уваженія къ правамъ равенства, приглашаютъ и помѣщиковъ».

Шляхетскій *Часъ* и не подозрѣваетъ, какую лестную, доселѣ небывалую аттестацію далъ онъ нашимъ русскимъ дѣятелямъ, приводящимъ въ исполненіе въ Польшѣ тотъ соціальный переворотъ, который только они одни призваны и въ состояніи совершить въ польскомъ обществѣ, и помощью котораго только и можетъ переродиться Польша, къ собственному же своему благу... Но не напоминаетъ ли этотъ *Часъ* своими разсужденіями таковыхъ же разсужденій и въ нашей русской средѣ—о нашихъ повѣрочныхъ коммиссіяхъ въ сѣверозападномъ краѣ?

Къ вопросу о римско-католическихъ монастыряхъ.

Въ 263 № «*Московскихъ Вѣдомостей,*» за прошлый годъ, помѣщено интересное письмо изъ Вильно, въ которомъ, между прочимъ, корреспондентъ очень кстати коснулся значенія р. католическихъ монастырей въ западной Россіи.

Затѣмъ, въ прибавленіи къ 1 № тѣхъ же Вѣдомостей за настоящій годъ, помѣщено письмо г. Скрипицына изъ Ниццы, въ которомъ весьма послѣдовательно разобранъ вопросъ, затронутый виленскимъ корреспондентомъ. Г. Скрипицынъ, сравнивая положеніе католицизма въ Россіи и въ другихъ образованныхъ государствахъ, представляя образъ дѣйствій европейскихъ государствъ въ отношеніи къ р. католическимъ монастырямъ и наконецъ развивая задачу монастырей вообще,—весьма послѣдовательно пришелъ къ тому заключенію, что существованіе римско-католическихъ монастырей въ Россіи опасно, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Намъ кажется, что новые выводы и доказательства будутъ лишь повтореніемъ того, что ужъ высказано г. Скрипицынымъ. Достаточно обратиться къ исторіи, вспомнить послѣднія событія польско-католической агитаціи, чтобы понять, какъ опасно существованіе этихъ, такъ сказать, враждебныхъ баттарей среди нашего неукрѣпленнаго лагеря въ западной Россіи,—дѣло слишкомъ очевидное,—дѣло, запечатлѣнное кровью, не требуетъ доказательствъ. Вспомните, кто создалъ пагубную унію; кто угнеталъ русскую народность въ Литвѣ и на Украйнѣ; кто раз-

зорялъ православные храмы въ западной Россіи; кто мучилъ и убивалъ русскій народъ и православныхъ священниковъ—какъ не поборники латино-польской идеи,—монахи всѣхъ возможныхъ монастырей, созданныхъ подобно грознымъ бастіонамъ на всемъ пространствѣ западной Россіи?

Кто руководилъ возстаніемъ въ прошломъ году; кто разжигалъ пламя бунта—какъ не тѣ же пастыри? Гдѣ говорились возмутительныя рѣчи; гдѣ хранились и заготовлялись разнаго рода оружія; гдѣ собирались пожертвованія для возстанія, какъ не въ монастыряхъ? — Послѣ всего, что сдѣлалось въ послѣднее время извѣстнымъ о дѣйствіяхъ р. католическихъ монастырей и того, что уже высказано о значеніи ихъ въ западной Россіи, мы ожидали, что будутъ вызваны положительныя мѣры, которыя бы разъ навсегда порѣшили и съ католической пропагандой и со всѣми дѣлами ея,—но видно, какъ говоритъ г. Скрипицынъ, находятъ, что это можетъ оскорбить святѣйшаго отца и римская курія надѣлаетъ намъ много хлопотъ. Однакожъ св. отецъ не весьма любезно обращается съ нами... да и не одинъ онъ насъ оскорбляетъ—вездѣ говорятъ и распространяютъ подобныя дерзкія рѣчи. Да мало ли чего не говорятъ и не пишутъ о насъ нами же облагодѣтельствованные поборники латино-польской пропаганды—ксендзы и ихъ клевреты?

Облагодѣтельствованные? — какое смѣлое выраженіе, скажутъ друзья агитаціи. Въ чемъ же заключается это благодѣяніе! возразятъ даже люди умѣренные, которымъ не приходилось вникать, сравнивать положеніе р. католическаго духовенства у себя дома. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы могли бы слишкомъ распространиться и выйти изъ предѣловъ обыкновенной статьи; но мы пока касаемся только матеріальной стороны этого вопроса—укажемъ на тѣ преимущества, которыми пользуется у насъ р. католическое духовенство предъ православнымъ въ отношеніи содержанія. Извѣстно, что наше духовенство ограничивается весьма скуднымъ содержаніемъ: отъ 200 до 80 р. Между тѣмъ, католическое духовенство получаетъ на содержаніе minimum 200 р. Поэтому и оказывается, что на содержаніе р. католическаго духовенства, сравнительно съ количествомъ народонаселенія, ассигнуется гораздо болѣе, нежели на содержаніе православнаго. Кстати, намъ удалось извлечь положительныя данныя о суммахъ, ассигнованныхъ на содержаніе православна-

го и римско-католическаго духовенства по волынской губерніи, при чемъ оказывается, что на содержаніе православнаго духовенства ассигнуется 242,963 р. 1 к., а на содержаніе римско-католическаго 46,636 р. 79 к. с. Затѣмъ, если раздѣлить эти суммы по количеству народонаселенія какъ того, такъ и другаго исповѣданія въ губерніи [1]), то окажется, что правительствомъ ассигнуется на содержаніе православнаго духовенства по 20 коп., а на содержаніе римско-католическаго по $32^1/_2$ коп. на душу каждаго исповѣданія [2]). Если же при этомъ еще принять въ соображеніе, что въ западной Россіи народонаселеніе р. католическое гораздо состоятельнѣе православнаго, то, не говоря уже о другихъ преимуществахъ, дарованныхъ римско-католическому духовенству, оно положительно *облагодѣтельствовано* нашимъ правительствомъ. Но къ чему эти выводы? Развѣ одно то, что римско-католическія церкви и монастыри существуютъ и постоянно умножаются въ православной Россіи—не составляетъ лучшаго доказательства благотворности дѣйствій въ отношеніи къ нимъ, какъ нашего правительства, такъ и русскаго народа? Развѣ за границей—въ цивилизованной Франціи, въ Римѣ—замѣчена была когда либо подобная благосклонность къ нашей церкви? Извѣстно, что святѣйшій отецъ, который такъ безцеремонно призналъ насъ раскольниками, не дозволилъ соорудить въ вѣчномъ градѣ православнаго храма, а въ Парижѣ, хотя и существуетъ православная церковь, но она числится подъ фирмою протестантской: вотъ какая вѣротерпимость?! А мы *варвары* потому, что не только терпимъ и дозволяемъ пропагандировать католической миссіи, но еще сами ей въ томъ помогаемъ—даемъ матеріальныя пособія. Въ за-

---

[1]) Православ. 1,191,025 душъ; р. католическаго 174,994 д.

[2]) При этомъ нельзя не замѣтить, что на содержаніе духовенства лютеранскаго исповѣданія—ассигнуется пастору только, какъ члену консисторіи, 400 р., а за тѣмъ, если бы даже принять эту сумму за постоянную норму ассигнованной правительствомъ суммы на содержаніе лютеранскаго духовенства и сравнить этотъ капиталъ съ количествомъ лютеранскаго населенія въ губерніи, то окажется, что для сей цѣли ассигнуется не болѣе 11 коп. на душу, такъ какъ всего населенія въ губерніи 4448 душъ.

ключеніе мы не можемъ не вспомнить объ одномъ обстоятельствѣ, которое тоже имѣетъ нѣкоторое значеніе въ дѣлѣ той агитаціи, въ которой принимало такое дѣятельное участіе р. католическое духовенство въ монастыряхъ—дѣло вотъ въ чемъ: 14 апрѣля 1861 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о прекращеніи назначенія штатныхъ служителей въ архіерейскіе дома и монастыри какъ православнаго, такъ и р. католическаго исповѣданій, примѣнивъ къ нимъ положеніе 19 февраля того же года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи двухъ-лѣтняго срока эти штатные служители были приписаны въ число государственныхъ крестьянъ, а въ замѣнъ того ассигновать архіерейскимъ домамъ и монастырямъ особыя суммы для найма служителей.

Вслѣдствіе сего, волынская палата государственныхъ имуществъ отзывомъ, отъ 11 іюня 1863 г., за № 6335-мъ увѣдомила мѣстную казенную палату, что штатные служители, числившіеся при архіерейскомъ домѣ и православныхъ монастыряхъ волынской губерніи, уже переданы въ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Что же касается римско-католическихъ монастырей и архіерейскаго дома, то о поступленіи находившихся у нихъ 64 служителей въ число государственныхъ крестьянъ доселѣ не получено никакого увѣдомленія. Какъ объяснить это?—мы не знаемъ. У насъ носятся слухи, что служителя р. католическихъ монастырей поступили, вмѣстѣ съ бѣжавшими ксендзами, въ шайку повстанцевъ: можетъ быть и такъ-каковъ господинъ, таковъ и слуга!..

Волынянинъ.

Бредъ польско-чешской газеты «Národni Listy».

Въ 142-мъ № чешской газеты Národni Listy, отъ 28-го прошедшаго мѣсяца, помѣщена на первомъ мѣстѣ статья подъ заглавіемъ: Slované, pozor!—*Славяне, вниманіе!*—выходящая, какъ надо полагать, изъ подъ пера самаго редактора этой газеты. Писавшій эту статью — писалъ ли ее самъ редакторъ Narodn-ыхъ List-овъ др. Ед. Грегеръ или кто нибудь изъ его сотрудниковъ, все равно—обращается съ своимъ воззваніемъ ко всѣмъ славянамъ и убѣдительно проситъ ихъ не дре-

мать, но съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за всѣми дѣйствіями Россіи, для того, чтобы они, т. е. всѣ славяне, убѣдились наконецъ, что Россія не только не желаетъ имъ никакого добра, но напротивъ всѣми силами старается дѣлать имъ зло и вредъ. Если славяне не отвратятъ своихъ взоровъ отъ Россіи, если они еще будутъ продолжать сочувствовать Россіи хоть сколько-нибудь и въ какомъ бы то нибыло отношеніи, то славянамъ предстоитъ отъ Россіи большая опасность, если не неминуемая гибель! Россія, говорится въ упомянутой статьѣ Národn-ыхъ List-овъ, силится всѣхъ славянъ превратить въ русскихъ, и хочетъ навязать имъ всѣмъ русскій языкъ, и главная вина тому, что «словаки отторгнулись отъ чешской литературы», принадлежитъ русскимъ. Мало того: русскіе дѣйствуютъ и между южными славянами подъ предлогомъ православнаго вѣроисповѣданія, для того, чтобы разлучить хорватовъ и сербовъ. Интриги русскихъ содѣйствовали раздвоенію Сербіи съ Черною Горою, Герцеговины и Босніи съ Сербіею и пр. и пр. Эти же русскіе старались вездѣ въ своихъ сочиненіяхъ и журналахъ выставить на показъ, «какъ русскій народъ многочисленъ и какъ передъ нимъ блѣднѣютъ остальныя славянскія племена. Число русскихъ увеличивали, число другихъ славянъ уменьшали. Къ русскимъ они причисляли русиновъ; народы же польскій, чешскій, юго-славянскій, они раздробляли, Богъ вѣсть, на сколько племенъ. Шестидесяти милліонамъ русскихъ противоставляли не $8^1/_2$ милл. славянъ чеховъ и не 11 милл. поляковъ и пр., а кучи именъ, напр.: чехи, моравы, слезаки, словаки, мазуры, кашубы, поляки, сербы, хорваты, славонцы, далматинцы, хорутане, герцеговинцы, черногорцы, истрійцы и пр.—для того, чтобы эти остальные славяне казались, въ сравненіи съ русскими, маленькими народцами, которые не могутъ сами собою помышлять о будущности. Мысль о какомъ-нибудь сближеніи славянъ между собою, помимо русскихъ, была послѣднимъ, какъ тернъ въ глазахъ. Сближеніе и соединеніе рождаютъ силу и самосознаніе, а это не по душѣ русскимъ». Мы не станемъ больше приводить выписокъ изъ этой статьи отъявленнаго и заклятаго врага намъ, русскимъ, скажемъ только, что для оправданія своихъ доводовъ Národni Listy ссылаются на статью г. С. Шипова о польскомъ народѣ, помѣщенную въ 91 № *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25-го числа апрѣля

мѣсяца, изъ которой чешская газета сдѣлала краткое извлеченіе въ доказательство того, что она права въ своихъ сужденіяхъ о Россіи. Можно было бы счесть чешскую интеллигенцію совсѣмъ выжившею изъ ума и невозвратно погибшею для славянства, если бы не существовало другой чешской газеты Národ, о которой читатели безъ сомнѣнія знаютъ изъ предыдущихъ №№ *Дня* и которую никакъ не слѣдуетъ смѣшивать, въ какомъ бы то ни было отношеніи, съ австрійско-нѣмецко-польско-чешскими Národn-ыми List-ами. Národ, на другой день послѣ выхода помянутой статьи N. L., какъ и слѣдовало ожидать, не оставила ее безъ надлежащаго отвѣта, который и помѣщенъ въ 140 № отъ 31 мая. Приводимъ для читателей *Дня* эту статью газеты Národ въ отвѣтъ газетѣ Národni Listy. Вотъ она съ начала и до конца, съ весьма незначительными пропусками:

«Národni Listy прочли статью *Московскихъ Вѣдомостей*, и эта журнальная статья такъ возмутила ихъ, что въ пятницу они имѣли грозные сны. Въ Прагѣ разъѣзжали козаки, принуждавшіе принять русскую рѣчь и народность; въ Чехіи дѣйствовали «*татарскіе палачи*—cazikove» (sic!!) русскіе и мучили славянскихъ чеховъ «*именно за то, что чехи славяне*». Это было грозный, ужасный сонъ, Národni Listy протерли свои глаза и, пока еще время не ушло, возвысили открытый голосъ ко всѣмъ «братьямъ» своимъ: «Славяне, вниманіе!» и до насъ дошелъ этотъ полный предостереженія голосъ. Сперва мы не знали, что съ нами дѣлается: намъ отчасти было до сердечнаго смѣха, отчасти же мы удивлялись, какимъ образомъ могла быть напечатана подобная статья въ чешской газетѣ; наконецъ мы подумали, что она написана въ лихорадочномъ волненіи, жару и можетъ быть оправдана только словами: Господи отпусти имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ! Вся эта статья сочинена въ такомъ духѣ, что если бы она была переведена на нѣмецкій языкъ, то газета (вѣнская) Presse приняла бы ее съ неизмѣримою благодарностію; все въ ней такъ изложено, что статья въ каждой новой строкѣ не только самой себѣ противорѣчитъ, но и всему тому, что Národni Listy о подобныхъ вещахъ въ другихъ словахъ, въ другое время писали. Такого рода статья можетъ быть написана только въ горячкѣ, или же она свидѣтельствуетъ о новомъ поворотѣ... Между тѣмъ

мы хотимъ вѣрить только первому предположенію и поэтому никто не станетъ дивиться, что мы не будемъ воевать съ вспыльчивостію больной фантазіи. Докажемъ только справедливость нашихъ словъ, что эта статья противорѣчитъ сама себѣ и всему тому, что Národni Listy о подобныхъ вещахъ уже писали. Напр. русскіе и «царскіе» подстрекатели, по словамъ этой газеты, хотѣли бы, чтобы у славянъ не пробуждался духъ самостоятельности и народной гордости; имъ принадлежитъ печальная заслуга въ отторженіи словаковъ отъ чешской литературы, въ *раздробленіи славянъ* на множество племенъ и т. д.; эти русскіе чародѣи безъ сомнѣнія—причина толковъ о правописаніи у южныхъ славянъ, и пр. Вслѣдъ за этимъ, въ той же статьѣ сказано слѣдующее: «имена чехъ, полякъ, сербъ, потому что указываютъ на родную индивидуальность, противны имъ (русскимъ); *они всюду кричатъ: будьте славянами!*» О безтактности же N. L–овъ свидѣтельствуютъ слѣдующія мѣста: «нашъ союзникъ, это намъ близкій польскій народъ — прижмемъ къ сердцу его братскую руку навсегда..» Немного же выше передъ тѣмъ сказано: «наши предки обороняли свою народную самостоятельность и противъ славянъ: они выгнали и поляковъ изъ земли (при Болеславѣ Храбромъ), когда поляки хотѣли утвердить надъ ними свое господство» и пр. Но приступимъ къ сравненію того, что N. L. пишутъ и что писали. Приведемъ сперва слова статьи: «Славяне, вниманіе!» а потомъ слова прежнимъ N. L. «Какимъ-то можетъ быть вознамѣреннымъ назначеніемъ сталось, что мы чехи... научились, Богъ знаетъ для чего, видѣть въ Россіи свою защиту... Мы не оспариваемъ этого, но это были сны, которыми каждый соотечественникъ въ покоѣ любовался». Мы сомнѣваемся, чтобы N. L вѣдали все, чѣмъ соотечественники въ покоѣ любуются, но мы знаемъ, что сказали N. L. въ № 172 за 1862 г., въ статьѣ: *какъ* Presse (нѣмецкая австрійская газета) *боится славянъ*. Выписавъ въ переводѣ въ № 169 статью о крещеніи сына Константина и о томъ планѣ Россіи, который теперь такъ осуждаютъ N. L., они говорили тогда, слово въ слово, слѣдующее: »какъ было бы дивно, если бы между австрійскими славянами образовалась сторона (партія), которой могла бы полюбиться русская программа. Что эта сторона не была бы оттолкнута, но всюду находила бы благосклонное вни-

маніе, объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ крѣпкая дружба между поляками и чехами въ государственномъ совѣтѣ, объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ чисто-сердечная взаимная любовь между чехами и южными славянами и наконецъ недавно возвѣщенная программа великаго князя Константина. Такая программа не есть ни оригинальная, ни собственно программа русской политики: это программа, такъ сказать, духа времени«. Далѣе, нынѣшніе N. L. говорятъ: »какъ за австрійскомъ скрывается онѣмечиваніе, такъ за славянскомъ скрывается обрусеніе (!!)... Мы можемъ представить себѣ, какъ Россіи бываетъ пріятно, когда снится ей великая держава Славянская (т. е. Все-русская)«. Обратимся опять къ *давнимъ* N. L. и тамъ мы въ № 182 за 1863 г. въ статьѣ *Панславистическіе сны* найдемъ слѣдуюпція слова: »еще смышнѣе то, что корреспондентъ Consti. Zeit. повѣствуетъ о великомъ русскомъ царствѣ. Подобнаго рода панславизмъ едва ли бы представлялъ въ себѣ хоть какой нибудь изъ славянскихъ народовъ, и русскій народъ безъ сомнѣнія предшествовалъ бы всѣмъ остальнымъ—своимъ добрымъ примѣромъ. Какъ политическій панславизмъ есть идеалъ, такъ панславизмъ въ формѣ русскаго царства есть политическая каррикатура, политическій парадоксъ«. Теперь же N. L. изъ этой каррикатуры дѣлаютъ пугало и кричатъ: Славяне, вниманіе! Далѣе. Нынѣшніе N. L. говорятъ: »Мы уже двигали свѣтомъ, когда русскіе еще не были единымъ народомъ, но массою безсознательныхъ племенъ, живущихъ азіатскимъ образомъ жизни«. Это мѣсто одно изъ самыхъ »пикантныхъ« въ цѣлой статьѣ и мы удивляемся, что оно не было написано нѣмецкимъ языкомъ; оно ни на волосъ не уступаетъ благопріятствующимъ славянамъ выходкамъ Tagesbot-а и Morgenpost-а, которыя могутъ теперь, обращаясь къ N. L-амъ, запѣть:

Selten habt Ihr mich verstanden,
Selten auch verstand ich Euch;
Nur wenn wir im... uns fanden,
Da verstanden wir uns gleich! *)

Два года тому назадъ извѣстный Колашекъ написалъ что-то

---

[1]) Т. е. „Рѣдко вы меня понимали, рѣдко понималъ и я васъ; только когда мы сошлись вмѣстѣ въ..., тамъ мы сейчасъ поняли другъ друга“.

такое же, какъ теперь N. L., и *тогдашніе* N. L. отвѣчали ему (а теперь и себѣ) въ 142 № 1862 г. слѣдующее: »Развѣ то были нѣмцы, которые въ продолженіи двухъ столѣтій отражали наѣзды дикихъ азіатскихъ ордъ, и охраняли Европу отъ наплыва ихъ; или то былъ нашъ братскій народъ русскій? Отъ того только, что славянинъ всюду и долгое время долженъ былъ отражать наѣзды азіатскихъ ордъ, отсталъ онъ отъ другихъ въ культурѣ...« *Теперь*: »Русскій народъ до того закалѣлъ въ рабствѣ, что онъ какъ бѣшеный бросается на поляковъ«. Въ прежнее время, въ 88 № 1861 г., въ статьѣ »уничтоженіе рабства въ Россіи« N. L. говорятъ слѣдующее: »Насъ же славянъ тѣмъ большею радостію наполняетъ это новое свободное движеніе между нашими соплеменниками въ русскомъ царствѣ, чѣмъ болѣе порицали насъ завистливые сосѣдніе народы, что мы славяне рождены только для вѣчнаго рабства«. Въ № 259, 1862 г. N. L. писали далѣе: »Мы знаемъ, что нужно отличать русскій народъ отъ притѣснителей Польши. Ядро русскаго народа не знаетъ кровавой вражды противъ поляковъ... Прямыми притѣснителями Польши суть знаменитые дипломаты изъ школы меттерниховъ« и т. д. Мы могли бы привести еще многочисленныя мѣста изъ N. L. прежняго времени, которыя сравнить съ нынѣшними въ самомъ дѣлѣ весьма поучительно... Мы видѣли и до сихъ поръ видимъ въ полякахъ своихъ братьевъ, но и въ русскихъ мы не видимъ китайцевъ, монголовъ, »татарскихъ палачей« и т. д., — мы видимъ въ нихъ братскій и надежный народъ славянскаго племени. *И мы откровенно и съ сердечною радостью подаемъ руку полякамъ и братски жмемъ имъ руку, какъ только они бросятъ досельшнюю свою дорогу несловянской политики и подобный* нынѣшнему ихъ *способъ дѣйствій въ домашнемъ освобожденіи и развитіи, съ которымъ мы никогда не можемъ согласиться* [1].« Подъ конецъ газета Narod говоритъ, что полемика съ Narod-ными List-ами становится невозможною; если они хотятъ вести споръ о принципахъ, то N. L. должны составить себѣ новую программу и открыто отказаться отъ программы Палацкаго, Ригера, Браунера и другихъ. Мы прибавимъ къ этому отъ себя, что

[1]) Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ.

послѣ всего того, что на страницахъ Nar. List-овъ было помѣщено, въ продолженіи полутора года, объ Россіи, приглашеніе Nord-а отказаться отъ программы Палацкаго и пр. врядъ ли образумитъ Narodn-ые List-ы—эту жалкую жертву латино-польско-шляхетской, совершенно антиславянской пропаганды!

* * *

ВИТЕБСКЪ.

Витебскъ, или, по словамъ русскихъ лѣтописей, Витбескъ, лучшій городъ бѣлорусскаго края, живописно раскинутый на возвышенностяхъ, по обѣимъ сторонами Западной Двины, лежитъ подъ 55° 11' 33" сѣвер шир. и 47° 51' 22" вост. долг. Въ его окрестностяхъ нѣтъ пункта, съ котораго бы онъ не представлялъ живописнаго пейзажа, а въ особенности по правую сторону рѣки Двины, съ такъ называемой Юрьевской горки. Оттуда Витебскъ виденъ на всемъ его пространствѣ и представляетъ картину, достойную кисти художника.

Время основанія Витебска не извѣстно, и хотя преданіе говоритъ, будто великая княгиня Ольга, очарованная красотою мѣстоположенія, построила здѣсь церковъ и такимъ образомъ основала Витебскъ; но достовѣрнѣе то, что онъ построенъ въ X вѣкѣ, потому что въ Никоновской лѣтописи Витебскъ впервые упоминается подъ 1021 годомъ.

Въ первой половинѣ XIV столѣтія, около 1330 года, великій князь литовскій Ольгердъ, женившись на Маріи, дочери витебскаго князя Ярослава, сдѣлался владѣтелемъ Витебска, и такимъ образомъ Витебскъ, искони городъ русскій, подпалъ подъ власть Литвы. Послѣ того онъ, вслѣдствіе историческихъ событій, не разъ переходилъ отъ Россіи къ Польшѣ и обратно, и не разъ стѣны его обагрялись родною кровью. Витебскъ, возвращенный Россіи въ 1772, вошелъ въ составъ могилевскаго, а въ 1777 году отошелъ къ полоцкому намѣстничеству. При образованіи же губерній бѣлорусскихъ въ 1795 году, Витебскъ назначенъ губернскимъ городомъ.

Жителей въ Витебскѣ въ настоящее время числится 14,183 мужескаго и 14,642 женскаго пола душъ, большею частію евреевъ.

Купцы и мѣщане-христіане далеко не тѣ, что нѣкогда славные витебляне! ихъ предки торговали съ Ганзою и были зажиточны. Они были мужественные и не рѣдко, защищая границы Польши, встрѣчали смерть на родной землѣ, за что короли польскіе давали имъ привиллегіи на разныя льготы и преимущества. Казимиръ Ягайло въ 1447 году даровалъ всѣмъ сословіямъ города Витебска одинаковыя права и вольности. Въ этой привилегіи, между прочимъ, сказано »I w bez otczyzny (?) i w otmerszczyzny Witepskie też nie maim ustopuwatisia i żon ich za muż siłoy nie dawaty i czerez pavuku u żeleza ich nie sażaty, a ni w kotoruiu muku i oteryn u nich nie otnimati« [1]). Привилегіи эти были подтверждаемы преемниками польскаго престола, а Сигизмундъ III въ 1592 году, за мужественное сопротивленіе войскамъ русскимъ, даровалъ Витебску право Магдебургское и гербъ нерукотвореннаго образа Спасителя, на голубомъ полѣ, а въ низу обнаженный, окровавленный мечь [2]), но потомъ, въ 1623 году, за убіеніе, архіепископа Іосафата Кунцевича — поборника уніи, но безчеловѣчнѣйшаго гонителя православныхъ, всѣ эти права онъ отнялъ, а убійцъ казнилъ смертію.

Владиславъ, король польскій, 7 октября 1633 года, въ станѣ подъ Смоленскомъ, за мужественное и неоднократное отраженіе русскихъ войскъ, взятіе и доставленіе гетману литовскому многихъ знаменъ и плѣнныхъ и за охраненіе границъ Польши, прежнія права возвратилъ Витебску, а въ 1641 году, въ Варшавѣ, даровалъ оному и право Магдебургское [3]).

Такимъ образомъ, какъ видно, кромѣ убійства Кунцевича, исторія русскаго города Витебска не отличается подвигами на пользу вѣры и русской народности. Витебскіе купцы и мѣщане, по предоставленному имъ тѣми привилегіями праву, пріобрѣтали помѣстья и переходили въ дворянство. Этимъ способомъ

---

[1]) См. архивъ витебской городской думы, въ книгѣ копій привилегій.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. архивъ витебской городской думы, въ копіяхъ привилегій.

число дворянъ увеличилось, а торговля мало по малу перешла въ руки евреевъ. Эти новые и нѣкоторые, болѣе шаткіе, коренные русскіе дворяне, при тогдашнемъ преобладаніи іезуитовъ, усилившихся въ здѣшнемъ краѣ во времена царствованія Стефана Баторія, положившаго прочное основаніе этому ордену въ г. Полоцкѣ,—не устояли противъ соблазновъ и изъ за честолюбивыхъ видовъ стали измѣнниками вѣрѣ предковъ и своей народности, перешли въ католицизмъ и ополячились.

На этихъ-то позорныхъ преданіяхъ измѣны и ренегатства, нѣкоторые члены здѣшняго дворянства основывали притязанія—присвоить Витебскъ и весь здѣшній край польской національности,—но, кажется, теперь они начинаютъ отрезвляться.

Въ Витебскѣ новое начальство и новыя распоряженія. Теперь не такъ легко шарлатанить и смущать неопытную молодежъ. Здѣшнее дворянство уже поспѣшило заявить раскаяніе въ прошедшемъ. Дай Богъ только, чтобы это раскаяніе было чистосердечно.

ВѢСТЬ ИЗЪ ПОЛОЦКА ВЪ ГАЗЕТУ »ДЕНЬ.«

Пришла мысль и у насъ устроить братство при мѣстной Покровской церкви; по общему желанію, это дѣло началось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Цѣль задуманнаго братства состояла въ томъ, чтобы возвысить русскую народность и православіе въ здѣшнемъ заполоненномъ краю. Общество ухватилось за это съ живѣйшею радостію. Нѣкоторое время раздумывали—будетъ-ли изъ этого такъ, не канетъ-ли это дѣло въ воду, не будетъ-ли оно гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но потомъ и порѣшили: помолясь Богу, положить основаніе дѣлу. а борьбу и исполненіе возложить на Творца и всетерпящее время. Написали условія и пошла подписка. Многіе подписались съ любовію — жертвовать по мѣрѣ силъ разумомъ и средствами, многіе отнѣкивались, считая это дѣло преждевременнымъ; нѣкоторые, какъ напр. г. N, не подписались потому, что по ихъ убѣжденію: »въ условіяхъ слишкомъ много православія«. Собравши подписи, благословясь, отправились представители въ В... Не мало имъ стоило труда разубѣдить тамъ, кого слѣдуетъ, что затѣваемое братство не есть крестовый походъ про-

тивъ католицизма, а что оно должно только содѣйствовать прекращенію дальнѣйшаго осуществленія замысловъ польской пропаганды и избавить отъ совращенія православныхъ, которые, по своей неопытности, и темному невѣдѣнію, обольщаются ксендзами и не только посѣщають, вмѣсто православныхъ храмовъ, костелы, но подъ руководствомъ своихъ обольстителей исповѣдуются и пріобщаются въ нихъ. Отвѣтъ: »условія будутъ измѣнены и написаны сообразно съ цѣлію.«—Но до сихъ поръ о желаемомъ братствѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. А по частнымъ извѣстіямъ—въ этомъ дѣлѣ совершенно отказано. Такимъ образомъ чего опасались, и сбылось. — Задумали было второе дѣло. Крестьяне составили мірскіе приговоры: »ходатайствовать о перенесеніи мощей св. Евфросиніи изъ Кіева въ Полоцкъ«. Это дѣло столь важное, что оно увлекло бы за собою не только мѣстныхъ православныхъ, и изъ дальнихъ сторонъ, но и католиковъ. Послѣдніе очень чтутъ святость преподобной Евфросиніи; такъ, у многихъ изъ нихъ есть, и по настоящее время, изображеніе ея въ домахъ, между католическими образами, да и вообще въ разговорѣ они глубоко уважаютъ ея память. Крестьяне, составившее объ этомъ первый приговоръ, были изъ участка мироваго посредника. Все это тотчасъ же было представлено посредникомъ мѣстному воен. начальнику. Дѣло готовилось идти по начальству, но пріостановилось, помня отказъ о братствѣ: мы были вполнѣ убѣждены въ сильныхъ противодѣйствіяхъ. Слышно, это ходатайство принялъ на себя самъ главный начальникъ края. Дай Богъ ему счастливаго успѣха, чего всѣ здѣшніе съ нетерпѣніемъ желаютъ.

.... За что такая немилость къ нашему городу?... Вотъ хоть бы напримѣръ *учебное и нравственное состояніе образцоваго пансіона* въ Полоцкѣ. Семь лѣтъ, какъ я здѣсь. Во все это время учебная часть въ пансіонѣ шла далеко неудовлетворительно. Уроки сокращались по каждому предмету въ половину, подъ предлогомъ будто бы крайняго недостатка въ матеріальныхъ средствахъ. Всѣ старанія совѣта учителей мѣстнаго дворянства училища устроить пансіонъ, на основаніи правилъ, утвержденныхъ министерствомъ особо для пансіона, были напрасны.

Источники пансіона—1500 р. пособія отъ казны ежегодно. Число воспитанницъ до 30. За содержаніе, обученіе

предметамъ, новѣйшимъ языкамъ, музыкѣ и танцованію, съ пансіонерки отъ 125 р. до 200 р., съ полупансіонерки 55 р., кромѣ того за обученіе польскому языку особая плата по 15 р. *Расходы:* штатный смотритель преподавалъ русскій языкъ, а дочь его посѣщала уроки безплатно. По закону Божьему уроки сокращены вдвое, и, кромѣ того, соединены классы, тогда какъ для каждаго курса есть особая программа. Географія, рисованіе и чистописаніе въ рукахъ мужа содержательницы, который съ трудомъ говоритъ по-русски, полякъ. Онъ окончилъ курсъ еще въ виленскомъ университетѣ, весьма короткое время преподавалъ ариѳметику въ какомъ-то трехклассномъ училищѣ, потомъ 25 лѣтъ служилъ по коммиссаріату, а въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года пріѣхалъ изъ Варшавы въ Полоцкъ и поселился въ пансіонѣ просвѣщать пансіонерокъ. За обученіе танцамъ, хотя плата и берется, но уроковъ по этому предмету нѣтъ. Преподавателей новѣйшихъ языковъ не было и нѣтъ, тогда какъ, по положенію, въ III и IV классахъ они должны быть непремѣнно приглашаемы. Изъ гувернантокъ три: русская съ правомъ, нѣмка и полька безъ права; полька живетъ, кажется, изъ милости. Остальныя получаютъ не болѣе 200 р. каждая. За эту же плату онѣ обучаютъ и новѣйшимъ языкамъ. Учитель исторіи — католикъ. Пасху освящалъ два года ксендзъ, вмѣсто православнаго законоучителя.—Въ прошломъ году родители сильно негодовали на содержательницу за то, что она запретила ихъ дѣтямъ ходить по парадной лѣсницѣ. Онѣ ходили по черной: ходъ этотъ устроенъ сзади, на еврейскомъ дворѣ, и безъ того всегда грязномъ. Самая лѣстница никогда не мылась. Близъ лѣстницы кабакъ, откуда сплошъ да рядомъ выходятъ пьяные солдаты, мужики, бабы и т. д. въ самомъ отвратительномъ видѣ; и эти-то сцены созерцались воспитанницами 15-ти и 16-ти лѣтъ. Посылались просьбы къ содержательницѣ: разрѣшить входъ дѣтямъ по парадной лѣстницѣ. Отказъ. Родители набавляли по пяти рублей еще, чтобы хоть черный-то ходъ велся почище. Опять отказъ. Обратились къ смотрителю и тутъ ничего не выиграли. Хожденіе по грязной лѣстницѣ и тѣже живыя картины продолжаются. Совѣтъ училища, видя крайнее разстройство пансіона, послѣ безполезныхъ переговоровъ съ смотрителемъ, отправилъ убѣдительное прошеніе къ директору училищъ о возстановленіи

правъ совѣта въ пансіонѣ, имѣя въ виду, что съ возстановленіемъ правъ, безъ дальнѣйшихъ дрязгъ, странная обстановка пансіона измѣнится сама собою. Отвѣтъ послѣдовалъ самый неудовлетворительный. Полоцкъ былъ уже въ это время на военномъ положеніи. Начальникомъ военнымъ мы можемъ дѣйствительно похвалиться. Одинъ изъ преподавателей училища, разговаривая съ нимъ, сообщилъ ему о безпорядкахъ въ пансіонѣ. Воен. начальникъ потребовалъ письменныхъ объясненій о злоупотребленіяхъ смотрителя и содержательницы. Видя, что съ директоромъ ничего не сдѣлаешь, военный начальникъ, посовѣтовавшись съ товарищами по службѣ, представилъ все, что зналъ по этому предмету, начальнику губерніи. Вслѣдствіе сего, дано порученіе директору изслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Но послѣдній къ сожалѣнію явился судіею въ своемъ дѣлѣ. Пріѣзжаетъ онъ къ намъ въ гости, собираетъ совѣтъ, — не изъ всѣхъ, впрочемъ, членовъ. Кромѣ общихъ безпорядковъ, освященіе пасхи ксендзомъ и обученіе польскому языку — подтвердили всѣ учители и самъ смотритель, который, не смотря на то, что безпорядки по пансіону видимо относились къ нему, присутствовалъ въ совѣтѣ. Въ положеніи о пансіонѣ сказано: »если содержательница позволитъ себѣ какое либо упущеніе противъ положенія, то вмѣняется въ прямую обязанность смотрителю тотчасъ представить или объ удаленіи содержательницы, или объ отнятіи у нея пособія отъ казны«. — Мнѣніе совѣта состоялось такое: »такъ какъ содержательница ведетъ пансіонъ въ духѣ католицизма, не смотря на то, что сама считается православною, то при существующемъ мятежѣ она никакъ не можетъ быть на этомъ мѣстѣ«. Дѣло это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ самый разгаръ польскаго бунта. Слѣдовало бы директору составить объ этомъ совѣщаніи протоколъ. Но этого не сдѣлано. Учителя предложили отнестись къ родителямъ. Директоръ на это выразился такъ: »господа, я вамъ вѣрю и спросами у родителей не стану компрометировать васъ; я пріѣхалъ искать правды«. Вышло на оборотъ. Со второго же дня смотритель съ директоромъ были неразлучны до самаго отъѣзда послѣдняго. Ходили они вмѣстѣ по квартирамъ нѣкоторыхъ родителей, а о чемъ вели рѣчь и какъ было дѣло, покрыто мракомъ неизвѣстности. Знаемъ только то, что все дѣлалось на словахъ. —Дѣло образованія у насъ вещь весьма

важная. Поступающія въ нашъ пансіонъ — двоякаго рода: или православныя съ весьма шаткими убѣжденіями, или уніатки, посѣщавшія костелы и понынѣ читающія молитвы по польскимъ книжкамъ. Что же толку въ томъ, что мы убиваемъ повстанцевъ, ушедшихъ до лясу? Вотъ гидра, которая черезъ нѣсколько лѣтъ готовится снова приготовить такое-же волненіе умовъ. Каждая изъ воспитанницъ подобнаго пансіона—будущая мать, которая, даже не сознавая всѣхъ могущихъ быть послѣдствій, будетъ оказывать самое гибельное вліяніе на цѣлый рядъ поколѣній. Не въ правѣ-ли потомъ эти поколѣнія плакаться на превратное воспитаніе? Слѣдовало директору руководиться оффиціальнымъ путемъ, чтобъ не подать повода ни къ малѣйшему сомнѣнію. Впрочемъ, что же и могли бы бѣдные родители сказать мѣстнымъ начальникамъ, что было-бы имъ не по вкусу?! Родители въ нашихъ краяхъ—народъ запуганный. Они и понынѣ еще держатся пословицы: »до Бога высоко, до Царя далеко,« а дѣтямъ хоть какое-нибудь да надо же образованіе. Письменный запросъ директоръ далъ только законоучителю, который не только подтвердилъ все то, что высказано въ совѣтѣ, но и добавилъ еще нѣкоторыми новыми фактами, сдѣлавъ заключеніе вполнѣ согласное съ заключеніемъ совѣта. Отвѣты на вопросы законоучитель отправилъ директору по почтѣ, а копію съ нихъ передалъ мѣстному военному начальнику. Дѣло это, вотъ уже скоро годъ, такъ и кануло въ Лету. По отъѣздѣ директора изъ Полоцка, перемѣны въ пансіонѣ произошли слѣдующія: а) уроки по всѣмъ предметамъ сокращены въ половину b) уроки по русскому языку вмѣсто смотрителя переданы одному изъ преподавателей корпуса; с) мужъ содержательницы пансіона, вмѣсто пяти предметовъ, включая исторію и ариѳметику, преподаетъ три. Онъ простеръ свою безцеремонность наконецъ до того, что, во время занятій съ дѣвицами, услаждается куреніемъ табаку изъ трубки, запивая чаемъ или кофе, д) дѣвицы жалуются постоянно на трудность программы по закону Божію; этого ропота прежде никогда не было,—поэтому положеніе православнаго законоучителя стало крайне затруднительнымъ.

Русскій.

Полоцкъ.

ИЗЪ КІЕВА.

Странное впечатлѣніе производитъ въ Кіевѣ чтеніе такихъ статей, какъ передовая статья *Московскихъ Вѣдомостей* № 106 и письмо г. Чечурина по поводу народныхъ школъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ, въ томъ же нумерѣ.—Г. Чечуринъ поетъ похвалы устройству школъ вѣдомства учебнаго округа и нападаетъ на духовенство кіевской епархіи, высшее и низшее;—въ Москвѣ ему замѣчаютъ, что онъ уже черезъ-чуръ сладко поетъ; а онъ все свое тянетъ. Между тѣмъ всѣ здѣсь знаютъ и всѣ понимаютъ, что вѣдомство учебнаго округа не сдѣлало по устройству народныхъ школъ ничего существеннаго. Въ « учительскую семинарію »принимались люди мало и даже совсѣмъ неспособные; это конечно не вина учебнаго вѣдомства, такъ какъ карьера сельскаго учителя не на столько привлекательна, чтобы могла прельщать людей способныхъ. Но между тѣмъ это фактъ; о немъ слѣдуетъ сожалѣть, но чему же тутъ радоваться и пѣть хвалебные гимны? Плохіе учителя, плохіе уже по одному тому, что они еще никогда никого ничему не учили, а только познакомились кой-какъ съ методой Золотова, явились въ села и начали мудрить надъ священниками, людьми во всякомъ случаѣ болѣе достойными уваженія, нежели новопоставленные учителя—это здѣсь всѣмъ извѣстно.

Духовенство въ югозападнымъ краѣ есть безспорно самое образованное сословіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только провести параллель между гимназіями и семинаріями, между университетомъ и д. академіей; [1]) между благочинными и исправниками, между сельскими священниками и посредниками. Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ преимущество останется на сторонѣ духовенства. Любопытно прочесть какую-нибудь переписку между гражданскою и духовною властями. Уже одна грамотность докажетъ превосходство образованія духовенства предъ свѣтскимъ чиновничествомъ. И такъ мы спрашиваемъ себя, здѣсь въ Кіевѣ,—кого мистификуруетъ г. Чечуринъ, для кого онъ пишетъ свои статьи, кого и въ чемъ желаетъ убѣдить? Здѣсь на мѣстѣ мы знаемъ, что народъ т. е. крестьянство, довѣряетъ духовенству болѣе, чѣмъ чиновникамъ, особенно въ дѣлѣ образованія, что крестьяне желаютъ школъ

[1]) Смотри „Кіевс. Телег." статья: Гимназіи и Семинаріи.

именно подъ руководствомъ священниковъ, что духовенство имѣетъ болѣе средствъ и возможности, нежели учебное вѣдомство. Въ центральной Россіи никто на этотъ счетъ не заблуждается. Для чего же г. Чечуринъ бросаетъ камень почтенному сословію, доказавшему дѣйствіями, а не словами, страданіемъ и терпѣніемъ, а не вспышками усердія, свою преданность и пользу русскому дѣлу, свою способность служить ему?

Лучше бы всего было отдать казенныя деньги, назначенныя на школы, въ распоряженіе духовенства; но впрочемъ бѣды большой не будетъ, если и не дадутъ этихъ денегъ. Оставили бы только духовенство съ крестьянствомъ самихъ позаботиться о школахъ,—только бы не мѣшали имъ, а уже они сами придумаютъ какъ и чему учить дѣтей. Нечего кажется доказывать, что чиновничество никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать того, что могутъ сдѣлать два сословія: духовенство и крестьянство по собственной инициативѣ. Здѣсь въ Кіевѣ раздаются, пожалуй, голоса и противъ нравственной связи духовенства съ крестьянствомъ; пожалуй и на эту тему запоетъ г. Чечуринъ. Всего можно ожидать.

Кіевъ, 23 мая 1864 г. С.

Изъ гродненской губерніи.

Замѣтка объ ученическихъ библіотекахъ при духовныхъ заведеніяхъ въ Западной Россіи.

Въ 7 № газеты *День* напечатана замѣтка объ ученическихъ библіотекахъ при западнорусскихъ семинаріяхъ. Нельзя не согласится съ г. Д. П., что устройство подобныхъ библіотекъ при духовныхъ заведеніяхъ въ нашемъ краѣ, сверхъ содѣйствія умственному развитію тамошнихъ воспитанниковъ, еще важно въ томъ, что будетъ содѣйствовать большему усвоенію и ознакомленію ихъ съ русскимъ языкомъ и съ русской литературой. Какъ намъ извѣстно, въ литовской епархіи находятся только двѣ ученическія библіотеки: одна при литовской симинаріи, основаніе которой положилъ бывшій ректоръ, нынѣ преосв. Александръ еп. ковенскій, а другая при виленскомъ духовномъ училищѣ архим. Іоанномъ, намѣстникомъ Свято-Духова монастыря. Какъ первая, такъ, кажется, и послѣдняя поддерживаются самы-

ми воспитанниками на собственныя средства и др. частными лицами. Но въ этой же епархіи есть еще три училища, гдѣ вовсе нѣтъ ученическихъ библіотекъ, а между тѣмъ въ нихъ ощущается настоятельная потребность. Что это справедливо,— подтвердитъ дѣйствительность, если мы взглянемъ на жизнь молодыхъ воспитанниковъ и на ихъ занятія. Что же мы увидимъ? А вотъ что! Большая часть учениковъ, говоря безъ преувеличенія, проводитъ время, назначенное для занятій, въ затверживаніи наизусть, нерѣдко безъ толку, лекцій, въ составленіи различныхъ оккупацій и т. п. Особенно много убивается времени надъ буквоѣдствомъ. И неудивительно! Представьте себѣ мальчика лѣтъ 8-10, который въ родной семьѣ, быть можетъ, никогда не слышалъ русскаго слова и который нерѣдко впервые знакомился съ книгой посредствомъ польскаго букваря подъ руководствомъ матушки, чаще всего гувернантки польки и рѣже—гувернера поляка. Причины подобнаго явленія читателямъ *Дня* хорошо извѣстны; а потому на нихъ не останавливаемся. Вотъ такого-то незнайку или, выражаясь по здѣшнему, «студента» наконецъ батюшка привозитъ въ училище. Здѣсь встрѣчаетъ малаго совсѣмъ другая обстановка. Учащіеся не иначе говорятъ между собой, *какъ по русски*. Правда этотъ русскій языкъ въ ихъ устахъ варварски изковерканъ, но все же онъ русскій, а не польскій. Плохое знакомство новичка съ русскимъ языкомъ поставляетъ его въ большое затрудненіе, особенно на первыхъ порахъ. Часто одна перемѣна въ словѣ ставитъ малаго въ тупикъ. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы прежде всего обратить вниманіе главнымъ образомъ на хорошее ознакомленіе учащихся съ отечественнымъ языкомъ; это много содѣйствовало бы дальнѣйшимъ успѣхамъ мальчиковъ. Но не все такъ бываетъ, какъ бы слѣдовало. Согласно съ правилами обветшавшаго устава, новопоступившіе сейчасъ же должны изучать латинскій и греческій языки, ариѳметику, славянское и русское чтеніе [1]), русскую грамматику

[1]) Слѣдуетъ здѣсь вспомнить то, что у насъ русская грамматика преподается отдѣльно отъ русскаго чтенія и даже различными наставниками. Откуда это взялось, мы рѣшительно не можемъ дать себѣ отвѣта. Но такое раздѣленіе очень вредно. Грамматика и чтеніе тѣсно между собой связаны; отдѣлить грам-

по Востокову,—грамматику, надъ которой иной разъ призадумается ученикъ высшихъ класовъ, и др. предметы. Такое множество и разнообразіе предметовъ съ перваго разу озадачиваетъ мальчиковъ и очень вредно отзывается на занятіяхъ ихъ! непонимая многаго, они должны твердить уроки наизусть, терять часто понапрасно и время, и силы, и охоту къ трудамъ. Здѣсь корень зубристики. Даже усильныя старанія учителей избавить учащихся отъ этого зла—не всегда бываютъ успѣшны, вслѣдствіе незнанія послѣдними отечественнаго языка.

Но есть ученики, одаренные богатою памятью, есть довольно развитые, для которыхъ заучиваніе уроковъ не оставляетъ большаго труда,—у которыхъ слѣдовательно остается не мало свободнаго времени. Какъ же они его проводятъ? Отвѣчаемъ: различно; потому что это зависитъ отъ характера воспитанника и окружающихъ его обстоятельствъ. Если онъ полюбилъ книгу, то, нашедши ее, читаетъ, а находитъ онъ ее или на сторонѣ, при чемъ иногда попадаются въ руки такія пустыя вещи, что лучше не знать ихъ,—или же возметъ у наставника. Но, къ сожалѣнію, часто при всемъ желаніи послѣдняго помочь первому, приходится давать рѣшителный отказъ, потому что при страшномъ у насъ безкнижіи—и наставнику часто нечего почитать. Если же ученикъ не имѣетъ книги и еще не имѣетъ къ ней охоты, которую легко потерять при нынѣшней системѣ обученія, то свободное отъ занятій время проводитъ, или въ безпо-

---

матику, какъ теорію языка, отъ чтенія, какъ практики—крайность, весьма чувствительная для преподавателя грамматики, когда ему приходится преподавать мальчикамъ перваго класса, часто умѣющимъ едва ступить по книгѣ. По этому не лучше ли было бы на ея мѣсто ввесть предварительный курсъ русскаго языка, гдѣ теорія отъ практики не отдѣлима. Тогда бы, **при толковомъ и сознательномъ чтеніи**, ученики, при помощи наставника, мало по малу знакомились бы съ грамматикой; тогда бы предварительный курсъ послужилъ бы прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ къ дальнѣйшему болѣе успѣшному занятію русскимъ языкомъ; буквы и разные знаки, стоящіе въ книгѣ, не казались бы нѣмыми іероглифами, и ученики пріучивались бы давать себѣ отчетъ въ прочитанномъ.

лезныхъ разговорахъ, или же,—такъ какъ не учиться, и притомъ явно, нельзя,—схвативши напѣвъ любой церковной пѣсни, проводить за ней свободное время, давая полное приволье мысли. Что же дѣлать? Вѣдь нужно, чтобы уста непремѣнно шевелились. Все это вызываетъ на слѣдующіе вопросы: ужели при нашихъ духовныхъ училищахъ нѣтъ никакихъ библіотекъ? И если онѣ есть, почему бы не выдавать изъ нихъ ученикамъ книги для чтенія? Да, при нашихъ училищахъ есть библіотеки и даже не совсѣмъ бѣдныя, только въ нихъ почти ничего нѣтъ для дѣтей младшаго возраста, потому что онѣ наполнены латинскими и др. иноязычными книгами, которыя никому ненужны и остаются спокойно на мѣстахъ не тронутыми. Русскихъ же книгъ здѣсь очень мало. Между ними самое видное, такъ сказать, мѣсто занимаютъ духовные журналы и др. книги, по большей части не относящіяся къ училищу, выписанныя для библіотеки чаще всего по указанію семинарскаго правленія, а не по требованію училищныхъ нуждъ. Вотъ эти-то книги и журналы по временамъ выдаются ученикамъ для чтенія. Но какъ по содержанію своему онѣ часто бываютъ неудобопонятны для учащихся, то послѣдніе или вовсе не читаютъ ихъ, или же ограничиваются одною лишь смѣсью, гдѣ по большей части помѣщаются статейки легкаго содержанія. Между тѣмъ запросъ на книги со стороны учащихся не прекращается; очень часто они обращаются къ наставникамъ съ просьбой дать имъ книгъ для чтенія, представляя при этомъ, что книги, полученныя изъ библіотеки, имъ непонятны по содержанію. Но, какъ мы уже замѣтили, эта просьба часто остается безъ удовлетворенія. «Неразъ—говорилъ намъ недавно учитель одного изъ здѣшнихъ училищъ, Н. К.,—приходили ко мнѣ мальчики съ просьбой дать имъ книжекъ для чтенія, не разъ долженъ былъ я имъ въ этой просьбѣ отказать, по неимѣнію у себя таковыхъ книгъ. Впрочемъ это заставило меня подумать объ устройствѣ ученической библіотеки. При свиданіи съ отцами мальчиковъ, не разъ я представлялъ имъ на видъ пользу подобной библіотеки и, сказать правду, встрѣчалъ въ нихъ сочувствіе. Это побудило меня предложить ученикамъ сдѣлать складчину на основаніе ученической библіотеки, съ обѣщаніемъ взять на себя всѣ хлопоты по этому дѣлу. Мое предложеніе было принято, и вотъ предъ праздниками явилось ко мнѣ нѣсколько десятковъ

учениковъ — съ просьбой не отказать имъ въ содѣйствіи по устройству ученической библіотеки, такъ какъ они согласились сдѣлать на этотъ предметъ складчину. Я, конечно, съ радостію принялъ это предложеніе, не надѣясь встрѣтить препятствія. Но надежда почти обманула меня. Праздники прошли. Ученики собрались, и я увидѣлъ, что сочувствующихъ этому дѣлу нашлось пока очень не много—восемь-десять отцовъ согласились и просили меня не оставлять этого полезнаго дѣла; другіе же, или по недостатку средствъ, или же по чему либо другому, сказали своимъ малымъ, что для нихъ довольно и тѣхъ книгъ (т. е. учебниковъ), которыя у нихъ на рукахъ; пускай только ихъ читаютъ». Изъ приведеннаго разсказа читатель ясно видитъ, что мысль объ устройствѣ ученическихъ библіотекъ при нашихъ духовныхъ училищахъ—высказывается даже самими воспитанниками, и что только препятствія могутъ задержать ея осуществленіе. Послѣ этого, весьма пріятно было прочитать слѣдующія слова г. Д. П.: «для духовныхъ училищъ книги, хотя и приготовлены, но не высылаются, по неизвѣстности числа тѣхъ училищъ и по невозможности опредѣлить числа экземпляровъ для удовлетворенія всѣхъ училищъ литовской епархіи». И такъ, благодаря добротѣ русскихъ людей, при нашихъ духовныхъ училищахъ будутъ устроены ученическія библіотеки; ученики будутъ побольше знакомиться съ преподаваемыми имъ предметами: чего не будетъ въ учебникѣ, или что тамъ будетъ не ясно, то легко можно будетъ прочитать въ книгѣ, и то безъ всякихъ просьбъ, безъ непріятной надежды получить отказъ. Хорошо было бы, чтобы въ числѣ собранныхъ книгъ были атласы и географ. карты, въ которыхъ, замѣтимъ, ощущается иногда большой недостатокъ,—а также ноты по церковному пѣнію. Между нашими духовными воспитанниками пѣніе очень развито; не забудемъ, что тѣ же воспитаники когда-нибудь займутъ мѣста пастырей и учителей народа; а потому дѣльное знакомство ихъ съ церковнымъ пѣніемъ очень важно. Свои понятія они перельютъ въ народъ и тѣмъ заставятъ его охотнѣе посѣщать церковь. Костелъ съ своимъ органомъ не будетъ тогда такъ привлекать его къ себѣ, какъ это было до сихъ поръ.

Мы уже хотѣли положить перо, какъ вспомнили вотъ что.

Въ нашихъ духовныхъ училищахъ почти нѣтъ руководствъ для наставниковъ. Не смотря на то, что теперь явилось много дѣльныхъ руководствъ и пособій по разнымъ предметамъ, они или вовсе неизвѣстны учителямъ, или же извѣстны имъ по одному лишь названію. Можно себѣ представить, сколько отъ этого проистекаетъ неудобствъ и для наставника и для учащихся. Извѣстно, что семинаріи не много приготовляютъ къ учительской должности. Но это еще не бѣда! Человѣку развитому не много нужно времени и труда, чтобы достаточно познакомиться съ какимъ либо предметомъ; были ли бы только учебныя пособія и любовь къ дѣлу. А тутъ-то и выходитъ не такъ,— учебныхъ пособій нѣтъ; а безъ нихъ наставникъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Приходится дѣлать одно изъ двухъ: или пустить дѣло обыкновеннымъ чередомъ, или же выписать необходимыя книги на собственный счетъ. И мы хорошо знаемъ, что нѣкоторые наставники выбираютъ послѣднее, не смотря на то, что эта выписка книгъ весьма чувствительна для ихъ кармана, при тѣхъ скудныхъ средствахъ содержанія, какими они пользуются.—Какъ же смотритъ на это училищное начальство? Быть можетъ, училищныя суммы такъ незначительны, что въ годъ нельзя выдать на книги 10—15 руб.? Дѣйствительно, эти суммы незначительны, но все же онѣ не такъ ничтожны, чтобы въ годъ нельзя было пожертвовать упомянутой цифры денегъ на книги. Вѣдь и отъ этихъ суммъ еще бываютъ остатки? Выписываются же журналы и др. книги, не относящіяся къ дѣлу: почему бы не выписать учебныхъ пособій для наставниковъ?! Далѣе замѣтимъ, что выписка книгъ сопряжена бываетъ съ нѣкотораго рода формальной перепиской съ семинарскимъ правленіемъ. Не такъ давно училище могло пріобрѣтать книги не иначе, какъ только по указанію правленія семинаріи; теперь же ему самому предоставлено это право, только не безъ предварительнаго спроса о томъ у правленія. Такъ быть можетъ, по старой еще привычкѣ ждать указанія сверху, или для избѣжанія переписки,—училищное начальство не охотно беретъ на себя трудъ снабжать библіотеки необходимыми руководствами для учителей. Наконецъ при этомъ не можемъ не сказать и о той *странной мысли*, какую приходится выслушивать учителямъ: «*вы, наставники, такъ должны знать все; руководствъ вамъ вовсе не нужно; не ученымъ будете чи-*

тать уроки...» Эти слова такъ очевидно странны, что ихъ нечего опровергать.

Такъ вотъ, говоря объ ученическихъ библіотекахъ, мы упомянули еще и объ этомъ недостаткѣ, весьма чувствительномъ для учителей; а упомянули мы въ той надеждѣ, что, быть можетъ, слова наши не пройдутъ даромъ, не замѣченными, и добрые люди помогутъ и этой нуждѣ.

Кромѣ литовской семинаріи и виленскаго духовнаго училища, есть еще три училища. Всѣ они въ гродненской губерніи: 1-е въ городѣ Кобринѣ. Это училище находится въ самомъ центрѣ православія; въ литовской епархіи, въ кобрин. уѣздѣ 65 церквей, въ сосѣднемъ брестъ-литовскомъ столько же и въ пружанскомъ около 30 церквей. А потому для мѣстнаго духовенства оно весьма сподручно. Были слухи и даже не безъ основанія, что это училище переведутъ въ Гродно; но лучше было бы, чтобы эти слухи больше не повторялись. Развѣ одно желаніе вызвать духовенство на лишніе расходы можетъ сдѣлать это. Хорошо было бы, чтобы получше устроилось это училище, а то, при возрастающей числительности учениковъ, въ немъ замѣтно увеличивается тѣснота. Посылки можно адрес. такъ: *въ г. Кобринъ, гродн. губ., учителю кобринскаго духовнаго училища Н. Н. Качановкому.* 2-е училище въ м. Жировицахъ—извѣстномъ въ западной Россіи по историческому своему значенію. *Адресъ: чрезъ г. Слонимъ, гродненс. губ., въ м. Жировицы—въ жировицкое духовное училище.* 3-е училище въ Гроднѣ. Адресъ: *въ г. Гродно, г. смотрителю гродненскаго духовнаго училища, г. М. Григо.* Есть училище и для дѣвицъ духовнаго званія въ Вильнѣ.

Житель гродн. губ.

ДЕВЯТНИКЪ. [1])

(МѢСТНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ Г. ВИТЕБСКѢ.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ НОВОПРІѢЗЖИМЪ ВЪ ЗДѢШНІЙ КРАЙ РУССКИМЪ.

Дѣйствительнаго члена витебскаго статистическаго комитета

Іеромонаха Сергія.

Какъ-то, на дняхъ, между прочимъ разговоромъ, въ кругу новопріѣзжихъ въ нашъ городъ достопочтенныхъ лицъ, мы упомянули, что вотъ скоро будетъ мѣстный торжественный праздникъ, такъ называемый »Девятникъ«.

Что это за праздникъ, нетерпѣливо спросилъ насъ одинъ изъ собесѣдниковъ, а съ нимъ, въ одинъ почти голосъ, повторили тоже и прочіе.

Такой вопросъ былъ тогда же удовлетворенъ нами, сколько было, на тотъ разъ, нужно и возможно.

Полагая, что и другіе, весьма многіе изъ новопріѣзжихъ въ мѣстный городъ и край, такъ же мало знаютъ о сказанномъ праздникѣ [2]), который, между тѣмъ, приближается, мы считаемъ пріятнѣйшимъ и благополезнѣйшимъ подѣлиться съ добрыми читателями тѣмъ, что знаемъ относительно этого предмета: во 1-хъ, изъ разныхъ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, а во 2-хъ, знаемъ, какъ бывшіе очевидцы, въ два предшествовашіе года, совершавшагося праздника-*Девятника*. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады....., а на прочемъ не взыщите, по извѣстной русской пословицѣ [3]).

---

[1]) Статья это получена въ редакціи Вит. Губ. Вѣд. 17 іюня.

[2]) Въ день этого праздника всѣ присутственныя и судебныя мѣста и, учебныя заведенія освобождены отъ занятій. (Смотри въ Памятн. кн. Витеб. губ. вѣд. на 1864 г. стран. 396).

[3]) На этомъ основаніи, предупреждаемъ читателей, что мы не станемъ дѣлать подобныхъ ссылокъ и указаній на историческія данныя и разные источники; мы предлагаемъ настоящее изложеніе не въ смыслѣ ученой статьи, а желаемъ отъ всей души дружески-братски побесѣдовать съ интересующимися настоящимъ предметомъ, дабы, съ тѣмъ вмѣстѣ, расположить каждаго къ христіанскому участію въ совершаемомъ празднествѣ, да и вообще

Девятникъ, это праздникъ, ежегодно, торжественно отправляемый, въ воспоминаніе возсоединенія уніятовъ, совершившагося въ 1839 г., слѣдовательно назадъ тому ровно 25 лѣтъ [1]). Названіе этого праздника *Девятникомъ* произошло отъ того. что онъ бываетъ въ девятый четвергъ, считая съ 1-го дня, Свѣтлаго Христова Воскресенія, какъ опредѣлено было это, въ свое время, по постановленію святѣйшаго сунода, съ Высочайшаго утвержденія.

Какъ же установлено совершать и совершается въ настоящее время это воспоминательное празднество?

Но прежде, чѣмъ отвѣчать на предлагаемый вопросъ, мы вполнѣ увѣрены, что для нашихъ добрыхъ читателей не только интересно, въ смыслѣ любознательности, но и благополезно, въ отношеніи христіанскаго назиданія, предварительно знать то, какъ совершено было, *во дни оны,* первоначальное торжественное празднество-возсоединенія, а для полнѣйшаго и отчетливаго ознакомленія съ разсматриваемымъ событіемъ, тѣмъ не менѣе *благопотребно* каждому узнать, хотя вкратцѣ, весь историческій ходъ этого великаго и знаменательнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви и отечества событія.

И такъ, начнемъ же съ послѣдняго вопроса. Скажемъ не обинуясь, что наши соотчичи вообще какъ-то мало посвящены въ исторію отечественной церкви, а тѣмъ болѣе мало знакомы съ судьбами ея въ здѣшнемъ краѣ. Такимъ образомъ, что удивительнаго, если многіе или по невѣдѣнію, или по предубѣжденію, или по иному чему, готовы, при первомъ случаѣ, раздѣлять разныя несправедливыя мнѣнія, въ родѣ, напр., тѣхъ, что недавнее возсоединеніе уніятовъ съ православною церковію началось и совершилось единственно по волѣ и требованію въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, а не по свободному желанію и единодушному согласію тогдашняго высшаго духовенства, съ подвѣдомыми ему паствами.

возбудить и утвердить въ сердцахъ ихъ христіанскія чувства и отношенія истиннаго братства къ отторгнутымъ насиліемъ и возсоединеннымъ любовію-бывшимъ уніатамъ.

[1]) Исполнившійся терминъ двадцати-пятилѣтія даетъ намъ полнѣйшій поводъ къ объясенію исторіи этого праздника..

Что сказать на это, исполненное лжи и клеветы, мнѣніе?! Много нужно бы говорить..., но мы, вѣрные своей задачѣ-быть краткими въ нашемъ разсказѣ и не пускаться ни въ учености, ни въ полемику, скажемъ только слѣдующее: нѣтъ сомнѣнія, что вы, читатели, убѣждены въ той истинѣ, (существующей, какъ законъ психологическій, а въ частности религіозно духовно-нравственный), что всякое даже *добровольное* ренегатство отъ чего бы ни было кореннаго, истиннаго не прочно и неизбѣжно отъ такъ называемой реакціи; что же сказать о ренегатствѣ насильственномъ, навязанномъ?. Не здѣсь ли, чѣмъ болѣе тяготѣнія и чѣмъ сильнѣе давленіе и всякое стѣсненіе къ удержанію ренегатированныхъ, тѣмъ порывистѣе и неудержимѣе становится, время отъ времени, стремленіе къ разрыву и той же сказанной реакціи, лишь бы только открылся удобный къ тому случай и какая либо возможность. Приложите же эту истину къ исторіи уніи. Не исторія ли уніи наполнена самыми несомнѣннѣйшими фактами и свѣдѣніями, какими, въ полномъ смыслѣ, насиліями и истязаніями навязана была унія обитателямъ подпавшаго, въ извѣстныя времена, подъ власть Польши древле-православнаго нашего сѣверо и-юго-западнаго края!... Можно ли бы считать отторгнутыхъ такимъ образомъ нашихъ несчастныхъ собратій по вѣрѣ и отчизнѣ *даже людьми*, если бы допустить, что въ нихъ погасла всякая искра чувства и стремленія къ возвращенію на лоно прежней родной матери-церкви?! Но да не оскорбимъ честь и достоинство нашихъ возлюбленныхъ собратій одними подобными вопросами. Свидѣтельство за нихъ на лицо,-это ихъ состояніе и всѣ дѣйствія, доказанныя въ настоящіе дни и въ теперешнихъ событіяхъ. Поспѣшимъ лучше узнать, какъ постепенно, по собственному, единодушному согласію, желанію и стремленію высшихъ іерархическихъ уніятскихъ лицъ, нераздѣльно съ ихъ паствами, началось, продолжалось и кончилось дѣло возсоединенія уніятскаго.

Желаніе и стремленіе уніатовъ возвратиться въ нѣдра православной вѣры своихъ предковъ, обнаруживались не разъ съ самыхъ первыхъ поръ. Особенно часто были попытки эти во время завоеванія Бѣлоруссіи и части Литвы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; за тѣмъ повторились онѣ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ (по ходу и силѣ обстоятельствъ, а не по

охлажденію уніатовъ), во время занятія этихъ странъ Петромъ Великимъ. Но всѣ эти попытки и должны были остаться попытками, по силѣ политическихъ тогдашнихъ событій. Извѣстно, что бѣлорусско-литовскій край оставался, въ то время, по прежнему, подъ владычествомъ Польши, а слѣдовательно и подъ вліяніемъ уніи, и потому думать народу объ освобожденіи себя отъ послѣдней, значило бы открыто возставать противъ первой.

Но, вотъ, лишь только политическое положеніе края измѣнилось, а именно, лишь только сначала Бѣлоруссія, а потомъ и Украина освободилась изъ подъ владычества Польши, съ переходомъ подъ родной единовѣрный скипетръ русскій, среди уніатовъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, обнаружилось желаніе возвратиться на лоно древле-отеческой Вѣры. Желаніе это прежде всего высказали лица высшаго уніятскаго духовенства, и таковое ихъ начинательное участіе и всѣ дѣйствія, вся, такъ называемая, инниціатива дѣла, должны относиться, по самому безпристрастному взгляду и суду, къ истинному ихъ достоинству и чести, лишь бы только это участіе и дѣйствія были благонамѣрены, что дѣйствительно и было. Мы привыкли, къ несчастію, думать такъ, что съ однимъ именемъ *»уніятъ«*, невольно соединяется мысль не pro á contra.. Но надобно строго отдѣлять привычку (которая есть вторая природа) отъ природы въ собственномъ смыслѣ; нужно отличать мысль, а тѣмъ болѣе предубѣжденіе отъ истины и дѣйствительности. То несомнѣнно, что въ ряду іерархическихъ уніятскихъ лицъ были и *Терлецкіе и Поцѣи и Кунцевичи*, на именахъ которыхъ едва ли мы не основываемъ всю нашу пріобыченную мысль; но не должно забывать и другихъ именъ, каковы, напр., въ описываемый нами періодъ времени: *Смогоржевскій* (полотскій уніятскій архіепископъ), *Молодовскій* (коадъюторъ владимірской епископіи), *Шептыцкій* (уніятскій еп. львовскій) и др. Объ этихъ лицахъ достаточно припомнить, что они были современники доблестному поборнику православія *Георгію Конисскому* (епископу бѣлорусскому), и къ нему относились съ всею безукоризненною откровенностію въ своихъ чувствахъ и предпріятіяхъ, по вопросу о возсоединеніи. Напр., къ слову сказать объ епископѣ Шептыцкомъ, который, не обинуясь, открывался Конисскому, говоря: »мы-де уніяты за вами не »унитами пока еще живемъ; когда же васъ католики догры-

»зутъ, тогда примутся за насъ; да и—теперь—де при случаяхъ »называютъ насъ, равно какъ и васъ, схизматиками«. Что подобныя отношенія уніятскихъ епископовъ къ православному духовенству были недвусмысленны и неподдѣльны, ясныя доказательства находимъ въ томъ, что они и сами между собою не скрывали своего положенія и готовы были всячески отъ него освободиться.

И дѣйствительно, кто изъ насъ, потомковъ, дерзнулъ-бы, не посягая на чистоту собственной чести и совѣсти, упрекнуть въ чемъ либо вышесказанныхъ дѣятелей въ пользу возсоединенія, которое, положимъ, тогда не осуществилось; но тѣмъ не менѣе было поставлено, такъ сказать, на послѣднемъ шагу... Не осуществилось же оно потому, что Екатерина II, по видамъ политическимъ, не согласилась съ мыслями Конисскаго, представлявшаго ей свое ходатайство и проектъ о дозволеніи переходить желающимъ изъ уніи въ православіе. Кто бы дерзнулъ, говоримъ, видѣть здѣсь основаніе тому ложному, клеветливому мнѣнію, о которомъ собственно и идетъ наша рѣчь. Напротивъ, всѣ факты и ходъ дѣла свидѣтельствуютъ, что многіе приходы и многочисленныя селенія присылали прямо отъ себя просьбы къ Конисскому, съ рѣшительнымъ желаніемъ оставить унію, а нѣкоторые даже и католичество... Все это оправдалось скоро самымъ дѣломъ. Такъ, на первый разъ, по возвращеніи Бѣлоруссіи къ Россійской державѣ (между 1774—1784 г.), множество уніятовъ добровольно перешли въ православіе, такъ что 2000 уніятскихъ церквей обращены въ православныя. Потомъ, когда присоединены были къ Россіи области: подольская, половина Волыни и минская, съ тремя милліонами жителей, образовалась отдѣльная минская православная епархія, составившаяся, почти исключительно, изъ возвратившихся въ православіе уніятовъ.

Наконецъ, когда присоединены были къ Россіи области: виленская, гродненская и курляндская, съ населеніемъ свыше полутора милліона жителей, и когда, въ тоже время Императрицею Екатериною предоставлена была и католикамъ и уніятамъ свобода вѣры и дарованы права, тогда уніяты такъ же оставляли унію и возвращались къ вѣрѣ предковъ своихъ. Такимъ образомъ, во все правленіе Екатерины, возвратилось изъ уніи

и перешло изъ католицизма къ православной церкви *около двухъ миллiоновъ* лицъ.

Послѣ Екатерины, при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I-мъ, и остальная часть унiятовъ, хотя готовилась такъ же, особливо подъ мудрымъ и благонамѣреннымъ управленiемъ унiятскаго митрополита (полоцкаго) *Ираклiя Лисовскаго*, къ вожделенному возсоединенiю, но исполниться этому суждено было во дни царствованiя незабвеннаго монарха Николая I-го. Это–то послѣднее возсоединенiе–и есть то самое, которое торжественно было праздновано въ городѣ Витебскѣ въ 1839 г., и за тѣмъ по днесь составляетъ предметъ благоговѣйнаго воспоминанiя и которое, что видитъ всякiй, произошло, какъ самое законное или логическое слѣдствiе изъ всего прежде бывшаго хода дѣлъ, а отнюдь не было дѣйствiемъ случайнымъ, въ силу одного желанiя и воли императора Николая I-го.

Продолжимъ же, по порядку, изложенiе этого въ полномъ смыслѣ великаго и важнаго для нашей церкви и отечества событiя.

Какъ подъ управленiемъ вышепомянутаго митрополита Лисовскаго, дѣйствовавшаго въ званiи президента особо учрежденнаго въ 1805 г. департамента для унiятскихъ дѣлъ, состоянiе унiятовъ было во всемъ улучшено, такъ особенно, по учрежденiи въ 1828 г. духовной грекоунитской коллегiи, подъ предсѣдательствомъ митрополита унiятскихъ церквей *Iосафата Булгака*, церкви доведены были, по своему улучшенному положенiю, до, такъ называемаго, nec plus ultra. А именно: »вездѣ въ храмахъ и алтаряхъ, правильно устроенныхъ, со»вершалась Божественная служба священниками, въ прилич»ныхъ одеждахъ, по книгамъ исправнымъ, съ соблюденiемъ »величественныхъ обрядовъ, напоминающихъ церковь перво»бытную, и унiятскiй народъ, съ удовольствiемъ внимая имъ, »не видѣлъ болѣе разницы между своими и православными храмами...« [1]). Такимъ образомъ, очевидно, оставалось только одно для унiятовъ, чтобы вступить въ совершенное единенiе съ православною церковiю.

Наконецъ, приближался 1838-й годъ. Всѣ тѣ, которые

---

[1]) Слова эти взяты изъ статьи одного современнаго писателя о событiи возсоединенiя.

прежде дѣйствовали, по самому званію и іерархическому своему положенію и значенію, какъ подчиненные, помощники и сотрудники Іосафата Булгака, явились въ это время, со всею своею ревностію, на поприщѣ святаго дѣянія, дабы привести начатое къ вожделѣнному окончанію. Въ полномъ смыслѣ, до самоотверженія и съ готовностію *души свои положить за овцы своя* пастыри уніятской церкви, [1]) *въ пространствѣ*

[1]) Главнѣйшими, въ полномъ смыслѣ обезсмертившими себя въ лѣтописяхъ русской церкви и отечества виновниками этого великаго дѣла были: тогдашній литовскій епископъ **Іосифъ** (Сѣмашко), нынѣшній митрополитъ, и бывшій бѣлорусскій епископъ **Василій** [1]) (Лужинскій), теперешній архіепископъ полоцкій и витебскій. Опредѣлить и оцѣнить вполнѣ важность подвиговъ и заслугъ этихъ святителей составляетъ долгъ исторіи, но мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, не повторить здѣсь словъ одного изъ современныхъ нашихъ писателей (А. Н. Муравьева), недавно печатно высказанныхъ имъ о первомъ изъ упомянутыхъ главныхъ дѣятелей въ совершившемся возсоединеніи уніатовъ, высокопреосвященномъ митрополитѣ **Іосифѣ**, словъ, которыя, столько же достойно и праведно, должны относиться и къ другому дѣятелю, высокопреосвященному архіепископу **Василію**. Вотъ эти слова: „Остановимся съ благоговѣніемъ при имени великаго мужа церкви „и отечества, столько послужившаго обоимъ, ибо онъ нетолько воз„становилъ православіе въ западномъ краѣ, но спасъ, можно ска„зать, и самый край для Россіи. Что, если бы въ нынѣшнюю „бурную эпоху существовала еще унія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ!. „Какими бы средствами можно было подавить мятежъ, раздуваемый „ксендзами, предъ коими раболѣпствовали и самые уніяты. Безъ „всякой личной для себя выгоды и не для удовлетворенія какого „либо мелкаго самолюбія, но единственно по чистой привержен„ности къ церкви православной, русскому своему отечеству, за„думалъ онъ, еще на ученической скамьѣ, великое дѣло возсо„единенія, и крѣпкою волею привелъ его въ исполненіе уже въ

[1]) А также и тогдашній ректоръ б. жировицкой греко-унитской духовной семинаріи, потомъ архіепископъ минскій Антоній (Зубко) и оффиціалъ б. брестской епархіи, потомъ протопресвитеръ Тупальскій. Ред.

десяти губерній, цѣлыя семь лѣтъ подвизались, чтобы приготовить паствы свои къ духовному ихъ преобразованію, и, такимъ образомъ, *отторгнутыхъ насиліемъ возсоединить любовію* къ единому стаду православной церкви.

И вотъ, подъ конецъ всего, наступило 12-е число февраля 1839 г., день, который пребудетъ навсегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашей церкви и отечества. Къ этому дню, въ который тогда была недѣля православія, собрались въ городъ Полоцкъ всѣ (называвшіеся такъ) грекоунитскіе епископы, съ своимъ высшимъ духовенствомъ, и въ храмѣ Божіей премудрости (въ Софійскомъ соборѣ), вознеся соборное моленіе о ниспосланіи благодати Всесвятаго Духа, въ благословеніе и утвержденіе ихъ чистосердечнаго и единодушнаго желанія и предпріятія, составили и подписали достопамятный актъ возсоединенія, и постановили: просить Августѣйшаго Государя принять этотъ актъ и повелѣть привести въ исполненіе.

„санѣ епископскомъ. Не устрашили его (продолжаетъ авторъ) „ни громы ватиканскіе, ни нареканія въ измѣнѣ, посреди того „общества, гдѣ ему надлежало дѣйствовать, ни угрожавшая опас„ность отъ закоснѣлыхъ враговъ, и онъ смѣло совершилъ начатое. „Что же могло возбудить его къ столь безпримѣрному подвигу „въ лѣтописяхъ церковныхъ, если не сила внутренняго убѣжденія, „которое неуклонно влекло его къ однажды избранной цѣли?!. „Митрополитъ литовскій, управляющій нынѣ одною только своею „епархіей, могъ бы быть первенствующимъ святителемъ всѣхъ „уніатскихъ церквей въ Россіи, если бы самъ не содѣйствовалъ „къ ихъ возсоединенію, и двадцатью годами ранѣе достигъ бы „своего высокаго званія“!...... Таковы подлинныя слова, взятыя нами изъ брошюры сказаннаго автора. (Смот. Русская Вильна. Приложеніе къ путешествію по св. мѣстамъ русскимъ. С. П.-Бургъ. 1864 г., стран. 29 и 30). Къ этому исполненному правды и истины, слову, мы могли бы присовокупить и свое, относительно втораго главнаго дѣятеля въ возсоединеніи уніатовъ, высокопреосвященнаго архіепископа Василія, но исторія и безпристрастное потомство могутъ оцѣнить его великія заслуги, какъ архипастыря и государственнаго мужа; этотъ вопросъ, какъ историческій, впереди.

Актъ сей былъ подписанъ тремя епископами: литовскимъ *Іосифомъ* (нынѣшнимъ митрополитомъ), оршанскимъ *Василіемъ*, самостоятельно управлявшимъ тогда бѣлорусскою епархіею [1]) (нынѣшнимъ архіепископомъ полоцкимъ и витебскимъ), епископомъ брестскимъ, викаріемъ литовской епархіи *Антоніемъ* (нынѣ на покоѣ), и другими лицами высшаго начальственнаго духовенства. Актъ сей, съ приложеніемъ собственноручныхъ же объявленій священниковъ и монашествующей братіи, всего 1305-ти лицъ, поручено было старшему изъ епископовъ, литовскому Іосифу, отвезти въ столицу и повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, чрезъ сунодальнаго оберъ-прокурора. Въ слѣдъ за тѣмъ сіе число возросло до 1607, такъ что не осталось въ Россіи ни одного грекоунитскаго прихода, который бы не участвовалъ въ общемъ дѣлѣ возсоединенія (смот. брош. о возсоединеніи уніятовъ, 1829 г).

Государь Императоръ, милостиво принявъ представленіе обращающихся и *воздавъ изъ глубины души* (какъ сказано въ указѣ Его святѣйшему суноду) [2]) *благодареніе всемогущему Богу, подвинувшему сердца столь многочисленнаго, искони русскаго духовенства, возвратиться, съ ихъ паствою, на лоно истиной ихъ матери-православной церкви*, повелѣлъ оберъ-прокурору внести означенный актъ и объявленія въ св. сунодъ, на разсмотрѣніе и, сообразное съ правилами св. церкви, постановленіе.

Святѣйшій синодъ немедленно сдѣлалъ свое законное постановленіе »о принятіи грекоунитской церкви въ полное и »совершенное общеніе св. православно-каѳолическія восточныя »церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія,« и, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, представилъ Государю Императору свое постановленіе, въ которомъ истинно достойны свято-евангельскаго духа любви слѣдующія слова: *»Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвра-*

---

[1]) Тогдашняя грекоунитская бѣлорусская епархія заключалась въ пяти губерніяхъ: виленской, могилевской, волынской, минской и курляндской, и ей подвѣдомы были семь сотъ церквей.

[2]) Указъ былъ данъ 1 марта 1839 г., въ С.-Петербургѣ.

щать оные посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ«.

И вотъ, 25 марта, въ день спасительнаго чрезъ ангела благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Богоматери, и наканунѣ величайшаго изъ празднествъ и торжествъ церкви, воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, на подлинномъ докладѣ св. сунода, собственною Его Императорскаго Величества рукою написано было: »благодарю Бога и принимаю«. [1]) И такимъ образомъ (какъ замѣтилъ одинъ изъ тогдашнихъ современныхъ этому событію. писателей), «раздалось тихо, «какъ ангельское благо- «вѣстіе, что многочисленное въ западныхъ областяхъ Россіи »духовенство и народъ, такъ называвшагося, грекоунитскаго »обряда, воскресли къ новой жизни, въ тѣснѣйшемъ духовномъ »единеніи: для неба—съ древнею вселенскою церковію Христовою, »и для земли—съ древнимъ своимъ русскимъ отечествомъ«.

Высочайшее соизволеніе слушано было 30 марта въ полномъ собраніи сунода, куда, по особо сдѣланному тогда же постановленію, введенъ былъ для засѣданія, и преосвященный литовскій Іосифъ, возведенный уже Высочайшею волею въ санъ архіепископа, которому тутъ же первенствующимъ членомъ сунода, митрополитомъ Серафимомъ, вручена была сунодальная грамота къ возсоединеннымъ епископамъ и всему духовенству. Преосвященный Іосифъ, съ своей стороны, принесъ святѣйшему суноду благодареніе отъ лица всѣхъ возсоединенныхъ, и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ сунодальную церковъ, гдѣ немедленно совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія боговѣнчанному защитнику всероссійской православной церкви, ея соборному правительству и православнымъ вселенскимъ патрі-

---

[1]) Въ память этого событія, по волѣ Государя Императора, тогда же была выбита большая медаль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Нерукотвореннаго образа Спасителя; вверху и по сторонамъ надпись: „**такова имамы первосвященника**". (Евр. VIII, I.); внизу: „**отторгнутые насиліемъ** (1693) **возсоединены любовію** (1839 г.) „На оборотной сторонѣ, представленъ крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ его надпись:" „**Торжество Православія 25 марта 1839 г.**"

архамъ. Вышепомянутый нами современный писатель замѣчаетъ объ этомъ событіи: »въ сіи торжественныя минуты сонмъ »архипастырей Новгорода, Кіева, Москвы, Казани, Пскова, »Литвы, изображалъ собою, въ полномъ смыслѣ, всероссійскую »церковь, которая съ восторгомъ простирала свои объя»тія къ возсоединеннымъ чадамъ, и во свидѣтели своей радо»сти призывала самаго божественнаго пастыреначальника и всю »Его церковь небесную и земную«, и за тѣмъ, въ особомъ примѣчаніи, присовокупляетъ: »отъѣзжавшій тогда изъ С.-Пе»тербурга въ Константинополь архіепископъ горы Ѳавора Іероѳей »повезъ съ собою радостную вѣсть о семъ великомъ событіи »восточнымъ патріархамъ и матери всѣхъ церквей—церкви іеру»салимской. Да несется же эта вѣсть чистою даніею хвалы и »благодаренія Всевышнему къ священнымъ слѣдамъ явленія Бога на землѣ«!...

Столь утѣшительное зрѣлище, совершившееся въ престольномъ градѣ св. Петра, должно было повториться и среди возсоединенныхъ епархій. Первый случай къ этому представился въ просьбѣ, блаженной памяти, митрополита кіевскаго Филарета изъ столицы въ свою епархію, чрезъ городъ Витебскъ.

(Вит. Губ. Вѣд).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Во сколько обошелся полякамъ ихъ мятежъ.

Въ Ostsee-Zeitung пишутъ отъ 18-го іюля, съ польской границы: «въ настоящее время можно съ нѣкоторою точностью исчислить ущербъ людьми и деньгами, который потерпѣли, вслѣдствіе мятежа, провинціи, составлявшія нѣкогда Польское Королевство. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ русскихъ и польскихъ журналахъ и почерпнутымъ отчасти изъ оффиціальныхъ источниковъ, въ продолженіе 16-ти мѣсячной борьбы, 30,000 человѣкъ убиты въ сраженіяхъ или тяжело ранены, 361 человѣкъ казнены по приговору военныхъ судовъ, за непосредственное участіе въ мятежѣ или содѣйствіе ему, и 84.000(?) менѣе замѣшанныхъ въ возстаніи узниковъ сосланы во внутренность

Россіи или въ Сибирь, частію для безвыѣзднаго тамъ житель-ства или на поселеніе, частію для употребленія ихъ въ тяжкія работы. Сверхъ того 945 человѣкъ, большею частію чиновни-ковъ и поселянъ, за оказанныя будто бы ими услуги русскому правительству, умерщвлены жандармами-кинжальщиками, по предписанію революціоннаго подпольнаго правительства. Чрезвы-чайными контрибуціями и другими пенями взыскано, по распо-ряженію законнаго правительства: въ Царствѣ Польскомъ 6 милліоновъ, въ литовскихъ губерніяхъ 8 милліоновъ, въ во-лынской, подольской и кіевской 6½ миліоновъ рублей сере-бромъ. Взято подъ секвестръ или уже конфисковано помѣстій: въ Царствѣ Польскомъ около 700, въ губерніяхъ литовскихъ, а также въ волынской, подольской и кіевской болѣе 2.000(?) помѣстій. Подпольное правительство собрало такъ-называемой національной подати: въ Царствѣ Польскомъ 6 милліоновъ, въ Литвѣ 3 милліона, въ губерніяхъ волынской, подольской и кіев-ской 2 миліона, въ Галиціи 2½ миліона, въ герцогствѣ По-знанскомъ и западной Пруссіи 1 милліонъ рублей серебромъ. Общая сумма двухъ общихъ взысканныхъ революціонерами зай-мовъ показана въ 2 милліона рублей серебромъ. Самымъ обиль-нымъ образомъ мятежъ почерпалъ деньги изъ этихъ источни-ковъ съ начала апрѣля до октября 1863-го года, но съ тѣхъ поръ какъ терроризмъ ослабѣлъ, пособія стали поступатв скуд-нѣе и скуднѣе, и наконецъ въ текущемъ году совсѣмъ изсякли. Какъ велики были денежныя пожертвованія, которыя мятежъ взыскивалъ съ помѣщиковъ, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ польскихъ помѣщиковъ Познанскаго горцогства, притомъ и не очень богатый, въ теченіе 1863-го года, былъ вынужденъ три раза уплатить по 5.000 злотыхъ. Съ самыхъ богатыхъ брали отъ 20.000—30.000 злотыхъ. Въ цвѣтущее время мя-тежа подпольное національное правительство налагало даже сек-вестръ на имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, которые не соглашались пла-тить наложенныхъ на нихъ податей. Число поляковъ, бѣжавшихъ за границу послѣ усмиренія мятежа, простирается до 10,000 человѣкъ, да кромѣ того 600 человѣкъ содержатся въ тюрь-махъ, такъ какъ надъ ними еще производится слѣдствіе; при-томъ и аресты еще продолжаются, хотя не въ такомъ обшир-номъ размѣрѣ, какъ прежде.

———

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

въ Кіевѣ 15 іюля 1864 года, и открытіе кіевскаго св. Владимірскаго, при Софійскомъ соборѣ, братства.

15-го іюля, день памяти просвѣтителя Россіи, и въ настоящемъ году ознаменовался особымъ, соединеннымъ съ крестнымъ ходомъ, торжествомъ.

Въ продолженіе цѣлаго года, подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго польскаго мятежа, въ Кіевѣ вырабатывалась мысль о необходимости противостать дерзкой латино-польской пропагандѣ совокупными общественными силами. Мысли этой суждено было осуществиться, по случайному стеченію обстоятельствъ, 15-го іюля, какъ бы въ удостовѣреніе, что и это событіе вполнѣ угодно приснопамятному просвѣтителю Россіи и принимается подъ особое его покровительство.

Мы сказали, что мысль о необходимости противустать, совокупными общественными силами, латино-польской пропагандѣ, заявившей себя, въ послѣднее время, открытымъ мятежомъ, вырабатывалась въ продолженіи цѣлаго года, и только 15 іюля могла быть приведена въ исполненіе. Столь долгій процессъ добраго, по существу, дѣла зависѣлъ сколько отъ новости предпріятія, столько же и отъ важности дѣла, которое требовало основательныхъ соображеній.

Братства существовали въ здѣшнемъ краю издавна, отличаясь преимущественно усиленною дѣятельностію въ періодъ наиболѣе напряженныхъ притѣсненій русской народности и православія со стороны исконныхъ нашихъ враговъ, поляковъ. Со времени возсоединенія этого края съ общимъ нашимъ отечествомъ, православною Россіею, учрежденія эти потеряли свое первоначальное значеніе. Защиту православія и русской народности въ краѣ приняло на себя православное русское правительство. Мы говоримъ защиту, желая этимъ обозначить, что и

въ родной своей семьѣ, по важнымъ политическимъ обстоятельствамъ, коренные русскіе жители долго не могли пользоваться всѣми правами господствующаго народа. Такъ крѣпко приросъ къ русскому организму въ здѣшнемъ краѣ болѣзненный для него наростъ упорно враждебной латино-польской національности. Испытаны были всѣ средства примиренія и обобщенія интересовъ русскаго и польскаго населенія. Великій русскій народъ желалъ побѣдить своихъ внутреннихъ враговъ великодушіемъ. Но не таковы были враги наши, что бы могли поддаться вліянію высоко нравственныхъ, прямо христіанскихъ побужденій, коими руководилось русское правительство. Оказалось, что оно согрѣвало на груди своей змѣю, тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе язвившую его политическое тѣло, чѣмъ болѣе оживляли ее. Событія 1812, 1831, 1845 и послѣднихъ годовъ ясно показали, что внутренній врагъ нашъ можетъ быть ошеломленъ ударомъ внѣшней силы, но въ тоже время сохранить всю упругость внутренней, враждебной намъ силы. Мы дошли до грустнаго, глубокаго убѣжденія, что намъ данъ пакостникъ плоти, который можетъ быть обезсиливаемъ только благодатными силами нашей св. православной вѣры; что только съ развитіемъ ея учрежденій, съ укорененіемъ въ сознаніи и духѣ народномъ ея правилъ, въ торжествѣ и благолѣпіи ея внѣшнихъ, представительныхъ знаковъ, падетъ, или по крайней мѣрѣ обезсилѣетъ, до не возможности существенно вредить намъ, врагъ нашъ. Мы пришли къ сознанію, что доколѣ, съ ревностію Иліи и Финееса, не станемъ на стражѣ нашихъ православныхъ вѣрованій, не поднимемся цѣлымъ сонмомъ на брань съ внутренними врагами нашими,—они могутъ питать на долго въ себѣ дерзкія надежды быть господствующими въ нашей семьѣ, на нашей родной русской почвѣ. Прошедшая исторія края свидѣтельствуетъ, что все завѣтное, родное у здѣшняго населенія сохранилось преимущественно подъ сѣнію православной церкви; что въ ней одной заключалась та неодолимая сила, предъ которою сокрушались насилія и козни враговъ. И неудивительно: православная церковь не навязывала ему господства пановъ и ксендзовъ, а только требовала подчиненія уставамъ ея; она никогда и ни въ чемъ не обманывала его, и одна среди тяжкихъ гоненій, осталась другомъ и утѣшительницею его. Обратиться и въ настоящее время къ этой же жизненной и могу-

чей силѣ, засвидѣтельствованной вѣками, въ борьбѣ съ тѣмъ же упорнымъ, исконнымъ врагомъ, побуждаетъ благоразуміе и чувство самосохраненія. Развитіе и укрѣпленіе въ духѣ народномъ этой силы предприняли и учредители кіевскаго св. Владимірскаго братства, поставившіе своею главною задачею содѣйствовать, зависящими средствами, усиліямъ мѣстнаго населенія, и преимущественно православнаго духовенства и простаго народа, въ противодѣйствіи латино-польской пропагандѣ.

Проэктъ устава братства утвержденъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Арсеніемъ 12 іюля, а 15 іюля послѣдовало открытіе братства слѣдующимъ образомъ: въ Софійскомъ соборѣ, въ придѣлѣ св. равноапостольнаго Владиміра (гдѣ хранится, въ алтарѣ, съ правой стороны престола, надгробіе сына Владиміра, основателя собора, Ярослава) каѳедральнымъ протоіереемъ отслужена была Божественная литургія, въ концѣ коей произнесено было слово, изъяснившее предстоящимъ членамъ братства значеніе учрежденія. По окончаніи литургіи, братья, съ хоругвіею братства и иконою св. Владиміра, отправились, въ составѣ крестнаго хода, къ Десятинной церкви. Въ Десятинной церкви, мѣстѣ погребенія тѣла св. Владиміра, совершалъ Божественную литургію высокопреосвященный митрополитъ, и по окончаніи, съ крестомъ на главѣ, открылъ тотъ величественный крестный ходъ, которымъ, съ 1861 года, восторгаются благоговѣйные жители Кіева и притекающіе въ священный русскій Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Россіи. Погода, какъ и въ прошедшіе года, весьма благопріятствовала торжественному священнодѣйствію. Трехнедѣльный дождь, приводившій въ уныніе владѣльцевъ полей и луговъ, 15 іюля, какъ бы по мановенію Просвѣтителя Россіи, замѣнился великолѣпнымъ яснымъ днемъ. Народъ ликовалъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, наполняя собою улицы, горы и удолія Кіева. Появленіе, въ составѣ крестнаго хода, братской хоругви, воскресило для многихъ былыя времена матери градовъ русскихъ, и, по выраженію одного кіевскаго старожила, душа взыграла.

Направленіе крестнаго хода было тоже, что и въ прошломъ году. Мимо церквей Андреевской, Трехсвятительской и Михайловскаго монастыря священная процессія спустилась къ памятнику Владиміра, съ площадки коего архипастырь, осѣняя св. крестомъ на всѣ стороны, въ умилительныхъ, благоговѣй-

ныхъ словахъ преподалъ благословеніе городу и всѣмъ притекающимъ на поклоненіе святыни его. Хоръ пѣвчихъ отвѣтилъ звучнымъ, громогласнымъ пѣніемъ величественнаго, напоминающаго торжество креста Христова и священныя встрѣчи царей православныхъ тропаря: *Спаси Господи люди твоя*. На спускѣ къ пункту соединенія съ двумя другими крестными ходами (печерскимъ и подольскимъ) послышался гимнъ: *Коль славенъ Богъ*, исполненный военною музыкой. Многосоставный хоръ лаврскихъ пѣвцовъ, прибывшихъ въ эту минуту въ составѣ печерскаго крестнаго хода, торжественно оглашалъ воздухъ припѣвомъ св. виновнику торжества. Впечатлѣнія неописанныя. Въ нѣмомъ благоговѣйномъ изумленіи созерцалъ народъ величественнѣйшую картину, какую могла представить только кіевская мѣстность и многообразная кіевская святыня. Ходы соединились. Войска, [1]) расположились съ обоихъ боковъ площадки, на коей произошло соединеніе трехъ крестныхъ ходовъ, отдали честь побаталіонно, козаки цѣлымъ дивизіономъ, артиллерія по батарейно.

По совершеніи водосвятія на крещатицкомъ источникѣ, раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій до 101-го. Это былъ сюрпризъ, сдѣланный г. главнымъ начальникомъ края въ честь двухъ событій, которыя праздновались въ этотъ день.— Много мыслей возникло въ душѣ въ эти чрезвычайныя минуты. Взыграло усиленною радостію сердце православнаго кіевлянина. Не могли не понять недруги наши, что серьозное и важное чтото предпринимаетъ кіевское общество для противодѣйствія ихъ дерзкимъ посягательствамъ....

По отдѣленіи печерскаго и подольскаго крестныхъ ходовъ, отправившихся въ свои мѣста, священная процессія, крещатицкою улицею, направилась къ софійскому собору. На пути войска, переведенныя на софіевскую площадь, были окроплены святою водою. Въ Софійскомъ соборѣ, послѣ краткой литіи, въ придѣлѣ св. Владиміра, и многолѣтія, высокопреосвященный митрополитъ окропилъ св. водою братскую хоругвь и благословилъ открытіе братства.

Въ соборномъ домѣ приготовленъ былъ, на счетъ учредителей братства завтракъ и братьями учредителями подана была посѣтите-

[1]) Всего кіевскаго гарнизона.

лямъ книга, въ которой, въ число членовъ братства, удостоили внести свои имена его высокопреосвященство, митрополитъ кіевскій Арсеній, его высокопревосходительство, г. начальникъ края, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ 2-й, его превосходительство, г. начальникъ губерніи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Николай Геннадіевичъ Казнаковъ, его преосвященство викарій кіевской митрополіи Серафимъ, его превосходительство, г. начальникъ X округа путей сообщенія Бобрищевъ-Пушкинъ и другіе.

Ко дню открытія братства учредители купили на 500 р. сер. [1]) книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, предположивъ, на первый разъ, при 100 школахъ кіевской епархіи открыть библіотеки. Въ каждой библіотекѣ изъ купленныхъ книгъ,будетъ не менѣе 35-ти отдѣльныхъ сочиненій.

Такъ отпразднованъ, въ настоящемъ году, день памяти св. просвѣтителя Россіи! Не лишнимъ почитаемъ сказать въ заключеніе, что кіевское братство, какъ показываетъ главная задача его, не объявляетъ непримиримую слѣпую вражду полякамъ, а развитіемъ внутренней силы православія въ массѣ народа, желаетъ поставить латино-польскую пропаганду въ невозможность существенно вредить намъ. Мы сдѣлали поляковъ опасными для себя, какъ сказано было въ проповѣди, по случаю открытія братства, потому что не употребляли всѣхъ нужныхъ средствъ для противодѣйствія имъ, забывши слово Спасителя, что если бы домохозяинъ бдѣлъ, не подкопался бы воръ. Не уступать ни за что и ни въ чемъ врагу нашему, постоянно помнить о его вѣковой, непобѣждаемой великодушіемъ, враждѣ его къ намъ, и на всякій часъ, въ полномъ всеоружіи нашихъ по преимуществу внутреннихъ силъ, быть готовыми отразить всѣ козни и насилія его—вотъ, по нашему мнѣнію, задача православнаго населенія здѣшняго края. Раціональность этой задачи, надѣемся, признаютъ и тѣ, кои не совсѣмъ впопадъ начали толковать, въ послѣднее время, объ отношеніяхъ, въ какихъ мы должны находиться къ полякамъ.

---

[1]) Изъ суммы, пожертвованной однимъ изъ учредителей братства.

ПРОЭКТЪ УСТАВА

кіевскаго свято-владимірскаго, при кіево-софійскомъ соборѣ, братства.

Положеніе западнаго края Россіи обратило на себя, въ последнее время, особенное вниманіе русскаго общества и самаго правительства. Закоренѣлая ненависть поляковъ—папистовъ ко всему православно—русскому, составляющая отличительный характеръ всей польской исторіи, душу латинской пропаганды, проявила себя въ недавнее время такими дерзкими и ухищренными дѣйствіями, что и для недальновидныхъ стало яснымъ, въ какихъ отношеніяхъ должно держать себя туземное, древнее, православно—русское населеніе къ давнимъ, упорнымъ врагамъ православной Россіи. Внѣшняя сила латино—польскаго элемента, какъ доказали опыты, не страшна для такой могущественной державы, какъ Россія. Но сила внутренняя, сила враждебной намъ пропаганды все еще крѣпка, все еще опасна для развитія и преуспѣянія нашихъ православныхъ вѣрованій. Силѣ этой нужно противодѣйствовать, тѣмъ болѣе, что какъ римская вѣра главнымъ образомъ поддерживаетъ и фанатизируетъ польскую національность въ ея непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ, такъ православная вѣра всегда поддерживала русскую народность противъ насилія и ухищреній политической польской пропаганды. Мѣстному русскому обществу нужно самому воспрянуть духомъ и, совокупными силами, стать на стражѣ своего древняго достоянія, своей православной вѣры, коею обусловливается состояніе и русской народности въ здѣшнемъ краѣ. Исторія завѣщала намъ дѣйствительный, утвержденный опытами, способъ веденія подобной общественной борьбы въ такъ называемыхъ братствахъ. Къ возстановленію такихъ учрежденій невольно склонилось, въ послѣднее время, общественное мнѣніе всей Россіи. Возстановить это историческое учрежденіе и въ Кіевѣ, столь слав-

номъ подвигами своего древняго братства, рѣшились и нижеподписавшіеся на слѣдующихъ основаніяхъ.

§ 1.

Задача братства.

Такъ какъ мѣстное православное духовенство и простой народъ, при данномъ правительствомъ направленіи, съ мужествомъ и самоотверженіемъ, возбуждающими высокое уваженіе, вынесли, по преимуществу, вѣковую борьбу за свои православныя вѣрованія противъ врага сильнаго, не стѣснявшагося никакими средствами пропаганды, съ незапамятныхъ временъ даже до послѣднихъ дней настоящаго времени—то учредители братства поставляютъ своею главною задачею: содѣйствовать средствами, какія будутъ въ его распоряженіи, усиліямъ сихъ двухъ сословій къ достиженію возможно-полнаго торжества надъ врагомъ, хотя и побѣжденнымъ со внѣ, но еще способнымъ вести упорную борьбу тайными путями.

Мѣстное епархіальное начальство, воспользовавшись предпринятыми правительствомъ важными реформами въ отношеніи къ простому народу, еще съ 1859 года озаботилось заведеніемъ, на всемъ пространствѣ епархіи, сельскихъ церковно-приходскихъ школъ, и въ настоящее время имѣетъ ихъ уже 1371 съ 36,420 учащимися обоего пола. Столь неимовѣрный успѣхъ, достигнутый почти исключительно энергическою и мудрою расраспорядительностію двухъ архипастырей и безкорыстными, самоотверженными трудами приходскаго духовенства, самъ собою вызываетъ вновь учреждаемое братство обратить преимущественное, усиленное вниманіе на поддержаніе и благопреуспѣяніе этихъ въ высшей степени полезныхъ и благовременныхъ, но въ тоже время скудныхъ матеріальными средствами, пособниковъ правительства въ его стремленіяхъ къ противудѣйствію усиліямъ латино-польской пропаганды, тѣмъ болѣе, что и сами враги наши, доколѣ не разоблачены были ихъ козни современными обстоятельствами открытаго возстанія, употребляли всѣ усилія парализировать церковно-приходскія школы, или посѣять въ нихъ свои плевелы.

По симъ соображеніямъ, вновь учрежденное братство имѣетъ въ виду, зависящими отъ него средствами, заботиться:

1) О снабженіи церковно-приходскихъ школъ нужными учебниками на славянскомъ и русскомъ языкахъ и другими принадлежностями школы, какъ то: бумагою, картинами, въ пособіе къ изученію предметовъ и проч.

2) О заведеніи при всѣхъ означенныхъ школахъ библіотекъ, составленныхъ изъ сочиненій наиболѣе пригодныхъ и полезныхъ народу, какъ въ видахъ общаго просвѣщенія его, такъ и въ видахъ огражденія его отъ дѣйствій польской пропаганды.

3) О возможномъ матеріальномъ пособіи дѣятелямъ на семъ важномъ поприщѣ.

Примѣч. 1. Если позволятъ матеріальные способы братства, само собою оно не лишаетъ себя права творить и другія дѣла христіанской любви и благотворительности, какъ въ предѣлахъ кіевской епархіи, такъ равно и другихъ мѣстахъ Россіи.

Примѣч. 2. Братство считаетъ своею обязанностію содѣйствовать, по мѣрѣ своего вліянія, поднятію народной нравственности, значенію въ обществѣ духовенства и утвержденію православія. Съ этою цѣлію братство можетъ назначать посильныя преміи за сочиненія особенно тому способствующія, за статьи и брошюры, направленныя къ обличенію нареканій, клеветъ, происковъ и всевозможныхъ посягательствъ на чистоту и цѣлость православія.

§ 2.

Устройство братства, его права, кругъ и образъ дѣйствій.

Въ воспоминаніе величайшаго благодѣянія, оказаннаго св. равноапостольнымъ Владиміромъ Кіеву и всей Россіи, чрезъ принятіе и распространеніе въ ней св. православной вѣры,— учреждаемое братство будетъ носить наименованіе свято-Владимірскаго, и состоять при Кіево-Софійскомъ, древнѣйшемъ въ Россіи, каѳедральномъ соборѣ, гдѣ, въ придѣлѣ св. равноапостольнаго Владиміра, будетъ находиться икона св. Владиміра, съ лампадой и свѣчею братства, кружка для сбора денежныхъ приношеній въ пользу братства и хоругвь его, съ изображеніемъ св. Владиміра на одной и св. Архистратига Михаила на другой сторонѣ, съ надписью: *Хоругвь кіевскаго свято-Вла-*

димірскаго братства. Съ этою хоругвію братья могутъ участвовать въ болѣе торжественныхъ ходахъ, при погребеніяхъ усопшихъ братій и проч. При Софійскомъ же соборѣ имѣются поминальныя книги »помянники«, въ которыя будутъ вписаны имена братьевъ, оказывавшихъ особыя услуги братству, для вѣчнаго поминовенія въ назначенные для того церковію дни и наканунѣ праздника св. Владиміра.

§ 3.

Въ члены братства приглашаются совершеннолѣтнія лица обоего пола изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстностей Россіи, подъ единственнымъ условіемъ давней принадлежности ихъ къ членамъ православной церкви.

§ 4.

Лица, желающія имѣть право голоса въ братскихъ собраніяхъ, вносятъ ежегодно въ кассу братства не менѣе *пяти* рублей, а прочіе члены братства жертвуютъ по мѣрѣ своихъ средствъ и усердія.

§ 5.

Братство имѣетъ право собирать пожертвованія, для умноженія своихъ средствъ въ предѣлахъ кіевской губерніи и изыскивать другіе постоянные источники доходовъ.

§ 6.

Оно имѣетъ свою печать, дающую право на безплатную пересылку ея корреспонденціи по всей Россіи, на что, по утвержденіи сего проэкта, и испрашиваетъ, установленнымъ порядкомъ, Высочайшаго разрѣшенія.

§ 7.

Братство имѣетъ право избирать почетнаго предсѣдателя и почетныхъ членовъ.

§ 8.

Управленіе братства.

Какъ вообще направленіе дѣйствія братства, такъ и всѣ частныя распоряженія исходятъ изъ его Совѣта, имѣющаго пребываніе въ Кіевѣ.

§ 9.

Совѣтъ этотъ, кромѣ шести учредителей братства, состоитъ изъ предсѣдателя, членовъ-братьевъ, числомъ до 12, казначея и дѣлопроизводителя.

§ 10.

Всѣ эти лица назначаются по выборамъ братьевъ, имѣющихъ право голоса въ общемъ собраніи братства, и только на одинъ годъ, по истеченіи котораго дѣлаются новые выборы. Учредители братства остаются членами Совѣта до тѣхъ поръ, пока сами не откажутся отъ этихъ обязанностей.

§ 11.

Лица, избранныя на одинъ годъ, по окончаніи его не лишаются права быть избранными и на другой годъ, третій и т. д.

§ 12.

Каждое изъ этихъ выборныхъ лицъ можетъ отказаться отъ своего званія во всякое время, но обязано заявить о своемъ нежеланіи запискою въ Совѣтъ.

§ 13.

Предсѣдателемъ Совѣта можетъ быть избранъ, какъ одинъ изъ его членовъ, такъ и лицо, не принадлежащее къ корпораціи Совѣта, а только входящее въ составъ членовъ братства, живущихъ въ Кіевѣ. Такой предсѣдатель будетъ избранъ въ первомъ собраніи братьевъ кіевскихъ, имѣющихъ право голоса.

§ 14.

Предсѣдатель имѣетъ полтора голоса, а члены Совѣта по одному.

§ 15.

Обязанности предсѣдателя, казначея и дѣлопроизводителя.

Предсѣдатель созываетъ обыкновенныя и экстренныя собранія какъ членовъ Совѣта, такъ и всѣхъ братьевъ, имѣю-

щихъ право голоса, входитъ, по указанію обстоятельствъ, въ устныя и письменныя сношенія съ административными лицами, скрѣпляетъ приходо-расходныя книги, подписываетъ почтовыя объявленія и болѣе важныя, исходящія бумаги Совѣта, останавливаетъ шумныя совѣщанія и горячіе споры членовъ Совѣта, даетъ иниціативу и движеніе дѣламъ Совѣта.

§ 16.

Казначей Совѣта ведетъ приходо-расходныя книги братства, составляетъ годичные отчеты, получаетъ съ почты и отсылаетъ по почтѣ, или чрезъ благонадежный случай, денежные пакеты, ведетъ мелочные расходы по дѣламъ, касающимся нуждъ братства и его Совѣта, изыскиваетъ способы къ умноженію матеріальныхъ способовъ братства и къ устраненію безполезныхъ расходовъ и неумѣстныхъ благотвореній, вообще завѣдываетъ финансовою частію братства.

§ 17.

Дѣлопроизводитель Совѣта заправляетъ канцелярскими дѣлами братства, какъ то: получаетъ съ почты адресованные на имя Совѣта братства простые пакеты, ведетъ журналы бумагъ входящихъ и исходящихъ, докладываетъ собранію Совѣта содержаніе первыхъ, и составляетъ, согласно рѣшенію Совѣта, отвѣтныя бумаги, ведетъ краткіе протоколы засѣданій членовъ Совѣта и состоявшихся по нимъ рѣшеній бумагъ входящихъ, скрѣпляетъ всѣ документы братства и бумаги исходящія изъ Совѣта и проч.

Примѣч. 1. Казначей и дѣлопроизводитель могутъ быть выбраны изъ членовъ Совѣта и пользуются правомъ голоса наравнѣ съ другими членами.

Примѣч. 2. Въ казначеи избирается лице вполнѣ благонадежное въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Если не найдется личности, которая вела бы безмездно дѣлопроизводство Совѣта братства, оно должно назначить ему небольшое жалованье. Предсѣдатель и казначей Совѣта несутъ свои обязанности безмездно.

§ 18.

Совѣтъ имѣетъ постоянныя засѣданія однажды въ мѣсяцъ

и экстренныя, по случаю какой нибудь особенной надобности. Въ экстренныя засѣданія приглашаются члены Совѣта повѣсткою за подписью председателя, или исправляющаго его должность члена братства.

§ 19.

Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются, послѣ словеснаго обсужденія и уясненія, большинствомъ голосовъ.

§ 20.

Всѣ обращенія къ братству, всѣ заявленія лицъ, имѣющихъ въ немъ нужду, должны поступать въ Совѣтъ братства, а сей послѣдній, смотря по свойству полученной бумаги, можетъ дать ей такое или другое движеніе, или оставить безъ вниманія.

§ 21.

Хозяйственная часть братства.

Братскія суммы составляются изъ добровольныхъ пожертвованій, какъ братьевъ, составляющихъ его корпорацію, такъ и другихъ лицъ православнаго исповѣданія, приглашаемыхъ къ тому братствомъ.

§ 22.

Въ Совѣтѣ братства будутъ ведены книги приходо-расхода, прошнурованныя и скрѣпленныя по листамъ и въ концѣ книги председателемъ Совѣта, дѣлопроизводителемъ и печатью братства.

§ 23.

Кромѣ этихъ книгъ, братство имѣетъ право снабдить такими же прошнурованными и скрѣпленными книгами иногородныхъ своихъ повѣренныхъ, которые будутъ приглашать разныхъ лицъ къ пожертвованію въ пользу братства, и препровождать эти пожертвованія въ Совѣтъ братства.

§ 24.

Получать изъ почтовой конторы денежные пакеты будетъ (какъ сказано выше) избранный Совѣтомъ казначей братства, по объявленіямъ, подписаннымъ председателемъ Совѣта и скрѣпленнымъ дѣлопроизводителемъ и печатью братства.

§ 25.

Статьи прихода и расхода вносятся въ приходорасходныя книги и скрѣпляются подписью двухъ членовъ (въ томъ числѣ и казначея) Совѣта и дѣлопроизводителя.

§ 26.

При значительномъ накопленіи капиталовъ братства, они будутъ вносимы въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами, и билеты будутъ храниться, вмѣстѣ съ прочими капиталами, въ казнохранилищѣ Кіево-Софійскаго собора, въ запечатанномъ печатью братства и дѣлопроизводителя сундукѣ, ключи отъ котораго будутъ находиться одинъ у казначея, а другой у одного изъ членовъ Совѣта. Въ этомъ же сундукѣ будетъ храниться тетрадь, въ которой записываются вносъ и выемка братскихъ денегъ.

§ 27.

Размѣнъ билетовъ и полученіе изъ казначейства денегъ производится по рѣшенію Совѣта въ сообществѣ казначея и одного члена братства.

§ 28.

Въ совѣтѣ братства будетъ также сундукъ для храненія денегъ, необходимыхъ на текущіе расходы, въ количествѣ не свыше 500 р. с. Въ этомъ же сундукѣ будутъ храниться приходорасходныя книги, актъ учрежденія и важнѣйшіе документы братства. Сундукъ братства будетъ опечатанъ, сверхъ печати братства, частною печатію предсѣдателя братства, а ключи отъ сундука (какъ сказано выше) сохраняются у одного изъ членовъ Совѣта и казначея. На непредвидѣнные мелочные расходы у казначея можетъ быть на рукахъ братскихъ денегъ до 50 рублей серебромъ.

Братья — учредители:

Каѳедральный Кіево-Софійскаго собора протоіерей **Григорій Крамаревъ.**

Григорій Бредихинъ.
Андрей Муравьевъ.
Ксенофонтъ Говорскій.
Владиміръ Бутовичъ.
Иванъ Эремичъ.

Учредители братства покорнѣйше просятъ пра-

вославныхъ русскихъ оказать содѣйствіе открытому въ Кіевѣ братству, адресуя свои пожертвованія въ кіевское св. Владимірское, при каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ братство. При семъ публика извѣщается, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ братства и о пожертвованіяхъ будетъ печататься въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Проповѣдь ксендза въ Варшавѣ.

Корреспондентъ *Моск. Вѣд.* изъ Варшавы пишетъ: 7-го (18-го) іюля, въ праздникъ св. Викентія Павльскаго, въ Свѣнтокршижскомъ костелѣ совершилось нѣчто чуду подобное. Проповѣдникъ изъ миссіонерскаго ордена вздумалъ высказать полякамъ съ каѳедры, не въ бровь, а прямо въ глазъ, всю ложь ихъ дѣйствій во время послѣдней революціи. Проповѣдь длилась *два съ половиною часа*, такъ что обѣдня кончилась около 3-хъ часовъ по полудни. Слушатели были раздражены въ высшей степени: стучали палками и зонтиками, кашляли, стонали, плакали, нѣкоторые лишились даже чувствъ; но зычный и энергическій голосъ ксендза покрывалъ все. Нѣсколько разъ ксендзы, совершавшіе обѣдню, присылали къ нему клериковъ съ совѣтомъ окончить проповѣдь, потому что обѣдня не можетъ тянуться долго за полдень, но проповѣдникъ былъ неумолимъ. «Дѣлайте, что хотите—говорилъ онъ между прочимъ,—а я все-таки вамъ выскажу, что хочу. Дайте мнѣ фактическія доказательства, что я лгу, и я сейчасъ сойду съ каѳедры. За что вы оскорбили нашего Государя, Государя изъ Государей? Кому вы ввѣрили нашу справу? позорному Мѣрославскому! вы здѣлались уличными разбойниками, рѣзали народъ изъ-за угла и опозорили нашу исторію. Сколько семействъ вы раззорили и пустили по міру! сколько невинныхъ за васъ погибло, сколько осиротѣло семействъ! сколько правительство выслало изъ края и невинныхъ; но въ его глазахъ мы всѣ были виноваты, да и дѣйствительно виноваты тѣмъ

уже, что позволили сѣсть себѣ на шею уличной сволочи и водить на концѣ ножа или веревки! Вотъ какъ вы спасли вашу ойчизну! и что же? Спасли ее или нѣтъ? спрашиваю васъ, такъ называемые *обронцы ойчизны*! гдѣ вы, отвѣчайте мнѣ?»... И дѣйствительно, нѣкоторые отвѣчали разными однозвучными возгласами, имѣвшими характеръ спора съ ксендзомъ.

(Моск. Вѣд).

ЕПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1863 ГОДА.

Въ сентябрѣ 1861 года панъ Касперъ *Коцюмузыцкій*, цирульникъ изъ Фурмавской улицы, въ Варшавѣ, выпорожнивъ нѣсколько кружекъ пива и нѣсколько рюмокъ водки въ *огрудкѣ*, подъ фирмою» Бонкъ«, на Бенднарской улицѣ, шелъ въ чемаркѣ, въ закинутой на бекрень красной, съ бѣлымъ перомъ конфедераткѣ, чрезъ мостъ на Вислѣ и громко напѣвалъ »Boże coś Polskę«,—извѣстный революціонный гимнъ.

На мосту стоялъ караульный солдатъ пѣхотнаго низовскаго полка *Корчагинъ*. Коцюмузыцкій подошелъ къ нему съ нахальствомъ.

— Какъ поживаешь, братъ *капустнякъ*. Въ 1861 году этимъ названіемъ варшавскіе *лобусы* надѣляли русскихъ солдатъ. Солдаты, въ свою очередь, прозывали ихъ или *картофельщиками*, или *баварскими жиговинами*. Корчагинъ обидѣлся *словомъ братъ*.

— Если ты *братъ*, то и свинья *сестра*, отвѣтилъ онъ презрительно.

Панъ Касперъ не думая долго, далъ ему пощечину.

— Теперь *Польша ужъ польская*, а не *московская*, прибавилъ онъ.

Корчагинъ долго не медлилъ съ отвѣтомъ и такъ хватилъ пана Каспера по уху, что онъ, какъ есть весь, растянулся на мосту и конфедератка его полетѣла въ Вислу.

— А чтобъ тебѣ лапа отъ костей отвалилась! пробормоталъ онъ, силясь встать на ноги... смотрите, какъ онъ меня хватилъ, этотъ *физикъ*!

— И подѣломъ тебѣ! если пьянъ, то не затрогивай мирныхъ людей, а тащись, какъ можешь, своей дорогой, отозвалась къ нему какая-то молодая торговка, бывшая свидѣтельницею всей этой краткой сцены.

— А тебѣ, баба, какое дѣло! сказалъ ей Коцюмузыцкій. Садись на лопату, да и маршъ къ чорту на *гербату* (чай).

— Ахъ ты лобусъ, ахъ ты дуда заграничная, ахъ ты *смыкъ* австрійскій, а чтобъ тебѣ... и на эти и симъ подобныя варіяціи торговка продолжала величать Коцюмузыцкаго чрезъ весь мостъ, Бенднарскую улицу, до самаго Краковскаго предмѣстія, гдѣ кто-то ея остановилъ, хотя панъ Касперъ давно уже не могъ слышать этихъ милыхъ ее благожеланій и любезностей.

Между тѣмъ солдатъ обратился къ пану Касперу:

— Если ты, пьянчуга, будешь продолжать здѣсь валяться подъ ногами проходящихъ и огрызаться съ ними, то я тебя сейчасъ же представлю въ циркулъ. Прочь отсюда!

Панъ Коцюмузыцкій протягивался еще съ минуту, но подъѣзжающая жидовская фура заставила его вскочить на ноги.

— Слушай москаль!—сказалъ онъ, подходя къ солдату,— когда прійдетъ Гарибальди и мы выступимъ противъ васъ въ поле, тамъ уже не проси Бога, чтобъ встрѣтиться со мною.

— Пока прійдетъ твоя Галабарда, то я еще успѣю отвести тебя въ циркулъ. Уходи, пока цѣлъ.

Панъ Коцюмузыцкій, увидѣвъ, что солдатъ вовсе не думаетъ шутить, поплелся, шатаясь, назадъ къ Варшавѣ, громко напѣвая:

Jeszcze Polska nie zgineła
I zginąć nie musi:
Kapuśniakow diabeł wezmie,
Reszte, polak zdusi! [1]).

— Стой, мятежникъ, не такъ поешь, а пой вотъ какъ, воскликнулъ солдатъ.

---

[1]) Пѣснь эту пѣли въ 1861 г. варшавскіе лобусы и вотъ ее буквальный переводъ: „Еще Польща не пропала и пропасть не должна, капусняковъ чортъ возметъ, а остальныхъ передавитъ полякъ“.

Еще Польша не сгинула,
Да сгинуть муситъ:
Что съ холеры не умерло,
То москаль додушитъ.

Панъ Коцюмузыцкій, опасаясь безъ сомнѣнія повторенія такой же катастрофы, какую испыталъ недавно, не сказалъ ни слова и каждый пошелъ своей дорогой.

Прошло три недѣли. Огромная толпа народа собралась на Медовой улицѣ, противъ кондитерской Ведля. Отъявленнѣйшіе наглецы изъ толпы и во главѣ ихъ панъ Коцюмузицкій давали г. Ведлю кошачій концертъ, т. е. ломали двери и били окна кондитерской, разбили всю посуду, потоптали ногами конфекты, пирожное и проч..., словомъ до тла опустошили кондитерскую, при радостномъ воплѣ дикой черни, и все это за то, что г. Ведель, по мнѣнію агитаторовъ, желавшихъ разшевелить страсти народа, не оказывалъ сочувствія народному (?) дѣлу.

Въ то время подобные *концерты* музыкальная Варшава давала кому нибудь почти ежедневно. Первый какой нибудь уличный *лобусъ* являлся обыкновенно въ магазинъ фабриканта, купца, или въ домъ домовладѣльца и безъ всякой церемоніи требовалъ выдачи себѣ столько то и столько рублей, угрожая, въ случаѣ отказа, привести *кошачій оркестръ*. Очень часто случалось слышать вопросъ варшавскихъ уличниковъ:

Не желаете ли дать кому нибудь *кошачій концертъ*? Весь комплектъ оркестра будетъ стоить только 46 злотыхъ.

Осадное положеніе положило конецъ этимъ серенадамъ.

Когда же толпа достигла своего, и г. Ведля изъ богача сдѣлала нищимъ, солдатъ Корчагинъ, шедшій съ плаца Красинскаго, приблизился къ толпѣ, которая еще не думала расходиться. Корчагина встрѣтилъ Коцюмузыцкій противъ Базиліанскаго костела и сталъ пристально всматриваться, какъ бы что-то припоминая.

Вдругъ какой-то господинъ въ чемаркѣ, въ цилиндрической шляпѣ, на которой бѣлой тесьмой вышито было имя Іисуса Христа (J. H. S.), подскочилъ къ Корчагину, сорвалъ съ груди его орденскій крестъ и двѣ медали, плюнулъ ему въ лицо и сталъ топтать ордена ногою.

— Ты, *пся вяра*, смѣешь здѣсь носить эти *кресты*, быть можетъ полученные за пролитіе нашей крови!—вопилъ онъ.

Солдатъ какъ левъ бросился на наглеца, схватилъ его обѣими руками за волосы и со всего размаха швырнулъ на мостовую. Наглецъ закричалъ:

— *Гвалтъ* (караулъ)! убиваютъ! рѣжутъ!!

Разъярившаяся толпа, въ одно мгновеніе, бросилась на Корчагина, сбила его съ ногъ, опрокинула на мостовую и стала бить безчеловѣчно. Вдругъ одинъ изъ толпы, добывъ изъ ноженъ саблю, закричалъ, размахивая ею на всѣ стороны:

— Къ коммиссару его, къ коммиссару:. онъ рубилъ этою саблею беззащитныхъ людей!

Толпа повела солдата въ циркулъ.

Предъ коммиссаромъ предстало нѣсколько сотъ человѣкъ, клянясь всѣмъ, что солдатъ бросился съ обнаженной саблею на мирныхъ людей и многихъ изуродовалъ; раненные же одни разошлись по домамъ, другіе за пособіемъ къ лекарямъ.

Несчастный солдатъ, имѣя противъ себя столько свидѣтелей, не могъ ничего сказать въ свое оправданіе. Коммиссаръ грозилъ ему военнымъ судомъ, посадилъ подъ арестъ и началъ составлять рапортъ объ этомъ приключеніи.

Лишь только разошлась толпа, панъ Коцюмузыцкій потихоньку вошелъ къ коммиссару и, испросивши секретную аудіенцію, вручилъ ему ордена Корчагина и разсказалъ, какъ все это дѣло случилось. Коммиссаръ сначала не хотѣлъ вѣрить, но когда панъ Коцюмузыцкій прибавилъ, что онъ самъ сердитъ на Корчагина за приключеніе на мосту, но отказывается отъ всякой мести, предпочитая правду, которая должна быть священною для каждаго истаго поляка—сейчасъ же освободилъ Корчагина изъ подъ ареста и возвратилъ ему ордена.

— Поблагодари этого благороднаго юношу, сказалъ онъ, указывая на Коцюмузыцкаго.

Чрезъ полчаса новые друзья вмѣстѣ пили баварское на Бенднардской улицѣ, подъ фирмою «Бонка».

Насталъ плачевной памяти 1863 годъ. Пламень пожаровъ охватилъ всю страну; кровь несчастныхъ, такъ называемыхъ защитниковъ *ойчизны*, безчестно обманутыхъ измѣнниками страны—залила поля и лѣса польскіе, тысячи вѣрныхъ сыновъ

отечества погибло отъ кинжала и петли террористовъ.... но за чѣмъ разгребать этотъ пепелъ? Исторія запятнаетъ пятномъ безславія кровопійцевъ собственнаго своего края.

Подъ конецъ апрѣля, въ уѣздный городокъ *** отрядъ русскихъ войскъ привезъ трехъ раненыхъ солдатъ, и между ними одного тяжело изувѣченнаго, съ ногою растресканною штуцерною пулею ниже колѣна; везти далѣе его было невозможно, потому что нога опухла и малѣйшее движеніе вредило больному; — онъ былъ отправленъ въ городской лазаретъ. Ранѳнаго встрѣтилъ фельдшеръ.

— Что это такое? спросилъ послѣдній больнаго, Корчагинъ? который это разъ встрѣчаемся съ тобою? Кажется, третій?

Больной взглянулъ на фельдшера, узналъ въ немъ Копюмузыцкаго, молча пожалъ ему руку и впалъ въ безпамятство.

Военный лекарь, вмѣстѣ съ городскимъ, сей часъ приступили къ ампутаціи, отняли ногу ниже колѣна и оставили больнаго на попеченіи фельдшера.

Корчагинъ засталъ въ лазаретѣ еще двухъ солдатъ, которые, по заживленіи ранъ, уже выздоравливали, но еще не могли встать съ кровати. За всѣми больными присматривали фельдшеръ и сестра милосердія.

Почти ежедневно приходилъ въ лазаретъ молодой, красивый, мѣстный ксендзъ, бесѣдовалъ съ больными, но къ русскимъ солдатамъ онъ не подходилъ, не проговорилъ ни одного слова, даже не удостоилъ ни однимъ взглядомъ.

Между тѣмъ панъ Копюмузыцкій сколько могъ услаждалъ страданія Корчагина: развлекалъ его разными разсказами, досматривалъ его, во время горячки почти ни на минуту неотступалъ отъ его кровати. Сестра милосердія, видя слишкомъ большое самоотверженіе фельдшера, почти насильно заставляла его ложиться спать, и благородный юноша только тогда отходилъ ко сну, когда сестра милосердія, давала ему слово сидѣть у постели больнаго; но и тогда фельдшеръ ложился на ближайшей къ нему порожней кровати.

Въ одну свободную отъ страданія минуту, Корчагинъ спросилъ фельдшера, почему онъ не пошелъ въ банду?

— Развѣ думаешь, что я тамъ не былъ, отвѣчалъ панъ Каспаръ: былъ, братъ, почти цѣлый мѣсяцъ. Былъ подъ Фран-

ковскимъ, когда вы поймали его подъ Слупчею, разбивъ нашъ отрядъ; былъ подъ Лангевичемъ, но послѣ проигранной битвы на Лысой горѣ, у Свято-крыжскаго кляштора, бросилъ оружіе и началъ заниматься перевязываньемъ своихъ раненыхъ—чѣмъ гораздо болѣе сдѣлалъ пользы моимъ землякамъ, чѣмъ могъ бы принести оружіемъ.

— Для чего же ты оставилъ своихъ?

— Для чего? Легко тебѣ говорить.

Зачѣмъ же всегда вы выгоняли насъ изъ каждаго убѣжища? Человѣкъ не можетъ себѣ спокойно позавтракать, чтобъ чортъ не нанесъ москаля Нѣтъ, не люблю я такой войны. Намъ бы слѣдовало васъ преслѣдовать и вездѣ разбивать, а не вамъ насъ. Вотъ это война, такъ война! Не по рыцарски вы поступили съ нами, нападая на насъ внезапно и преслѣдывая въ лѣсахъ какъ дичь, не позволивши прежде намъ правильно организоваться.

— Про то знаетъ начальство, отвѣтилъ больной.

— Спрашиваешь, почему оставилъ я своихъ? Оставилъ потому, что Лангевичъ, измѣнилъ намъ, бросивъ насъ въ добычу москалямъ, самъ убѣжалъ въ Австрію. Началъ, какъ панъ, а кончилъ, какъ жидъ. Я больше принесу пользы въ лазаретѣ, чѣмъ на полѣ битвы, потому что сами русскія войска передаютъ въ наши городскіе лазареты раненыхъ моихъ земляковъ, а въ лѣсу и больнаго и фельдшера угодитъ пуля. Никто не упрекнетъ меня въ томъ, что я недобросовѣстно исполняю мою обязанность и что, слѣдовательно, я не истый полякъ.

Ампутація не послужила въ пользу больного, ногу поразилъ антоновъ огонь—нужно было сдѣлать другую ампутацію, но уже выше колѣна. Докторъ объявилъ объ этомъ больному.

Корчагинъ заплакалъ, потомъ перекрестившись сказалъ: «да будетъ воля Господня» и просилъ, чтобъ его положили такъ, чтобъ онъ могъ видѣть распятіе, стоящее на столѣ.

Кровать переставили.

Передъ операціею, больной просилъ, чтобы ему дали приложиться къ распятію. Сестра милосердія засуетилась и начала совѣтоваться съ фельдшеромъ. Въ это время входитъ ксендзъ. Оба сообщили ему желаніе солдата.

— Нельзя! отвѣтилъ онъ коротко.

Сестра склонилась съ покорностью.

— Почему жъ? спросилъ Каспаръ, вѣдь не разъ я видѣлъ въ Варшавѣ, какъ москали ходятъ въ костелы и цалуютъ не только крестъ Господній, но и дарохранительницу.

— Тамъ другое дѣло: ксендзъ эти святыни подаетъ цаловать всѣмъ, поэтому, по незнанію, дозволяетъ и схизматикамъ осквернять Бога своими устами.

Неубѣжденный этимъ фельдшеръ продолжалъ далѣе:

— Вѣдь Господь Богъ всемогущъ, такъ зачѣмъ же Самъ попускаетъ осквернять себя?...

Ксендзъ нѣсколько смѣшался отъ этого вопроса, но тотъ часъ оправился и сказалъ грубо:

— Не кощунствуй, молокососъ! Господь Богъ поставилъ насъ стражами Его святыни. Схизматикъ есть язычникъ, не вѣруетъ въ нашего Іисуса Христа и не можетъ быть спасенъ, потому что не христіанинъ.

— Однакожъ, жаждетъ поцаловать крестъ,—значитъ вѣруетъ и исповѣдуетъ Его. Впрочемъ и самъ ксендзы, при обращеніи москаля или лютеранина въ католицизмъ, не повторяетъ св. крещенія надъ нимъ, но только помазуетъ святымъ масломъ и первое крещеніе признаетъ праведнымъ. Слѣдовательно и схизматиковъ признаетъ христіанами.

Ксендзъ былъ разбитъ здравымъ смысломъ на всѣхъ пунктахъ; получилъ *шахъ* и *матъ*.

Однакожъ поставилъ на своемъ. Схватилъ распятіе и унесъ его изъ лазарета, пробормотавъ:

— Никогда не позволю язычнику осквернить святыню нечестивыми устами.

Вторая операція для несчастнаго Корчагина была тоже безполезна: антоновъ огонь шибко распространялся далѣе и кончина была близка.

За нѣсколько минутъ до смерти онъ сказалъ фельдшеру:

— Прощай, панъ Каспаръ!... прости меня за все... Благодарю Бога, что въ послѣднія минуты моей жизни онъ послалъ ко мнѣ тебя, а не кого либо другаго. Скажи вашему ксендзу, что и ему прощаю... хотѣлъ примириться съ Богомъ. Онъ меня зоветъ къ себѣ, но ксендзъ отталкиваетъ, не допускаетъ меня даже видѣть образъ Божій въ минуту смерти!... Дай

Богъ, чтобы самъ ксендзъ не испыталъ подобнаго несчастія въ минуту кончины...

Панъ Каспаръ успокоивалъ больнаго, сколько могъ—но самъ хорошо понималъ, что слова его напрасны.

— Нѣтъ, мой другъ, все кончено.... Вотъ исполни последнее мое желаніе: имѣю 5 рублей... они у казначея. Получи ихъ—2 рубля возми себѣ... болѣе дать не могу... а три отошли моей старушкѣ матери... запиши: рязанской губерніи, сапожковскаго уѣзда, въ деревнѣ Иванище, Акулина Корчагина.... Напиши ей, что я умеръ, какъ истинный солдатъ, проливъ кровь за царя и Русь святую...

— Нѣтъ, Корчагинъ, не хочу твоихъ денегъ ни одного гроша: если угодно будетъ Господу позвать тебя къ Себѣ, тогда всѣ твои деньги отошлю твоей матери. Самъ не умѣю писать по русски, но сыщу такого, что съумѣетъ и волю твою свято исполню. Сестра милосердія будетъ свидѣтелемъ.

Больной поворотившись къ раненымъ сослуживцамъ сказалъ имъ по русски.

— Прощайте, братія! поклонитесь товарищамъ.... помолитесь о моей душѣ... засвидѣтельствуйте предъ начальствомъ о фельдшерѣ....

Утомленный долгимъ разговоромъ, больной умолкъ и тяжело дышалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ опять воскликнулъ:

— Креста... свѣчу... мать....

Сестра принесла зажженную свѣчу и подала въ руку умирающаго. Фельдшеръ снялъ съ груди больнаго его крестикъ и приложилъ къ его устамъ. Сестра преклонила колѣни, солдаты громко читали по русски «Отче нашъ и другія молитвы», смертельною икотою прекратилась жизнь храбраго русскаго воина...

Все было кончено.

Сестра милосердія и фельдшеръ пошли къ ксендзу спросить, что дѣлать съ трупомъ схизматика, въ первый разъ находящимся въ лазаретѣ?

— Что дѣлать!.. .. на перекресткѣ дороги зарыть нельзя,—тогда московскій военный начальникъ съѣстъ насъ живьемъ. Вынесите его на время въ мертвый домъ (trupiarnia) на кладбище, а тамъ, завтра, заройте на концѣ кладбища у забора.

Коцюмузыцкій просилъ святой воды окропить гробъ и могилу. Но ксендзъ отказалъ и въ этомъ. Однакожe, въ день погребенія, фельдшеръ выпросилъ у органиста нѣсколько святой воды, содержимой обыкновенно при входѣ въ монастырскую трапезу и окропилъ ею гробъ и могилу.

Вскорѣ послѣ того ксендзъ исчезъ, и скоро узнали, что онъ находится въ бандѣ духовникомъ.

Выздоровѣвшіе солдаты, по выходѣ изъ лазарета, явились къ своему начальнику и разсказали подробно, какъ много были они обязаны пану Коцюмузыцкому. Начальникъ исходатайствовалъ для него у намѣстника награду въ 250 р. сер.

Въ концѣ мая текущаго года, у станціи петербургско-варшавской желѣзной дороги, собралось множество знакомыхъ и родственниковъ прощаться съ осужденными въ ссылку во внутреннія губерніи Россіи и въ Сибирь. Въ числѣ первыхъ былъ и панъ Коцюмузыцкій, и между ссыльными узналъ онъ и своего ксендза.

— Счастливаго пути, *ксенже добродію!* воскликнулъ онъ. А далеко ли?

— Въ рудники, въ Сибирь! хорошо еще, что на этомъ кончилось. . . . (Dzien. Powsz.)

(Изъ разсказа самаго пана Каспара Коцюмузыцкаго).

Письмо въ ред. Вилен. Вѣстника.

8 іюля я былъ свидѣтелемъ торжества, бывшаго по случаю освященія храма въ селѣ Маклокѣ (велижскаго уѣзда); я говорю торжества потому, что нашему крестьянину рѣдко приходится видѣть освященіе храма, а въ этомъ случаѣ какъ было не торжествовать ему, когда освящался храмъ въ его родномъ селѣ, храмъ, сооруженный на суммы, дарованныя Государемъ Императоромъ, на этотъ предметъ, западному краю. Какъ было не радоваться ему, бѣдному-поселянину, когда въ этотъ храмъ Августѣйшею Фамиліею были присланы въ даръ церкви: дарохранительница, священническія одежды и другія церковныя принадлежности. Да, это торжество — эра, отъ

которой маклокскій поселянинъ будетъ считать время, будетъ вспоминать и радость свою и прошедшее горе.

Не буду описывать торжества освященія церкви, въ которой не вмѣщался прибывшій по этому случаю православный народъ, скажу только, что божественная литургія завершилась молебствіемъ о здравіи и долгоденствіи Августѣйшаго Монарха и всего царствующаго Дома и что молящіеся христіане, приложась къ св. кресту, до тѣхъ поръ не выходили изъ церкви, пока пѣвчіе не окончили нѣсколько разъ повторенное многолѣтіе.

Изъ церкви, мѣстнымъ священникомъ, от. Тимоѳ. Рыбаковымъ, многіе были приглашены къ обѣденному столу и въ томъ числѣ волостной старшина и сельскіе старосты этого прихода. Во время обѣда были предложены тосты: за здоровье Государя Императора, мѣстнаго архіепископа, г. главнаго начальника края и здоровье г. начальника губерніи, и всѣ тосты, конечно, сопровождались громкимъ ура!, а послѣ тоста перваго хоромъ пѣвчихъ, составленнымъ изъ учениковъ велижскаго уѣзднаго училища, подъ руководствомъ законоучителя ихъ, священника Высоцкаго, былъ пропѣтъ народный гимнъ: „Боже Царя храни!“ Послѣдній тостъ былъ предложенъ хозяиномъ за здоровіе мѣстнаго исправника, г. Воейкова, принявшаго на себя труды къ скорѣйшему окончанію храма.

Погода, казалось, благопріятствовала празднеству, и потому почти всѣ разошлись прогуляться до вечерни. Но вотъ ударилъ колоколъ, и церковь снова полна, и снова потекла молитва въ новомъ храмѣ, родномъ храмѣ маклокскихъ поселянъ. Спустя нѣсколько времени, послѣ вечерни, духовенство и почетные попечители были приглашены волостнымъ старшиною въ домъ волостнаго правленія, гдѣ былъ приготовленъ столъ, покрытый бѣлою скатертью и на немъ шесть зажженныхъ восковыхъ свѣчей и образъ Спасителя съ крестомъ и евангеліемъ. Надо было видѣть и слышать, съ какимъ чувствомъ старшиною были сказаны слова от. протоіерею: „батюшка! просимъ васъ отслужить молебень за здравіе Государя,-Благодѣтеля нашего“, и снова началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о здравіи Государя Императора, по окончаніи котораго тотъ же старшина поднесъ приходскому священнику два свернутыхъ листа и сказалъ: „просимъ васъ, батюшка, прочесть всенародно“. Первый листъ

заключалъ въ себѣ адресъ Его Императорскому Величеству за сооруженный для нихъ храмъ и за всѣ милости, изліянныя на нихъ щедротами Августѣйшаго Монарха. Когда чтеніе было окончено и бумага передана старшинѣ, онъ, подойдя къ г. исправнику и подавая ему этотъ адресъ, сказалъ: „батюшка, ваше высокоблагородіе Николай Ивановичъ, просимъ васъ всѣмъ міромъ передать эту бумагу нашему Отцу-Государю“. — „Просимъ, просимъ!“ послышалось со всѣхъ сторонъ, и нѣсколько разъ, съ поклономъ, повторялись слова: просимъ, просимъ, всѣми маклакскими поселянами. Вотъ говоръ затихъ, и велижскій уѣздный исправникъ, г. Воейковъ, отвѣчалъ имъ: „отрадно видѣть въ васъ проявленіе такой искренней, неподдѣльной благодарности къ Государю Благодѣтелю. Я почту себѣ за счастіе засвидѣтельствовать объ этомъ предъ начальствомъ и представлю вашу бумагу г. начальнику губерніи. Бумагу вашу будутъ читать во всей Россіи и, по выраженнымъ въ ней чувствамъ любви и благодарности къ Государю, всѣ узнаютъ въ васъ людей русскихъ, людей православныхъ, а Царь земли русской крѣпокъ и силенъ любовью своихъ подданныхъ; молитесь же усердно за Царя-Благодѣтеля въ построенномъ Имъ для васъ храмѣ, да пошлетъ Царь Небесный нашему Царю земному многія лѣта“. Въ это время хоръ пѣвчихъ грянулъ многія лѣта, а крестьяне — одни кричали ура, а другіе — „пошли, батюшка, нашу бумагу, пошли“. Другой листъ, прочитанный тѣмъ же священникомъ, выражалъ благодарность г. исправнику за дѣятельное участіе въ постройкѣ ихъ храма. Послѣ того, когда столъ съ священными принадлежностями былъ прибранъ, волостной старшина предложилъ выпить по чаркѣ водки за здоровье Государя Императора, и долго, съ восторгомъ ура и крикомъ своимъ, казалось, разгоняли набѣгавшіе на небѣ тучи, которыя были вовсе не кстати, потому что для крестьянъ приготовлялся новый, невѣдомый имъ сюрпризъ. Въ сумерки, передній фасадъ волостнаго правленія представился глазамъ ихъ иллюминованнымъ цвѣтными огнями, а въ окнахъ зданія выставленные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы были убраны гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Кромѣ того, въ главномъ входѣ былъ выставленъ прекрасно освѣщенный транспарантъ съ вензелевымъ изображеніемъ Государя Императора, и подъ нимъ такой же транспарантъ, въ которомъ ясно просвѣчивались слова: „Боже

Царя храни"! Любопытство крестьянъ, съ непокрытыми головами разсматривающихъ портреты, и удивленіе невиданному для нихъ освѣщенію, было отвлечено ракетой, взвившейся за селомъ, и всѣ бросились туда: римскія свѣчи, огненныя колѣса и другія фигуры феерверка заняли все вниманіе удивленной публики; но когда глазамъ поселянъ представился огромный, ясно освѣщенный щитъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени Государя Императора, и когда за щитомъ пѣвчіе запѣли гимнъ „Боже, Царя храни"! крестьяне, какъ бы по приказанію, сняли шапки и начали креститься. Ура! раздалось на цѣлой площадкѣ, и звучное эхо вторило восторгу маклокскихъ поселянъ. Наблюдатель замѣтилъ-бы въ эту минуту неподдѣльную радость на ихъ лицахъ, не понимавшихъ, кто одинаково съ ними радуется и повторяетъ тоже слово ура!

Такъ окончилось торжество освященія храма въ с. Макловкѣ. Кстати замѣтить, что устройствомъ иллюминаціи и феерверка занимался волостной писарь маклокской волости, чиновникъ Григорьевъ.

Велижъ 5-го іюля 1864 г. В. П......ій.

(Вил. Вѣст).

Пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ.

8 іюля, въ 9 ч 48 м. по полудни, Его Императорское Величество изволилъ благополучно прибыть въ Вильно изъ заграничнаго путешествія.

На станціи желѣзной дороги, прекрасно убранной цвѣтами и зеленью, Его Величество встрѣтили главный начальникъ края со всѣми военными и гражданскими чинами.

Когда Государь Императоръ вышелъ изъ вагона, громогласное и радостное „ура" потрясло воздухъ. Государь, пройдя по фронту караула отъ Новоторжскаго пѣхотнаго полка и поздоровавшись съ нимъ, сѣлъ въ открытую коляску, пригласивъ въ нее г. главнаго начальника края. Его Величество, при колокольномъ звонѣ и неумолкаемомъ „ура"!—ѣхалъ среди тысячъ народа Александровскимъ проспектомъ, по Острobрамской, Большой, Нѣмецкой, Благовѣщенской и Дворцовой улицамъ,—во дворецъ. Около Остробрамскихъ воротъ стояло въ облаченіи съ крестомъ и съ хоругвями римско-католическое

духовенство. Около православнаго собора, нынѣ перестраивающагося, раздалось громогласное „ура"!—стоявшихъ здѣсь крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ мировыми посредниками, еще задолго до пріѣзда Государя. Во дворцѣ ожидалъ почетный караулъ отъ Пермскаго пѣхотнаго полка съ комендантомъ города Вильно и другими воинскими начальниками. Государь Императоръ, осмотрѣвъ почетный караулъ и поздоровавшись съ нимъ, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ; затѣмъ изволилъ войти во внутренніе покои, гдѣ кушалъ чай, пригласивъ къ оному г. главнаго начальника края.

Многочисленныя толпы народа наполняли улицы, въ особенности же весь Александровскій проспектъ насупротивъ путеваго двора, и окрестные холмы и горы. Къ вечеру почти все населеніе города было на улицахъ, и не смотря на ненастную погоду, любовалось великолѣпнымъ освѣщеніемъ до поздней ночи.

9 іюля, въ 7 ч. утра на дворѣ дворца ожидали выхода Его Величества представители виленскаго городскаго общества, а также старшины и выборные отъ разныхъ сельскихъ обществъ виленской и ковенской губерній, коихъ собралось до пяти сотъ человѣкъ. Государь Императоръ, милостиво принявъ поднесенную Его Величеству городскимъ обществомъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ—соль, соизволилъ обратиться къ крестьянамъ собственникамъ, кои также поднесли хлѣбъ—соль и икону святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, причемъ благоволилъ сказать имъ слѣдующія слова: „подойдите ко мнѣ."—Крестьяне окружили своего Царя-освободителя. Государь изволилъ продолжать: „Я для васъ сдѣлалъ все что могъ, благодарю васъ за вашу вѣрность. Повинуйтесь постановленнымъ надъ вами властямъ и исполняйте повинности, установленныя для васъ положеніемъ. Этимъ вы докажете Мнѣ вашу благодарность за всѣ дарованныя вамъ права и льготы". Затѣмъ Государь Императоръ сѣлъ въ открытую коляску, пригласивъ въ нее г. главнаго начальника края, и въ сопровожденіи всей свиты изволилъ отправиться въ Св. Духовъ Монастырь, гдѣ собрались всѣ гражданскіе чины. Его Величество былъ встрѣченъ синодальнымъ членомъ, высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ съ преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, и со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ. Когда Государь, выйдя изъ

экипажа, вступилъ на паперть, митрополитъ Іосифъ привѣтствовалъ Его Величество слѣдующими словами:

„Благочестивѣйшій Государь!"

И въ печальномъ положеніи нашей страны, встрѣчаемъ мы Тебя сердцами, исполненными радованія отъ лицезрѣнія Твоего. Твоихъ здѣсь вѣрноподданныхъ, Ты не смѣшиваешь съ преступнымъ сонмищемъ злоумышленниковъ, дерзнувшихъ въ своемъ безуміи возстать на священную власть помазанника Божія. Не смѣшиваешь этого сонмища и съ вѣрнымъ преданнымъ Тебѣ здѣшнимъ народомъ, который освободилъ Ты отъ узъ рабства, связывавшихъ тѣлесныя и душевныя его силы, который избавилъ Ты отъ ига самонадѣянной горсти пришельцевъ, терзавшей его нѣсколько вѣковъ и старавшейся лишить его и роднаго русскаго слова, и вѣры православной. За все это благодаримъ Тебя, Царь благосердый.

Еще позволь, Всемилостивѣйшій Государь, принести Тебѣ съ предстоящимъ здѣсь сонмомъ священства, глубочайшую благодарность, за великую милость, оказанную православному духовенству здѣшней страны, дарованіемъ новыхъ средствъ къ улучшенію его быта. Возвысивъ благосостояніе народа, Ты не захотѣлъ оставить его пастырей въ прежнемъ уничиженіи—чувствуемъ Твое великодушіе и благоволеніе. Желая поднять этотъ народъ нравственно, даруешь его духовнымъ руководителямъ средства быть болѣе достойными своего высокаго призванія—понимаемъ Твое Царственное благоусмотрѣніе. Потщимся оправдать Твои благія ожиданія и будемъ молить Всевышняго, да благословитъ онъ добрымъ успѣхомъ всѣ начинанія Твои, Благочестивѣйшій Государь!!!".

Потомъ по совершеніи краткаго молебствія, Государь сошелъ въ придѣлъ, устроенный въ склепѣ, гдѣ почіютъ св. виленскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій и, приложившись къ нетлѣннымъ мощамъ, удостоилъ принять поднесенную Его Величеству высокопреосвященнымъ Іосифомъ икону Спасителя. Отсюда Государь Императоръ изволилъ отправиться на смотръ войскъ, собранныхъ на обширномъ полѣ за предмѣстьемъ Снипишки. Здѣсь, объѣхавъ войска, Государь удостоивалъ милостивыхъ словъ нѣкоторыхъ кавалеровъ, имѣющихъ знаки военнаго и другихъ орденовъ; затѣмъ всѣ войска

два раза прошли церемоніальнымъ маршемъ, пѣхота сперва повзводно, а стрѣлковыя роты бѣглымъ шагомъ; потомъ вся пѣхота прошла въ колоннахъ; кавалерія прошла шагомъ по-эскадронно, а затѣмъ по-эскадронно же различными аллюрами; артиллерія проходила тоже два раза, сперва шагомъ, потомъ рысью; Его Величество благодарилъ всѣ части; послѣ сего Государь, еще разъ объѣхавъ всѣ войска, изволилъ вызвать всѣхъ кавалеровъ, какъ офицеровъ такъ и рядовыхъ, распрашивалъ гдѣ и за что получили ордена и благодарилъ ихъ за молодецкую службу. Подъѣхавъ къ Пермскому пѣхотному полку, Государь изволилъ стать передъ нимъ, скомандовалъ „на караулъ“— и отдавъ честь начальнику виленскаго военнаго округа, генералу отъ инфантеріи М. Н. Муравьеву, поздравилъ его шефомъ этого полка; при чемъ благодарилъ его за труды и самоотверженіе, поднятые къ умиротворенію здѣшняго края и водворенію въ немъ законности и порядка; въ заключеніе Его Величество благоволилъ самъ провозгласить „ура“—громогласно повторенное всею свитою, и Пермскимъ пѣхотнымъ генерала отъ инфантеріи Муравьева 2 полкомъ.

Уѣзжая съ плаца Его Величество благоволилъ изъявить совершенное удовольствіе за отличное состояніе войскъ, и еще разъ благодарилъ главнаго начальника края и всѣхъ командующихъ частями.

На Высочайшемъ смотру находились слѣдующія войска: 26 пѣхотной дивизіи по 3 баталіона Пермскаго (101) и Устюжскаго (104) пѣхотныхъ полковъ; 27 пѣхотной дивизіи, 5 ротъ Саратовского (108) пѣх. полка; 1-й кавалерійской дивизіи—2-й лейбъ-драгунскій Псковскій Ея Величества полкъ и 1-й гусарскій Сумскій полкъ; 1-й конно-артиллерійской бригады: конно-батарейная № 1-го Его Велико-Герцогскаго Высочества Герцога Георгія Мекленбургъ-Стрелицкаго батарея; 1-й полевой артил. бригады: облегченная и нарѣзная легкая, батарея. Всего находилось: 7 баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи и 3 батареи артиллеріи при 24 орудіяхъ.

По окончаніи смотра, во время котораго погода совершенно сверхъ ожиданія прояснилась, Государь Императоръ проѣхалъ прямо на путевой дворъ желѣзной дороги, гдѣ ожидали Его Величество всѣ гражданскіе чины. Во время проѣзда Государя Императора по городу, улицы и площади были наполнены народомъ всѣхъ сословій привѣтствовавшихъ всюду Государя неумолкаемымъ „ура!.“

Передъ р. к. каөедральнымъ соборомъ, во время проѣзда Его Величества стояли: управляющій виленскою р. к. епархіею прелатъ препозитъ Іосифъ Бовкевичъ съ цѣлымъ капитуломъ и всѣмъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и хоругвями.

Прибывъ на станцію желѣзной дороги, Государь проходя мимо мировыхъ посредниковъ, изволилъ благодарить ихъ за службу.

Въ 9-ть часовъ 35 мин. утра Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ Вильно по пути въ С.-Петербугъ. Прощальное „ура"— потрясало воздухъ во все время пока поѣздъ не скрылся за холмами предмѣстья Россы.

Въ продолженіе всей послѣдней недѣли въ Вильнѣ всюду видна была усиленная дѣятельность. Всѣ зданія въ городѣ, особенно на большихъ улицахъ, наряжались къ предстоящему торжеству. Воздвигались арки, тріумфальныя ворота, всѣ окна украсились разноцвѣтными флагами, транспарантами съ вензеловыми изображеніями имени Государя Императора, тканями, коврами, цвѣтами и зеленью. Многія окна убраны были вазами съ живыми цвѣтами. Все это вмѣстѣ представляло очаровательное зрѣлище.

Нельзя не порадоваться отъ всего сердца тому усердію всѣхъ жителей, которое проявилось въ украшеніи домовъ, чтобы достойно принять вожделеннаго Вѣнценоснаго Гостя.

Государь Императоръ прибылъ на Динабургскую станцію желѣзной дороги 9-го іюля въ 2 часа по полудни, гдѣ былъ встрѣченъ Великими Князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Константиновичемъ, прибывшими изъ Риги въ сопровожденіи тамошняго г. Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта графа Ливена, и немедленно изволилъ отправиться на смотръ 3-хъ баталіоновъ Вятскаго (102) полка, 2-хъ баталіоновъ Петрозаводскаго (103), конно-облегченной № 2-го батареи 1-й конно-артиллерійской бригады и батарейной батареи 26-й полевой артиллерійской бригады, и сотни земской стражи старообрядцевъ казаковъ.

Государь остался весьма доволенъ бодрымъ видомъ солдатъ и стройными движеніями войскъ, и по окончаніи смотра изволилъ, объѣзжая колонны, еще разъ ихъ благодарить.

Его Величество обратилъ особенное вниманіе на козаковъ сельской стражи, проходившихъ также довольно стройно церемоні-

альнымъ маршомъ. Эта земская стража, принесшая такъ много пользы во время прошлогоднихъ смутъ, по случаю водвореннаго порядка въ краѣ и совершеннаго подавленія мятежа, послѣ Высочайшаго смотра распускается по домамъ. Подъѣхавъ къ фронту казаковъ, Государь очень ихъ благодарилъ и заключилъ Свою рѣчь слѣдующими словами: „когда вы возвратитесь въ свои дома, то скажите вашимъ отцамъ, что Я ихъ благодарю за вашу вѣрную и усердную службу!“ Слова эти никогда не изгладятся изъ памяти народа и перейдутъ въ отдаленное потомство.

Послѣ этого Государь Императоръ приказалъ вызвать на лѣвый флангъ колонны георгіевскихъ кавалеровъ, а также штабъ и оберъ-офицеровъ, получившихъ знаки отличій за военные подвиги, и благодарилъ ихъ за усердную службу въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ началѣ 1-го часа Государь возвратился на станцію желѣзной дороги, великолѣпно убранную тропическими растѣніями, гирляндами и букетами изъ живыхъ цвѣтовъ. У подъѣзда ожидала депутація крестьянъ дисненскаго уѣзда, неуспѣвшихъ, по отдаленности, въ первый проѣздъ Государя явиться въ Динабургъ.

Его Величество милостиво принялъ депутацію и благодарилъ за вѣрность и усердіе. Хлѣбъ-соль были поднесены на серебрянномъ блюдѣ и кромѣ того икона св. Николая въ серебрянной позолоченной ризѣ.

Въ исходѣ пятаго часа окончился обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія всѣ генералы и полковые командиры: во время обѣда игралъ оркестръ военной музыки и два хора пѣсенниковъ.

Государь Императоръ, садясь въ вагонъ, благодарилъ начальниковъ войскъ слѣдующими словами: „Господа, благодарю васъ еще разъ за вашу усердную службу, прошлогоднюю и теперешнюю.“

Царскій поѣздъ изъ Динабурга тронулся въ 4 часа 50 минутъ.

Настоящее положеніе Священниковъ, Х. уѣзда, одного изъ юго-западныхъ губерній.

Вчера я былъ въ обществѣ духовномъ, гдѣ былъ и становый приставъ, какъ сосѣдъ мѣстнаго священника. Гость сей

не многими своими словами обратилъ на себя особенное вниманіе. Онъ похвалилъ одного изъ отсутствующихъ священниковъ, что показалось всѣмъ и рѣдкимъ и особеннымъ. У всякаго изъ присутствующихъ родилось любопытство, за что того священника приставъ хвалилъ, когда кругъ его дѣйствія, какъ всѣмъ извѣстно, въ дѣлахъ, относящихся прямо долга его служенія, единообразенъ прочимъ. Оказалось, что тотъ священникъ не уважаемъ прихожанами и дѣйствуетъ противъ нихъ. Дѣло для насъ весьма понятное; прежде насъ не хвалили за наше недостаточное образованіе, за нашу простоту, индѣ даже невоздержаніе: а нынѣ насъ, слышимъ, похваляютъ. И за чтоже?— За наше излишнее образованіе; нѣтъ, еще не такъ, за то собственно, что народъ къ намъ приверженъ и вѣритъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ кому либо другому.

Этому слѣдовало бы, кажется, радоваться, или, по крайней мѣрѣ не винить и не осуждать духовенство, тѣмъ болѣе не преслѣдовать его. Правда, этого послѣдняго мы еще неиспытываемъ: но намъ больно слышать непохвальные отзывы за то, что, по справедливости, достойно похвалы. Народъ дѣйствительно намъ вѣритъ: но это не ново. Исторія древняго времени свидѣтельствуетъ, что православное духовенство пользовалось постоянно особеннымъ довѣріемъ у народа и не даромъ; исторія настоящихъ временъ тѣ же открываетъ факты и, вѣрно, тоже не даромъ. Этихъ фактовъ или опытовъ было много какъ во время крѣпостнаго состоянія крестьянъ, такъ и во время настоящаго—свободнаго.

Крестьянскій вопросъ, какъ извѣстно, надлежаще еще не оконченъ. Теперь собственно по немъ дѣйствуетъ *повѣрочная Комиссія*. Члены сей комиссіи, сколько слышать можно, дѣйствуютъ что-то не удачно. Вездѣ они встрѣчаютъ если не сопротивленіе народа, по крайней мѣрѣ недовѣрчивость его. Между причинами, коими они объясняютъ свою безъуспѣшливость, они винятъ, сколько они сами говорятъ, *духовенство*. Да и какъ, имъ собственно, не винить его? Что они не предлагаютъ народу, правое или неправое, народъ не принимаетъ и, если не явно, то тайно говоритъ, пойдемъ напередъ спросимъ своего батюшки, посовѣтуемся съ нимъ, и тогда отвѣтимъ. Членовъ это приводитъ просто въ изступленіе. Случается нерѣдко, что крестьяне сего и недумаютъ, ни какъ не соглашаются на пред-

ложеніе *повѣрочной Комиссіи*, по извѣстнымъ обиднымъ для нихъ причинамъ, то членамъ представляется, что другой причины быть не можетъ. одно лишь народъ предполагаетъ, посовѣтоваться съ своимъ священникомъ. Допустимъ, что бываетъ и такъ. Но что въ семъ противнаго? Всякій за вѣрное положить можетъ, что священникъ ничего противозаконнаго своимъ прихожанамъ не посовѣтуетъ и ни начто худое не наставитъ. Но, если народъ своему священнику приверженъ, или, вообще духовенству вѣритъ болѣе, чѣмъ кому иному: то, безъ сомнѣнія, судить нужно, что духовенство умѣло теперь, какъ и прежде, сыскать довѣріе народа и удержать за собою. И на оборотъ, если *чиновный міръ* теряетъ довѣріе у народа, то, судить нужно, что также случилось не безъ причины. Не входя въ разбирательство сихъ причинъ, а нельзя не войти, долгъ благоразумія, начальственнымъ лицамъ сблизиться съ тѣмъ обществомъ, или лицомъ, коему народъ питаетъ довѣріе, и дѣйствовать за одно; между тѣмъ мы видимъ, мы даже испытываемъ противное.

Виноваты ли мы, что народъ намъ вѣритъ?—Видно, виноваты. Почему?—Это народъ яснѣе и громче насъ говоритъ. Почему же чиновному міру не вѣрите? Тотъ же народъ объясняетъ это и говоритъ. Не только простый народъ, но просвѣщенный не вѣритъ вообще тому, кто говоритъ такъ и сякъ, обѣщаетъ, а не исполняетъ, кто говоритъ такъ, а дѣйствуетъ иначе. И, если простой народъ—крестьяне не вѣрятъ чиновному міру, а вѣрятъ духовенству: то, вѣрно, потому, что сіе послѣднее народу ничего лишняго не обѣщало, нужнаго не утаивало, шло само и вело за собою народъ путемъ истины и правды. Крестьяне, по видимому, народъ простъ и малопонятенъ. Нѣтъ; онъ былъ таковъ, пока находился въ зависимомъ—крѣпостномъ состояніи; но теперь, когда по милости Божіей и попечительнаго нашего Монарха, сталъ свободенъ, свободу свою онъ началъ высказывать болѣе всего въ мышленіи и правахъ настоящаго и будущаго своего обезпеченія. Короче, что народъ намъ вѣритъ, судить не намъ. Долгъ нашъ поддерживать и упражнять этотъ союзъ правоты и довѣрія. Почему же народъ не вѣритъ чиновному міру?— Мы этому нимало удивляемся. Если бы и мы были на мѣстѣ крестьянъ, а видѣли и испытывали дѣйствія и отношенія тѣхъ лицъ, и мы судили бы о нихъ не

иначе. Напр. какъ вѣрить было мировому посреднику? Крестьянинъ, хотя и освобожденъ былъ отъ крѣпостной зависимости, но все же ближайшимъ его начальникомъ, руководителемъ въ жизни гражданской и наставникомъ былъ поставленъ одинъ изъ прежнихъ, ему извѣстныхъ помѣщиковъ. Крестьянинъ это объяснялъ такъ: стадо волковъ изгнано изъ стада овецъ, но все же пастухомъ овецъ поставленъ изъ того же стада старшій волкъ. Это впрочемъ еще мало подрывало значеніе и довѣріе мироваго посредника у крестьянина. Онъ, вошедши въ близкія отношенія съ мировымъ посредникомъ и присматриваясь къ его дѣйствіямъ, не можетъ не видѣть, можно сказать, на каждомъ шагу пристрастныхъ его сужденій и рѣшеній въ дѣлахъ своихъ съ помѣщикомъ. Такое пристрастіе, или, что тоже, уклоненіе отъ закона, крестьяне могли видѣть при введеніи *уставныхъ грамотъ*, и особенно, спустя немного, по введеніи оныхъ. Мировый посредникъ убѣждалъ крестьянъ, божился даже и свидѣтельствовался своею честію, чиномъ и званіемъ, что *уставная грамота* составлена безобидно, по правиламъ закона: но оказалось противное. Бывши этому свидѣтелемъ, я самъ вѣрилъ: но теперь.... Даже *выкупный договоръ*, какъ мы видимъ, далеко отъ правилъ закона составленъ. Но мировый посредникъ тоже увѣрялъ и убѣждалъ, что онъ составленъ безъ малѣйшей для крестьянъ обиды; они и повѣрили было и подписали. Что же изъ сего вышло? — Когда *повѣрочная коммиссія* приступила къ отводу земли, сообразно условіямъ договора, крестьяне, увидѣвъ на дѣлѣ свою обиду, не согласились принять земли въ томъ уменьшенномъ количествѣ и въ тѣхъ невыгодныхъ мѣстахъ, въ какихъ имъ отводили. Крестьяне не приняли земли, потому что такое раздѣленіе ея, особенно уменьшеніе ея, для нихъ чрезвычайно обидно; помѣщикъ и мировый посредникъ, при договорѣ, ихъ обманули, написали совсѣмъ не то, что говорили и обѣщали, — говорятъ, «священникъ виноватъ!» Какъ будто бы священникъ обязанъ убѣждать своихъ прихожанъ, принять по волѣ и то, что для нихъ крайне обидно! Какъ будто бы крестьяне такъ неразумны, что не могутъ сами понять, примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ правиламъ, правильнаго, а въ особенности, полнаго раздѣленія земли, и не умѣютъ сами обсудить, какъ имъ было обѣщано и какъ обѣщаніе выполняется? Допустимъ, что такъ случилось въ одномъ

селѣ, или приходѣ: но, какъ примѣръ всегда сильно дѣйствуетъ на другихъ, то и крестьяне иные видя эту, сдѣлку *договора*, а другіе зная ее, не довѣряютъ уже болѣе мировому посреднику, или по крайнѣй мѣрѣ вѣрятъ уже ему столько, сколько ихъ собственное благоразуміе допускаетъ, а правильнѣе, сколько совѣтъ съ священникомъ своимъ позволяетъ.

Но тѣ мировые посредники были поляки, а теперь русскіе, чисто русскіе. Крестьяне знаютъ, что и сей мировый посредникъ, хотя и русскій, но если не помѣщикъ, то изъ помѣщиковъ, который, еще сильнѣе прежняго мироваго посредника, поддерживаетъ интересы помѣщиковъ. Сего мало. Крестьянинъ видитъ образъ жизни сего русскаго мироваго посредника, слышитъ отъ него же мысли его религіозныхъ направленій, невольно присматривается къ исполненію имъ обрядовъ исповѣдуемой имъ, по видимому, православной вѣры, и познаетъ—какой онъ человѣкъ! Крестьянинъ знаетъ, что сей мировый посредникъ не женатъ, а извѣстная ему личность, въ добавокъ еще, кажется, полька, называется его женою и такихъ то пятерихъ дѣтей называется онъ отцомъ,—и какое же крестьянинъ къ такому мировому посреднику можетъ и долженъ имѣть уваженіе и довѣріе? И сего еще мало. Распросите вы какого угодно крестьянина о мировомъ посредникѣ, жившемъ въ мѣстечкѣ З., и отъ разсказа его, вѣрно, волосы ваши подымутся вверхъ. Не говоря объ образѣ его жизни, крестьянинъ фактически васъ увѣритъ, что сей мировый посредникъ, русскій, не смотря на совершенно достаточное содержаніе, получаемое имъ отъ правительства, посредствомъ извѣстной личности, принимаетъ отъ старшинъ матеріальныя благодаренія и посулы, и вы увѣритесь, что крестьяне правы въ томъ, что къ такимъ мировымъ посредникамъ, хотя они и русскіе, не имѣютъ надлежащаго уваженія и полнаго довѣрія. Если же уважаютъ и довѣряютъ, то изъ боязни опасныхъ послѣдствій, примѣры чего раскиданы повсюду: но что это за уваженіе и наше довѣріе?

А вѣдь эти мировые посредники члены повѣрочной комиссіи нашего уѣзда. Вѣрьте же имъ, какъ хотите. Нужно, впрочемъ, вѣрить. Эта комиссія, кромѣ членовъ—мировыхъ посредниковъ, имѣетъ предсѣдателя, въ чинѣ полковника. Этотъ полковникъ вмѣстѣ же и помѣщикъ, только другаго уѣзда. Крестьяне это знаютъ. Они даже знаютъ образъ обхожденія его

съ прежними его крестьянами, образъ его жизни, даже способы, при коихъ онъ, управляя недавно, можно сказать, въ ихъ глазахъ одною ротою, сдѣлался и подполковникомъ и *помѣщикомъ*. Это бы еще ничего. При пріѣздѣ въ село, по открытіи своихъ дѣйствій, созвавъ крестьянъ, онъ обѣщаетъ, отграничить имъ земли, гдѣ они пожелаютъ и надѣлить землею тѣхъ домохозяевовъ, кои имѣли недавно землю, но лишены оной по разнымъ причинамъ, тѣмъ болѣе не отъ нихъ зависящимъ; послѣ же свиданія и переговоровъ съ мѣстнымъ владѣльцемъ, признаетъ домогательство крестьянъ, основанное на его обѣщаніи, незаконнымъ и свое обѣщаніе неправымъ. Какое же можетъ имѣть довѣріе у крестьянъ такой начальникъ? Не смотря на все это, ему кажется, если бы священники не подрывали къ нему довѣрія, ему во всемъ, правомъ и неправомъ, слѣпо бы вѣрили. Напрасно и неправо такъ думаетъ и говоритъ предсѣдатель повѣрочной Комиссіи крестьянамъ: крестьянинъ, сдѣлавшись свободнымъ, тотчасъ по освобожденіи, сдѣлался гораздо болѣе развитымъ и понятливымъ, особенно въ дѣлахъ, относящихся его настоящихъ правъ и будущаго своего обезпеченія. Пусть никто не думаетъ, что и священнику своему онъ слѣпо вѣритъ; нѣтъ, онъ вѣритъ тѣмъ только его постановленіямъ и внушеніямъ, которыя не противны, по его разумѣнію, здравому смыслу и законамъ божескимъ и человѣческимъ. Крестьянинъ вѣритъ священнику, если онъ учитъ истинно доброму и полезному и болѣе вѣритъ священнику, испытанному, въ теченіи долгихъ лѣтъ, въ истинѣ и правдѣ, честности, безкорыстіи и другихъ совершенствахъ, требуемыхъ отъ него не по долгу только священства, но и по обязанности человѣка—христіанина. Если бы эти степени совершенства крестьянинъ видѣлъ и въ членахъ повѣрочной комиссіи, и вообще во всемъ чиновномъ мірѣ, онъ вѣритъ бы и имъ безъусловно.

И въ чемъ же состоитъ домогательство крестьянъ, но наши члены повѣрочной коммиссіи, въ настоящихъ ихъ дѣйствіяхъ, признаютъ крестьянъ неправыми, и крестьяне не имѣютъ, какъ и не имѣли, къ нимъ довѣрія? Самая главная причина несходства мыслей и взаимнаго недовѣрія состоитъ въ томъ, что крестьяне просятъ и требуютъ земли, которая, по качеству своему и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, была бы выгодна, а иные землевладѣльцы назначаютъ имъ земли менѣе доброкачест-

венную, а себѣ оставляютъ гораздо лучшую. Крестьяне домагаются, чтобы землею были надѣлены и тѣ домохозяева, которые прежде имѣли земли, но по разнымъ причинамъ ее лишились, а правильнѣе ихъ лишили. Члены повѣрочной коммиссіи, какъ доселѣ видно, на сторонѣ владѣльцевъ; а духовенство на сторонѣ крестьянъ, а вѣрнѣе, на сторонѣ истины. Крестьяне просятъ и требуютъ земли. Что въ этомъ противнаго? Крестьянинъ проситъ земли не даромъ, а за деньги и на выплатъ ее, не для того, чтобы она, какъ нынѣ и прежде у иныхъ владѣльцевъ, оставалась праздною, невоздѣланною, а для того, чтобы ее воздѣлывать, трудиться надъ нею, и тѣмъ доставлять пользу самому себѣ, обществу и Государству. Допустимъ, что крестьяне въ своемъ домогательствѣ, въ юридическомъ отношеніи, и неправы: въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ или разъяснить, наставить и убѣдить, а потомъ отказать; но отнюдъ не порицать и не преслѣдовать ихъ, а съ ними, и тѣхъ, кои остаются на сторонѣ истины, а отнюдъ не на сторонѣ крестьянъ.

Другая причина, по которой собственно крестьяне не заслуживаютъ довѣрія къ себѣ, состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя общества селъ и деревень не платятъ оброчныхъ денегъ, слѣдуемыхъ отъ нихъ за землю, находящуюся въ ихъ пользованіи. Это, конечно, непохвально и достойно всякаго осужденія и порицанія, что, вѣрно и духовенство, или священники осуждаютъ и преслѣдуютъ силою слова и убѣжденій. Но, принявъ во вниманіе услугу крестьянъ, оказанную ими государству прошедшаго года въ политическомъ дѣлѣ, счеты ихъ съ прежними владѣльцами и долги, слѣдуемые имъ отъ сихъ послѣднихъ, крестьяне заслуживаютъ гораздо меньшаго порицанія и осужденія. Сей приставъ увѣрилъ, что правительство можетъ достигнуть цѣли не иначе, какъ посредствомъ военной силы и другихъ репрессивныхъ мѣръ, которыя однѣ могутъ только дѣйствовать на крестьянъ. Духовенство съ этимъ не соглашалось, какъ и всегда несогласно; поэтому то оно отъ всѣхъ подобныхъ мыслителей терпитъ, въ настоящее время, осужденіе и негодованіе. За то, напротивъ хвалятъ изъ священниковъ того, кто не сходится съ крестьянами и явно дѣйствуетъ противъ нихъ. За это же крестьяне не питаютъ къ тому священнику довѣрія и уваженія, равно и ко всѣмъ тѣмъ мыслителямъ, кои дѣйствуютъ на нихъ силою угрозъ, страха и разныхъ стѣснительныхъ мѣръ. Народъ это

слышитъ, видитъ и испытываетъ; слѣдовательно, удивительно ли, что онъ не имѣетъ уваженія и не питаетъ довѣрія къ тѣмъ начальственнымъ лицамъ, кои доброй цѣли располагаютъ достигнуть подобными мѣрами? Право, нисколько неудивительно! И народъ, вѣрно, не перемѣнитъ своихъ мыслей о всемъ чиновномъ мірѣ дотолѣ, доколѣ сей міръ не перемѣнитъ своихъ мыслей, отношеній и дѣйствій къ нимъ. Однимъ словомъ, пока сей міръ не перестанетъ хвалить того, кто достоинъ осужденія, и не воздастъ должнаго тому, кто, по справедливости, достоинъ уваженія и довѣрія, и не достигнетъ доброй цѣли дотолѣ, пока, соединившись съ тѣмъ міромъ, кому народъ вѣритъ, не станетъ дѣйствовать за одно.

В А.

СПИСОКЪ

лицъ, обоего пола, вписавшихся въ кіевское св. Владимірское братство, по 6 августа, сего 1864 года, съ означеніемъ количества пожертвованныхъ ими, въ пользу братства, денегъ.

Высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій **Арсеній**	100 р.
Преосвященный **Серафимъ**, епископъ чигиринскій, викарій кіевской митрополіи	50 —
Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Н. Н. **Анненковъ 2**	100 —
Кіевскій военный управляющій граждан. частью губернаторъ, Свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ Н. Г. **Казнаковъ** .	50 р.
Супруга его, Е. С. **Казнакова**	25 —
Дѣйств. статс. сов. А. Н. **Муравьевъ**	50 —
Помѣщикъ Гр Ѳед. Бредихинъ	1000 —
Генералъ-лейтенантъ К. П. Семякинъ.	10 —
Княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова	10 —
Софія Васильевна Бутовичь	25 —
Авдотья Алексѣевна Баронесса Сакенъ	25 —

Генералъ-маіоръ Бобрищевъ—Пушкинъ	10 —
Намѣстникъ кіево-печер. лавры, архимандритъ Варлаамъ .	25 —
Штабсъ-ротмистръ Егоръ Пассекъ.	15 —
Дѣйст. ст. совѣт. Виноградовъ.	10 —
Анна Юзефовичъ	10 —
Экономъ кіево-печерской лавры, іеромонахъ Мельхиседекъ.	10 —
Дѣйств. ст. сов. І. Михневичъ.	10 —
Архимандритъ Өеофилъ	10 —
Протоіерей Гр. Ник. Кранаровъ	10 —
Анна К. Кранарова	5 —
Профессоръ И. Анис. Эремичъ.	10 —
Кіево-печерской лавры іеромонахъ Мелетій	10 —
Егоръ Яковлевичъ Өедоровъ	10 —
Редакторъ „Вѣстника ю. з. и з. Россіи“ К. А. Говорскій.	10 —
Лидія Кс. Говорская	5 —
Ардаліонъ Петров. Каллистратовъ.	10 —
Екатерина Михайловна Энгельгартъ	10 —
Өедоръ Ильичъ Войтенко	10 —
Помѣщикъ Семенъ Потоцкій.	10 —
Надв. сов. Иванъ Абр. Марченко	10 —
Генералъ-маіоръ, Сем. Осип. Серебряковъ	5 —
Генералъ-маіоръ Лосевъ	5 —
Архимандритъ Филаретъ	5 —
Ректоръ дух. семинаріи, архимандритъ Өеоктистъ. . .	5 —
М. М. Хижняковъ	5 —
Протоіерей Іоаннъ Лукашевичъ	5 —
Іеромонахъ Филаретъ	5 —
Профессоръ С. С. Гогоцкій	5 —
Полковникъ Влад. Краснокутскій	5 —
Священникъ Ал. Колосовъ	5 —
Ольга Бравинская	5 —
Экономъ, іеромонахъ Серафимъ	5 —
Протоіерей Василій Каменскій	5 —
Священникъ М. Богдановъ	5 —
Полковникъ Чакмаревъ	5 —
Протоіерей Дмитрій Ждановъ	5 —

Надворный совѣтникъ Курдюмовъ . . . . 5 р.
М. С. Неклюдова . . . . 5 —
Архимандритъ Ѳерапонтъ . . . . 5 —
Священникъ Павелъ Троцкій . . . . 5 —
Коллежскій асс. Ник. Макс. Сементовскій . . . . . 5 —
Профессоръ дух. семинаріи Грушевскій . . . . . . 5 —
Профессоръ. дух. акад. Алекс. Воскресенскій . . . . 5 —
Священникъ Іоаннъ Гошкевичъ . . . . 5 —
Профессоръ дух. семи. Поповъ . . . . 5 —
Профессоръ дух. семи. П. Игнатовичъ . . . . 5 —
Профессоръ дух. акад. Н. И. Щеголевъ . . . . . . 5 —
Профессоръ дух. семи. Сольскій . . . . 5 —
Профессоръ дух. акад. В. Ѳ. Пѣвницкій . . . . . . 5 —
Профессоръ дух. акад. Ев. Крыжановскій . . . . . . 5 —
Штабсъ-Капитанъ Проскуринъ. . . . . 5 —
Купецъ В. Черновъ . . . . 5 —
Купецъ Я. Крыжицкій . . . . 5 —
Священникъ I. Желтоноскій . . . . 5 —
Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій . . . . 5 —
Александръ Ивановичъ Кулжинскій. . . . . 5 —
Амвросій Порфирьевичъ Добротворскій . . . . 5 —
Ив. Як. Давиденко . . . . 5 —
Купецъ С. Мазченко . . . . 5 —
Купецъ П. Мазченко . . . . 5 —
Купецъ В. Соколовъ . . . . 5 —
Купецъ И. Горбуновъ . . . . 5 —
Ѳедоръ Сабанѣевъ . . . . 5 —
Яковъ Сущевскій . . . . 5 —
Степанъ Ступининъ . . . . 5 —
Григорій Аранчевъ . . . . 5 —
Дѣйст. ст. сов. Мих. Алек. Веселкинъ . . . . 5 —
Ст. Вас. Кульженко . . . . 5 —
Купецъ Н. Хряковъ . . . . 5 —
Почет. граж. Т. Дехтеровъ . . . . 5 —
Дмитрій Савицкій . . . . 10 —
Александръ Д. Иванышевъ . . . . 5 —

Почет. Граж. А. Лычковъ	5 —
Митрофанъ Ардаліоновичъ Каллистратовъ	3 —
Софія Петровна Каллистратова	3 —
Иванъ Каменевъ	3 —
Мих. Серг. Серебряковъ.	3 —
Протоіерей Н. Дашкевичъ	3 —
Марья Михайловна Ступина	3 —
Купецъ П. Барскій	3 —
Профессоръ дух. семи. Розановъ	3 —
Алексей Пироженко	3 —
Александръ Литошевскій	3 —
Андрей Матоеѣвичъ Васильевъ	2 —
Купецъ А. Митюкъ	2 —
Купецъ Д. Соколовскій	2 —
Купецъ О. Калиновскій	2 —
Купецъ И. Катковъ	2 —
Купецъ П. Паталѣевъ	2 —
Губ. секр. И. Высоцкій	2 —
Купецъ Н. Кудринъ	1 — 30к.
Купеческій сынъ М. Савицкій	1 —
Купецъ Н. Балабуха	1 —
Купецъ Н. Свѣшниковъ	1 —
Подполковникъ И. Высоцкій	1 —
Колл. сек. Я. Червинскій	1 —
Купецъ А. Барскій	1 —

Всѣхъ подписчиковъ по 6 августа 108

Пожертвовано 1978 р. 30 к.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ГАЗЕТА

ОФФИЦІАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

въ 1864 г.

Согласно указаніямъ г. главнаго начальника края, газета «Виленскій Вѣстникъ,» съ 21 марта 1864 г. издаваемая *на одномъ русскомъ языкѣ,* переобразована и улучшена сообразно мѣстнымъ потребностямъ и современному положенію края. Виленскій Вѣстникъ, какъ органъ, долженствующій служить посредникомъ между правительствомъ и читающимъ населеніемъ края, передавая со всевозможною скоростію всѣ распоряженія правительства, по управленію виленскою, гродненскою, минскою, ковенскою, могилевскою и витебскою губерніями, въ другихъ своихъ отдѣлахъ постоянно будетъ сообщать разнаго рода свѣдѣнія, уясняющія положеніе и знакомящія Россію съ этимъ древне—русскимъ краемъ. Въ учено-литературномъ отдѣлѣ—будетъ помѣщаемъ рядъ статей собственно по части здѣшней древне русской старины, развитіе замѣчательнѣйшихъ событій изъ исторіи сѣверо-западнаго края, въ непосредственномъ соотношеніи съ православіемъ и исконною русскою народною жизнію края.

Разоблачая минувшее этой страны и представляя ея исторію по неопровержимымъ историческимъ даннымъ, и въ то же время, знакомя съ ея настоящимъ, редакція надѣется, что Ви-

ленскій Вѣстникъ успѣетъ разрѣшить не одно недоумѣніе, порождаемое неопредѣлительностію, или поверхностнымъ знаніемъ минувшихъ дѣяній, и представитъ вѣрную картину современнаго положенія во всевозможныхъ проявленіяхъ народной жизни.

Програма газеты слѣдующая:

I. ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: Высочайшія повелѣнія и указы,—указы прав. сената, распоряженія и предписанія министерствъ и начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Высочайшія награды, опредѣленія и назначенія,—вообще административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

II. МѢСТНЫЙ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ:—Распоряженія и предписанія главнаго начальника края по управленію всѣми 6-ю губерніями, а именно: виленскою, гродненскою, ковенскою, минскою, могилевскою и витебскою. Распоряженія, отчеты, журналы засѣданій начальствующихъ лицъ и правительственныхъ учрежденій въ 6-ти сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Награды—движеніе въ службѣ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ.

III. ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ: современная лѣтопись: событія и происшествія въ Россіи и преимущественно въ здѣшнемъ генералъ-губернаторствѣ; общія обозрѣнія современныхъ событій и разъясненіе разныхъ общественныхъ вопросовъ, порождаемыхъ современною жизнію общества; финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроники; засѣданія и отчеты ученыхъ обществъ; учебныя заведенія и народныя школы; корреспонденціи, а также извлеченія изъ разныхъ иностранныхъ и русскихъ органовъ о событіяхъ въ здѣшнемъ краѣ.

IV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.—Общія обозрѣнія, иностранныя извѣстія—телеграфныя депеши.

V. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Кромѣ статей по части статистики, этнографіи, политической экономіи, земледѣлія и другимъ отраслямъ знаній,—здѣсь будетъ обращено особенное вниманіе на исторію здѣшняго края, указаніе и разъясненіе разныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе съ древне-русскою-православною стариною. Кромѣ обширнаго труда П. В. Кукольника, печатаемаго нынѣ въ Виленскомъ Вѣстникѣ и представляющаго общій очеркъ всѣхъ примѣчательнѣйшихъ событій въ Литвѣ и западной Руси, съ древнѣйшихъ временъ, по 1832 г.,—будутъ помѣщены отдѣльныя болѣе обширныя статьи и монографіи; историческіе

очерки древнѣйшихъ городовъ Литвы и Руси, описаніе и изслѣдованіе о православныхъ храмахъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ равно и тѣхъ, кои здѣсь были до образованія уніи; описаніе памятниковъ русскихъ древностей въ краѣ—сохранившихся по сіе время въ развалинахъ древнихъ храмовъ, замковъ; городища, надгробія и т. д.,—однимъ словомъ, все, что можетъ изобразить вѣрную картину судебъ здѣшняго края.

VI. Казенныя и частныя объявленія.

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ выходитъ три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Цѣна за годъ,	въ Вильнѣ	10 р.,	съ пересылкою	12 р.
— полгода	—	5 —	—	6 р.
— 3 мѣсяца	—	3 —	—	3 р. 50 к.
— 1 мѣсяцъ	—	1 —	—	— —

За троекратное печатаніе объявленій взимается 17 к. с. за строку. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, въ полъ листа взимается 2 р. с., въ листъ 4 р. с., за каждые 1000 экз.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ: въ редакціи газеты и въ газетной экспедиціи.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у М. Вольфа и въ перворазрядной конторѣ П. В. Васильева, на углу Невскаго и большой Садовой, возлѣ Пассажа, домъ Кусова.

ВЪ МОСКВѢ: у г. Черенина, на Никольской улицѣ, домъ графа Шереметьева.

ВЪ КІЕВѢ: въ книжномъ магазинѣ Идзиковскаго.

ВЪ МИНСКѢ: у г. Прокоповича.

ВЪ КОВНО: у г. Емиля Мронговіуса.

За границею подписываться можно въ почтамтахъ берлинскомъ и тильзитскомъ, гдѣ и сообщаются условія заграничной подписки.

Редакторъ-издатель **А. К. КИРКОРЪ.**

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА
ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ
въ 1864 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ издается при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Сvнода, съ 1855 года. Въ первые три года (1855, 1856, 1857) онъ выходилъ въ числѣ четырехъ книжекъ отъ 15 до 23 печатныхъ листовъ въ каждой, а съ 1858 года выходитъ ежемѣсячно—до двѣнадцати книжекъ въ годъ, отъ 10 до 14 печатныхъ листовъ въ каждой.

По первоначальной утвержденной святѣйшимъ Сvнодомъ программѣ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, въ немъ должны быть помѣщаемы:

«1. Статьи догматическія, основанныя на священномъ Писаніи, по разумѣнію св. отцевъ церкви, и на ученіи соборовъ и св. отцевъ церкви, съ постояннымъ опроверженіемъ заблужденій, какія окажутся по отношенію къ тому или другому ученію въ разныхъ сектахъ, существующихъ въ Россіи.

«2. Истолкованіе разныхъ текстовъ св. Писанія, на основаніи истолкованія ихъ св. соборами и св. отцами церкви,—текстовъ, преимущественно заключающихъ въ себѣ какое либо православное ученіе, но ложно понимаемыхъ неправомыслящими; равно и такихъ ложно понимаемыхъ текстовъ, на которыхъ неправомыслящіе основываютъ свои заблужденія.

«3. Статьи, излагающія и проясняющія разныя древнія историческія событія, служащія основаніемъ чего либо содержимаго православною церковію, или ложно употребляемыя заблуждающими для доказательства будто бы истины своихъ ложныхъ мнѣній; также краткія, но вѣрныя свѣдѣнія о разныхъ ересяхъ стараго и новаго времени, существующихъ или подновляемыхъ въ нашемъ отечествѣ въ наше время, съ основательнымъ опроверженіемъ тѣхъ ересей; и кромѣ того изъясненіе соборныхъ правилъ, употребляемыхъ заблуждающими въ защищеніе разныхъ своихъ заблужденій.

«Во всѣхъ означенныхъ трехъ отдѣленіяхъ должны быть помѣщаемы приличныя статьи изъ твореній св. отцевъ церкви, смотря по нуждѣ, въ старославянскомъ или въ нынѣшнемъ русскомъ переводахъ; также статьи изъ старославянскихъ церковныхъ сочиненій писателей православной церкви, жившихъ до XVII вѣка.

«4. Надлежащій разборъ разныхъ, по временамъ, тайно являющихся, между заблуждающими, сочиненій.

«5. Статьи, долженствующія служить для христіанъ правиломъ жизни, въ изложеніи ясномъ и удобопонятномъ для всякаго простолюдина.

«6. Объявленія о новыхъ сочиненіяхъ, касающихся разныхъ сектъ, находящихся въ нашемъ отечествѣ, съ надлежащимъ о нихъ отзывомъ.

«7. Разныя статьи, не подходящія подъ означенные отдѣлы, впрочемъ близкія къ нимъ по содержанію»

Редакція ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, стараясь выполнять данную программу, напечатала въ этомъ журналѣ, въ теченіе девяти лѣтъ его изданія, болѣе или менѣе замѣчательныя статьи почти по всѣмъ означеннымъ отдѣламъ программы, а по нѣкоторымъ даже обширныя новѣйшія изслѣдованія, и кромѣ того цѣлыя творенія древнихъ писателей, или въ переводахъ на русскій языкъ, или въ церковно-славянскихъ оригиналахъ. Не перечисляя нынѣ ни оригинальныхъ статей, ни обширныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ за прошлые годы, какъ перечислены онѣ въ объявленіи объ изданіи ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА въ 1863 году, редакція считаетъ не излишнимъ указать на творенія древнихъ писателей, изданныя ею въ своемъ журналѣ. Цѣлыя творенія изданы въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ слѣдующія:

а) въ переводахъ:

1) ПОСЛАНІЯ СВ. ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ; одинъ томъ въ 194 стр. 1855 г.)

2) БЛАГОВѢСТНИКЪ, или толкованіе блаженнаго Θеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія Матθея и Марка (съ предисловіемъ; два тома, въ первомъ 527 стр., во второмъ 258 стр. 1855—1857 г.)

3) СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ; одинъ томъ въ 375 стр. 1858 г.).

4) ДѢЯНІЯ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ—первыхъ трехъ полныя (два тома, въ первомъ 912 стр., во второмъ 502 стр. 1859—1862 гг.) и начало дѣяній четвертаго вселенскаго собора (томъ третій, 1863 г.).

б) въ оригиналахъ:

5) ПОСЛАНІЯ ИГНАТІЯ, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями; одинъ томъ въ 176 стр. 1855 г.).

6) ПРОСВѢТИТЕЛЬ, ИЛИ ОБЛИЧЕНІЕ ЕРЕСИ ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ; одинъ томъ въ 606 стр. 1855—1857 гг.).

7) МОЛИТВЫ НА ВСЮ СЕДЬМИЦУ СВ. КИРИЛЛА, ЕПИСКОПА ТУРОВСКАГО (съ предисловіемъ. 1857 г.).

8) СОЧИНЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ГРЕКА (съ предисловіемъ; три тома, въ первомъ 552, во второмъ 460, въ третьемъ 396 стр. 1859—1862 гг.).

9) **СТОГЛАВЪ** (съ предисловіемъ; одинъ томъ въ 438 стр. 1862 г.).

10) СОЧИНЕНІЕ ИНОКА ЗИНОВІЯ: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ; начато печатаніемъ въ 1863 году).

Въ слѣдующемъ 1864 году ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ будетъ издаваться по тойже программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ. Онъ будетъ выходить, по прежнему, съ 1-го января *ежемѣсячно*, книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ. Въ составъ его будутъ входить: 1) предпринятый при казанской академіи переводъ «Дѣяній (актовъ) вселенскихъ соборовъ,» въ полномъ ихъ составѣ, и именно—окончаніе «Дѣяній *четвертаго* вселенскаго собора» (которыя составятъ третій томъ этого изданія); 2) продолженіе сочиненія инока Зиновія, ученика Максима Грека, подъ заглавіемъ: «*Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи*» (ко-

торое составитъ одинъ большой томъ); 3) статьи догматическаго, нравственнаго, церковно-историческаго содержанія и другія болѣе или менѣе подходящія къ программѣ; 4) кромѣ того, будутъ помѣщаемы замѣчательнѣйшія изъ духовныхъ сочиненій древнихъ русскихъ писателей, доселѣ остающіяся въ рукописяхъ, или хотя уже изданныя, но которыя редакція можетъ найдти въ новооткрытыхъ и лучшихъ спискахъ. Изъ двѣнадцати книжекъ годоваго изданія ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, по окончаніи года, составится, кромѣ «Дѣяній вселенскихъ соборовъ» и сочиненія Зиновія (имѣющихъ особый счетъ томовъ и страницъ), *три* тома оригинальныхъ статей съ приложеніемъ «памятниковъ древне-русской духовной письменности»,—въ каждомъ томѣ будетъ отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1864 годъ, изъ *двѣнадцати* книжекъ ***въ Казани, съ доставкою на домъ и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи***—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается ***въ Казани въ редакціи «Православнаго Собесѣдника», при духовной академіи.***

Въ той же редакціи продолжается подписка на ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за прошлые годы, по слѣдующимъ цѣнамъ—*и съ пересылкою:*

за 1855 годъ	(4 книги)	4 рубля	серебр.
за 1856 годъ	(4 книги)	4 рубля	—
за 1857 годъ	(4 книги)	4 рубля	—
за 1858 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—
за 1859 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—
за 1860 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—
за 1861 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—
за 1862 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—
за 1863 годъ	(12 книгъ)	7 рублей	—

Редакція нашла возможнымъ, для облегченія своихъ подписчиковъ, понизить цѣну на ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

за 1855, 1856 и 1857 годы, какъ показано выше (до 4 руб. вмѣсто 5 руб.). Въ тѣхъ же видахъ, редакція тѣмъ изъ подписчиковъ, которые выпишутъ, прямо отъ нея, вдругъ не менѣе 10 экземпляровъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА,—за одинъ ли годъ, или за разные, будетъ дѣлать уступку противъ объявленной цѣны по 1 рублю съ каждаго экземпляра всѣхъ годовъ.

Контора редакціи въ С. Петербургѣ находится при книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Демидова, откуда можно получать ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за всѣ годы по вышепоказаннымъ цѣнамъ.

14⁴/₈ листов.

Содержание 12-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

☞ Съ первой книжки «Вѣстника», за 18$^{64}/_{65}$ годъ будетъ печататься 2-я часть повѣсти «*Воевода Волчій Хвостъ*», недавно, пріобрѣтенной редакціею отъ автора ее г. ***Сементовскаго.*** Ред.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно**, книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова**, на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова**, и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго**, на Садовой, у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.

Содержаніе 12-й книжки „Вѣстника."

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.
